

С С С Р

В Н У Т Р Е Н Н И Е

П Р О Т И В О Р Е Ч И Я

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

20

**Р Е Д А К Т О Р
В а л е р и й Ч а л и д з е**

CHALIDZE PUBLICATIONS, 1987

**PUBLICATION OF THIS ISSUE
MADE POSSIBLE BY GRANT FROM
THE NATIONAL ENDOWMENT FOR
DEMOCRACY**

**INTERNAL CONTRADICTIONS IN USSR
Number 20. edited by Valery Chalidze**

Copyright 1987 by Chalidze Publications

**Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731 USA**

СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
УКАЗАТЕЛЬ К ВЫПУСКАМ 11–20

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПОЛИТИКА,
ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА

Людмила Алексеева.

Инакомыслие в Латвии	12
Письмо о надежде	15
Забастовки в СССР (послесталинский период)	15
Горбачев и диссиденты	19
Новые партии в СССР	20

Дина Каминская

Тенденция в текущем законодательстве и проблема демократизации общественной жизни в Советском Союзе	20
---	----

Арон Каценелинбойген

Парадокс Горбачева	19
------------------------------	----

Эдвард Клайн

Андрей Сахаров — лояльная оппозиция Горбачеву	19
Марксистская общественная группа 68, 80. Избирательная система в СССР	11

Анатолий Марченко

Письмо участникам совещания по проверке выполнения Хельсинкских соглашений	17
--	----

Рой Медведев

Как мы живем в "орвелловском" 1984	11
Советский Союз. Важный поворот в культурной жизни страны. 1985–86	20
Культурный подъем в СССР. Проблемы и перемены. 1987	20
М. Горбачев. Перестройка. Демократизация и диссиденты	20

Эрнст Орловский

Об усилении ответственности за государственные преступления	12
Об изменениях, внесенных 1 января 1984 г. в законодательство СССР о подоходном налоге с населения	13
Некоторые впечатления от XXVII съезда КПСС	15
Свобода информации — необходимое условие прочного международного доверия и долговременной разрядки	16
Открытое письмо Генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру	16

Константин Симис

Новое поколение советских правителей: партократы
или технократы? 15

Валерий Чалидзе

О социально-экономических правах в СССР. 12

К вопросу о массовых возмущениях 13

Демократия в России. 18

Рабочие реформы 19

Однопартийная демократия. 19

Вячеслав Чорновил.

Открытое письмо Генеральному секретарю

ЦК КПСС Горбачеву М.С.. 20

Ефрем Янкелевич

Общественно-политические взгляды А.Д. Сахарова . . 14

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ СССР

Борис Вайль

Революционная ситуация в СССР? 16

Борис Шрагин

Будущее — в настоящем. 16

Валерий Чалидзе

Демократия в России? 18

Александр Янов

Русская идея в "молодогвардейском" исполнении . . 15

Готов ли Запад к 2000 году? 16

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Петр Болдырев

Две этики. 13

Сергей Максудов

И Запад и Восток 15

Жорж Нива

Человек и ГУЛаг 16

Иван Филимонов

О социальной этике. 16

ИСТОРИЯ

М. Болоховский

Парадоксы синих книг. 17

Максим Горький

О русском крестьянстве. 19

Сергей Максудов

Новый порядок 13

П. Негретов

Короленько и Ленин. 11

Ричард Пайнс

Убийство царской семьи. 19

ДЕМОГРАФИЯ И ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ

Сергей Максудов

Потери населения СССР (1918–1958)	11
Вызов со стороны демографии	14
Демографические резервы перестройки	20

ЭКОНОМИКА

Игорь Бирман

Экономические права советского населения	14
Советская экономика и советология	17
Способа поставить страну на ноги в рамках системы нет.	19

Арон Каценелинбойген

О связи экономистов с практическими работниками	11
По поводу вертикальных и горизонтальных механизмов в советской экономике	12
К 25-летию выхода в свет книги Л.В. Канторовича "Экономический расчет наилучшего использования ресурсов"	15

М. Элман

Улучшит или ухудшит экономическая реформа положение в СССР в ближайшее время?	18
--	----

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Михаил Аксенов-Меерсон

Религиозные запросы и проблемы советского общества	14
---	----

Богдан Кравченко

Классовая структура и национальный вопрос на советской Украине	18
---	----

С. Максудов

Перспективы национального развития СССР	18
---	----

П. Милюков

Национальный вопрос в свете современности	17
---	----

ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Геннадий Барабтарло

Первое лицо единственного числа	15
---	----

Александр Гершкович

Цензура и искусство	11
Альтернативы в советском искусстве.	18

Валерий Головской

Киноцензура в СССР	12
Американские фильмы на советских экранах.	12
"Искусство кино" – портрет журнала	13

Раиса Орлова

Перестройка? Покаяние? Пересмотр? (По страницам советских газет и журналов январь 1986 – май 1987) 20

Феликс Розинер

Тема с вариациями 17

ВОСПОМИНАНИЯ, PERSONALIA

Т. Ауэровская

Судьба романа "Не хлебом единым" 16

Лариса Богораз

Заявление. 17

М. Гефтер

Несколько слов о Ю. Ларине 19

Дина Каминская

Памяти Анатолия Марченко. 17

Ефим Килинский

Врачи убийцы и убийцы врачей. 14–15

Стивен Козн

Памяти Гнедина 11

Эстер Маркиш

Неугасимый светильник 17

Раиса Орлова

История одного послесловия 13

Игорь Пятницкий

Встреча на Лубянке. 20

Лев Юдович

Отец Павел Адельгейм. 16–18

ДОКУМЕНТЫ

Татьяна Ауэровская

Письмо шестидесяти трех 18

Из архива ОГПУ Чурнухского района

1921–1927 гг. 14

Х. Раковский

Письмо Валентинову 18

И. Сталин

О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" 15

Троцкий

О Сталине. 12

Силуэты политических деятелей. Письма, заявления . 13

ПРИЛОЖЕНИЯ

Каталог книг Chalidze Publications 12, 19

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дина Каминская.</i> Тенденции в текущем законодательстве и проблема демократизации общественной жизни Советского Союза.	9
<i>Людмила Алексеева.</i> Новые партии в СССР?	25
<i>Рой Медведев.</i> Советский Союз. Важный поворот в культурной жизни страны-1985—1986	76
Культурный подъем в СССР.	
Проблемы и перемены. 1987	107
<i>М. Горбачев.</i> Перестройка. Демократизация и диссиденты	129
<i>Вячеслав Чорновил.</i> Открытое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву М.С.	142
<i>С. Максудов.</i> Демографические резервы перестройки	178
<i>Раиса Орлова.</i> Перестройка? Покаяние? Пересмотр? (По страницам советских газет и журналов, январь 1986 — май 1987)	256

История

<i>Игорь Пятницкий.</i> Встреча на Лубянке	281
--	-----

Исправление:

В номере 19 в статье Максима Горького "О русском крестьянстве" по техническим причинам допущена опечатка. На стр. 208 10 строку сверху следует читать:

мог уловить какой-либо оригинальной идеи, при-

Дина Каминская

**ТЕНДЕНЦИИ В ТЕКУЩЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Внутриполитический курс, избранный нынешним советским руководством, несомненно более либерален, нежели курс, проводившийся предшественниками Горбачева. Значительно расширены рамки творческой свободы журналистов, писателей, ученых. Власти терпимо относятся к появлению множества так называемых неформальных объединений, клубов, инициативных групп. И совершенно естественно, что эти положительные изменения в сфере интеллектуальной и общественной жизни у множества людей породили надежды на возможность подлинной демократизации режима, веру в то, что уже вплотную приблизилось время, когда каждый советский человек обретет реальную возможность пользоваться всей полнотой прав и свобод, присущих гражданам в демократическом обществе.

Оправданы ли такие надежды? И существуют ли объективные критерии, которые позволили бы судить о том, как далеко готовы нынешние руководители страны идти по пути демократических преобразований?

Ответить на эти вопросы с полной категоричностью не представляется возможным. В прогнозах всегда следует проявлять осторожность, а тем более, когда речь идет о таком закрытом обществе, как советское.

И все же мы располагаем необходимыми данными, позволяющими если не предсказать последующий ход развития советского общества, то хотя бы определить наметившиеся уже сегодня тенденции процесса, опираясь при этом на вполне объективный критерий. Таким критерием, на наш взгляд, является содержание, суть ряда изданных за последний год законов и подзаконных актов. Дело в том, что какими бы пропагандистскими соображениями власть ни мотивировала необходимость издания того или иного закона, какая бы пропагандистская преамбула ни была ему предпослана, само содержание закона всегда четко отражает и подлинную волю и подлинные намерения властей. Вот почему именно законы, принятые в период перестройки, могут ответить на вопрос: как же далеко готовы пойти нынешние руководители Советского Союза по пути демократических преобразований.

Начнем наш анализ с Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1986 года о внесении дополнений в Положение о въезде в СССР и

о выезде из СССР. Постановление это, вступившее в силу с 1 января нынешнего года, действительно несколько облегчает советским гражданам процедуру оформления выездной визы. Но в сущность проблемы оно изменений не внесло.

Основными признаками субъективного права всегда являются, во-первых, соответствующая ему обязанность государственных органов удовлетворить основанное на законе требование гражданина. И, во-вторых, в случае отказа государственного органа удовлетворить законное требование предоставление гражданину права обжаловать такой отказ в судебном порядке.

И вот, если пользуясь этими критериями подойти к оценке Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1986 года, легко убедиться, что оно не устанавливает субъективного права граждан покидать страну и возвращаться в нее, равно как и не предусматривает гарантий осуществления такого права. Ведь и ныне советским гражданам дозволено лишь просить о разрешении на выезд (или на въезд), а государство, в лице органов ОВИР, может удовлетворить такую просьбу, но вправе и отказать в ней. В каждом случае власти рассматривают разрешение покинуть страну как добровольный дар, как милость, а не как выполнение предписанной им законом обязанности.

Первый заместитель министра юстиции СССР И. С. Самощенко в интервью, посвященном специально Постановлению Совета Министров о правилах выезда из страны и въезда в нее (оно было

опубликовано в "Известиях" 8 декабря 1986 года), утверждал, что в советском законодательстве по проблемам человеческих контактов "учитываются" как Пакт о гражданских и политических правах, так и Заключительный акт Хельсинкского совещания.

Нелишне отметить, что И. С. Самощенко не только заместитель министра, но и доктор юридических наук, крупнейший в стране специалист по проблемам законодательной техники. И, конечно же, он не случайно сказал, что в советском законодательстве международные соглашения по правам человека именно только "учитываются". Ему ведь прекрасно известно, что, согласно принципам международного права, советское законодательство должно не только учитывать положения международных соглашений, но и полностью им соответствовать.

Но как раз этот принцип Постановление Совета Министров СССР нарушило. Оно лишь определило порядок оформления разрешения на выезд из страны и въезд в нее, сроки рассмотрения заявлений частных лиц, но не провозгласило право граждан свободно покидать страну и свободно в нее возвращаться.

Более того, по-прежнему в качестве обязательного условия для получения разрешения на эмиграцию или временный выезд сохраняется получение вызова от близких родственников.

Нельзя также не обратить внимания и на то, что Постановление Совета Министров СССР, о котором идет речь, не предоставило гражданам

право обжаловать в суд отказ в разрешении на эмиграцию или на временный выезд из страны. И это — еще одно свидетельство того, что советское правительство так и не решилось предоставить своим гражданам права свободно покидать страну.

Для Закона об индивидуальной трудовой деятельности, принятого 19 ноября 1986 года, характерна та же тенденция, что и для Постановления Совета Министров СССР о правилах выезда из страны и въезда в нее — стремление власти, открывая перед гражданами определенные возможности, не превращать эти возможности в субъективное право.

При анализе Закона об индивидуальной трудовой деятельности бросается в глаза, что он ставит граждан, занимающихся этой деятельностью, в положение полной зависимости от чиновников исполкомов и финотделов.

Так, в соответствии со статьей 6 Закона, для того, чтобы заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, необходимо получить разрешение от местного исполкома. Но при этом Закон не дает перечня оснований, по которым исполком может отказать в таком разрешении. Более того, по мотивам, также не названным в Законе, исполком может и аннулировать уже выданное разрешение.

Вместе с тем, Закон открывает широкий простор для злоупотреблений и произвола местных властей, ибо устанавливает, что отказ в разрешении на индивидуальную трудовую деятель-

ность может быть обжалован только в вышестоящий исполком, лишая, таким образом, граждан возможности обратиться за защитой своих прав в суд.

Кроме того, не менее существенно, что Закон об индивидуальной трудовой деятельности ставит граждан, ею занимающихся, в полную финансовую зависимость от финотдела исполкома. В соответствии со статьей 7 Закона, размер налога на доходы, полученные от индивидуальной трудовой деятельности, а также стоимость патента, дающего право заниматься такой деятельностью, определяются исполкомами и финотделами. Они имеют право установить столь высокие налоги и цену на патент, при которых такая деятельность станет убыточной. А права обжаловать такие действия финотделов в суд Закон не предусматривает. Таким образом, установленные этим Законом формы контроля за индивидуальной трудовой деятельностью, а также порядок ответственности граждан, которые ею занимаются, создают достаточно надежную юридическую гарантию защиты интересов государства. А вот гарантий защиты прав и интересов самих граждан, юридического механизма защиты этих прав Закон не предусматривает.

О том, что указанная выше тенденция — не предоставлять гражданам субъективных прав и на судебную защиту своих интересов — это не случайность, а проявление закономерности, свидетельствует принятый 30 июня нынешнего года Закон о порядке обжалования в суд неправо-

мерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Закон этот мог бы стать вехой в развитии демократии в СССР, в укреплении и расширении гарантий защиты граждан от произвольных нарушений их прав. Мог бы стать, но не стал. Не стал не потому, что комиссия, готовившая проект этого закона, не сумела разработать положения, содержащие такие гарантии. Широко обсуждавшийся в советской прессе законопроект предусматривал широчайшую возможность обращаться в суд с жалобами на любые решения должностных лиц, принятые как единолично, так и коллегиально. Но, очевидно, такое подлинно демократическое преобразование не входило в намерения властей. В окончательном виде закон оставил за гражданами право обжаловать в судебном порядке только решения, принимаемые должностными лицами единолично.

Конечно, зависимость советских судей от властей может влиять на объективность выносимых ими по жалобам граждан решений. И все же шансов добиться справедливости в суде у жалобщика несомненно значительно больше, нежели при обжаловании в вышестоящие ведомственные инстанции. И потому, что суд организационно с ведомством, где работает должностное лицо, на которое приносится жалоба, не связан, от этого ведомства не зависит. И, несомненно, важнейшей предпосылкой справедливого и объективного разрешения жалобы должны стать публичность и гласность судебного процесса.

Таково принципиальное и, несомненно, позитивное значение самого факта введения судебного порядка рассмотрения жалоб на неправомерные действия должностных лиц. Но, к сожалению, Закон, принятый 30 июня 1987 года, страдает столь серьезными пороками, что они сводят почти на нет его возможный позитивный эффект.

Важнейшим пороком этого закона следует считать то, что он, вопреки статье 58-й конституции, в развитие которой он был издан, признает за гражданами, как уже было упомянуто, право обжаловать в суд только действия, осуществляемые должностными лицами единолично. Однако общеизвестно, что, как правило, граждане вынуждены обжаловать решения, принимаемые должностными лицами коллегиально. И, следовательно, власти сознательно и намеренно лишили подавляющее большинство народа конституционного права на судебную защиту их нарушенных прав и интересов. Граждане оказались лишенными права обжаловать в суд принимаемые коллегиальными органами жизненно важные решения о распределении жилплощади, о приеме в высшие учебные заведения, отказы в разрешении выехать из страны и многие другие.

Кроме того, законодатель счел необходимым запретить обжалование в судебном порядке действий должностных лиц, связанных с обеспечением обороноспособности страны и государственной безопасности. Не подлежит сомнению, что обороноспособность и безопасность государства следует обеспечивать, но делать это следует толь-

ко законными методами, не ущемляя при этом прав граждан. Если же в интересах безопасности должностное лицо допускает беззаконие, в результате которого оказываются нарушены имущественные или личные права человека, то этот последний, как и все граждане страны, должен иметь возможность обратиться за защитой в суд. (Проблема соблюдения секретности при этом может быть разрешена так же, как она решается при рассмотрении уголовных дел, связанных с государственной тайной.)

К числу недостатков Закона о порядке судебного обжалования неправомερных действий должностных лиц следует отнести и то, что он оставил без изменения явную несправедливость, допущенную действующим трудовым законодательством в отношении нерядовых работников. Все они включены в так называемый Перечень № 1, приложенный к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров, и лишены права обжаловать свое увольнение в суд, какими бы беззакониями оно ни сопровождалось.

И еще один серьезный дефект Закона о судебном обжаловании неправомερных действий должностных лиц, о котором нельзя умолчать. Он существенно ограничил право жалобщика пользоваться в суде помощью профессионального защитника. Статья шестая этого закона гласит: "Жалобы рассматриваются судом... как правило, в открытом судебном заседании с участием гражданина, подавшего жалобу, и должностного лица, действия которого обжалуются... Если

гражданин или должностное лицо... не могут явиться в суд по уважительным причинам, дело может быть рассмотрено с участием представителя гражданина... или представителя должностного лица”.

Как видим, единственное упоминание, свидетельствующее о возможности участия адвоката, относится лишь к тем случаям, когда одна из сторон не может участвовать в судебном процессе. Нельзя не видеть в этом сознательного ограничения прав граждан на защиту.

Противоречит демократическим принципам правосудия и то, что граждане, считающие решение суда неправильным, лишены возможности обжаловать его. В то же самое время, прокуратуре предоставлено право опротестовывать такие решения в порядке надзора.*

В результате наличия всех этих пороков закон, призванный укрепить и расширить гарантии соблюдения прав граждан, не оправдал возлагавшиеся на него надежды. И трудно предположить, что пороки эти являются результатом непродуманности. Значительно более вероятно, что в данном случае в законодательстве возобладала тен-

* Уже после того как эта статья была написана, Верховный Совет СССР 20 октября 1987 года внес ряд изменений в Закон о порядке обжалования в судебном порядке неправомερных действий должностных лиц. Ныне, в новой редакции решения суда могут быть обжалованы заинтересованными сторонами в суд вышестоящей инстанции.

денция, направленная против демократизации общественной жизни страны. Создается впечатление, что именно эта тенденция доминирует в настоящее время в Советском Союзе. Видимо, таковы установки, исходящие от высших властей. И это предположение подтверждается, в частности, тем, что не только в союзных законах и в постановлениях Совета Министров СССР, но и в актах, издаваемых местными органами власти и управления, прослеживается стремление ограничить конституционные права граждан и лишить их возможности защищать эти права через суды.

Первый пример — это принятое в августе 1987 года решение Мосгорисполкома "О собраниях, митингах... и иных мероприятиях в общественных местах города Москвы".

Само по себе то обстоятельство, что, в соответствии с этим актом, на проведение демонстрации необходимо получить заранее разрешение председателя райисполкома того района, на территории которого она должна состояться (или председателя горисполкома, если намеченный маршрут демонстрации проходит по территории нескольких районов), не может встретить возражений. Это необходимо и для решения проблем городского транспорта и хотя бы для того, чтобы избежать проведения нескольких разных демонстраций в одно и то же время по одному и тому же маршруту.

Но те ограничения, которые введены решением Мосгорисполкома, далеко выходят за пределы необходимых для поддержания обществен-

ного порядка. Несомненно также, что эти ограничения ущемляют конституционное право граждан на свободу митингов и демонстраций. И, пожалуй, одним из существенных ограничений является запрещение проводить митинги и демонстрации в центре города, на улицах и площадях, примыкающих к правительственным зданиям и к зданию ЦК КПСС.

Но ведь совершенно очевидно, что демонстрация — это не бессмысленное шествие и маршрут ее должен быть подчинен ее целям. И если, скажем, демонстранты протестуют против эмиграционной политики советских властей или против какого-нибудь решения партии и правительства, они должны иметь возможность выразить свой протест перед зданиями, в которых расположены ЦК КПСС, Совет Министров или Президиум Верховного Совета СССР, а не на отдаленных от них улицах. Так что, на наш взгляд, решение Мосгорисполкома, а оно было апробировано, видимо, в Политбюро, нельзя расценить иначе, как пренебрежение к народному мнению, как нежелание руководителей страны выслушивать требования, с которыми обращается какая-то, пусть даже небольшая часть граждан страны.

Но ущемление конституционных прав граждан не ограничивается запрещением проводить митинги и демонстрации в центре города. Решение Мосгорисполкома вводит и другие, не менее серьезные ограничения. В соответствии с этим решением председателям райисполкомов и председателю горисполкома предоставлено право

давать разрешение на проведение митинга или демонстрации и право отказать в таком разрешении. Но по каким основаниям может быть дан отказ?

Весьма тревожный ответ на этот вопрос содержится в интервью заместителя председателя Мосгорисполкома Костенко, которое было опубликовано в газете "Вечерняя Москва" 1 сентября нынешнего года.

"Под флагом гласности и перестройки, — заявил он, — появились различные группки и объединения, которые... спекулируют на реальных и вымышленных трудностях и проблемах, устраивают провокационные демонстрации. ... Трудящиеся настоятельно просят, — продолжал он, — не допускать, чтобы улицы и площади Москвы стали для экстремистов местом сборищ".

Сказанное означает, что власти оставляют за собой право запретить любую неугодную им демонстрацию, наклеив на нее ярлык провокационной. Именно так и поступил Костенко, когда группа "Свобода эмиграции для всех" запросила в октябре разрешение провести митинг на улице. Как сообщается в бюллетене "Вести из СССР" (1987 г., № 17/18), заместитель председателя Мосгорисполкома отказал в просьбе, сославшись (без всяких доводов и мотивов) на то, что митинг "преследует провокационные цели".

Таким образом, установив правило, в силу которого в заявлении о разрешении на проведение мероприятия необходимо указать его цель, власти обеспечили себе возможность запрещать

митинги или демонстрации по политическим мотивам.

Антидемократический характер решения Мосгорисполкома проявился в том, что оно, вступив в явное противоречие с Законом о порядке обжалования неправомерных действий должностных лиц, запрещает обжаловать в суд отказ в разрешении на проведение митинга или демонстрации, несмотря на то, что такое решение принимается единолично.

А если ко всему этому добавить, что на участников демонстраций и митингов, которые проводятся не по решению властей, постановление Мосгорисполкома возлагает обязанность оплачивать расходы милиции по охране общественного порядка, становится очевидным, что цель издания этого акта заключается не столько в том, чтобы упорядочить порядок проведения митингов и демонстраций, сколько в том, чтобы лишить советских граждан, желающих выразить свое несогласие с политикой правительства, возможности использовать для этой цели соответствующее право, предоставленное им конституцией.

Пожалуй, с еще большей наглядностью проявились антидемократические тенденции в принятом в сентябре 1987 года решении Мосгорисполкома о введении новых ограничений права на проживание в Москве. Решение это совершенно откровенно нарушает закрепленное в статье 12 Пакта о гражданских и политических правах (ратифицированного Советским Союзом в 1973 году) право человека свободно избирать место своего жительства.

Запрет принимать иногородних на работу в Москве и зачислять их в ПТУ, не имеющие собственных общежитий, противоречит принципу социальной справедливости. Ведь в основе этого принципа лежит признание равенства всех граждан перед законом, признание за каждым членом общества равных возможностей. В том числе и возможности жить, работать и учиться в населенном пункте, который человек избирает по своей воле. Нарушение принципа социальной справедливости не может быть оправдано ни ссылками на целесообразность, ни соображениями государственной выгоды.

Но еще более вопиющим нарушением фундаментальных прав человека стали те ограничения, которые вторгаются в сферу семейных отношений. Ныне, как это установлено решением Мосгорисполкома, родители даже пенсионного возраста или инвалиды могут быть прописаны к сыну или дочери, проживающим в Москве, только в том случае, если у них нет других детей, проживающих в других городах.

А как же быть старикам, чья жизнь в семье детей, проживающих вне Москвы, оказалась бы невыносимой в силу, скажем, сложившихся внутрисемейных отношений или отсутствия у этих детей необходимой жилой площади? Совершенно очевидно, что столичные власти, вопреки законам, вопреки конституции, присвоили себе право распоряжаться личной жизнью людей, разрушать семейные связи. А между тем родители и их дети это ведь семья, которая, как сказано в конституции СССР, находится под защитой государства.

Грубым нарушением этого конституционного принципа является также и установленный Мосгорисполкомом порядок, в силу которого дети старше 18-ти лет не могут быть прописаны к своим проживающим в Москве родителям без разрешения специальной комиссии.

Появление подобного акта в разгар перестройки, в момент, когда руководители страны заверяют о своей решимости демократизировать жизнь советского общества, не может не породить серьезные сомнения если не в искренности и серьезности подобных заверений, то в реальной способности руководителей вести страну по пути демократизации. Вряд ли можно считать готовыми к выполнению столь сложной задачи политических деятелей, в сознании которых укладывается возможность разрушать семьи, решать за людей, с кем из своих родных они должны жить во имя решения такой проблемы, как перенаселенность Москвы, да и вообще любой проблемы.

Своеобразие процесса либерализации общественной жизни в СССР заключается в том, что начатый по инициативе власти, он и далее протекает в рамках, которые определяются не законом, а волей и намерениями этой власти. Она сама отмеривает ту долю свободы, которую в данный момент считает возможным предоставить народу. И анализ законов и подзаконных актов, которые стали предметом нашего внимания, свидетельствует, что власть пока еще не готова признать, что эта свобода должна стать стабильным, закрепленным в законе и обеспеченным судебным механизмом защиты правом.

Людмила Алексеева

НОВЫЕ ПАРТИИ В СССР?

10 лет в эмиграции я занималась проблемами инакомыслия в СССР. Но в нынешнем 1987 году условия работы резко изменились. Прежде это была работа исследователя, изучающего почти статичный объект. Теперь это работа скорее журналистская: объект описания меняется столь стремительно, что невозможно необходимое для исследований исчерпывающее его изучение и неспешное над ним размышление, приходится делать упор на фиксацию новых явлений, не ожидая, пока они прояснятся, структурируются, пока станут очевидными тенденции их дальнейшего развития. Очень примечательное среди таких новшеств — взрывное распространение неформальных общественных объединений — клубов, кружков, групп, семинаров общественно-политического характера. Эпицентр этого взрыва общественной активности — Москва. Там начало его пришлось на лето 1987 года. Сейчас, в октябре, когда пишется эта статья, еще рано судить, закончился ли уже период массового возникнове-

ния неформальных общественно-политических групп или он еще продолжается. Рой Медведев в интервью московскому корреспонденту "La Repubblica de Rome" рассказал об этом лете (цитирую по переводу с итальянского на английский): "До моего отъезда из Москвы в отпуск в июле там было около 50 таких групп. Теперь (статья была опубликована в воскресном издании за 11—12 октября)... их около 2 тысяч". Рой Медведев имеет в виду Москву и добавляет, что несколько сот неформальных общественно-политических объединений появилось в Ленинграде и других городах и что таких групп особенно много в Прибалтийских республиках. Повторяю: речь идет не о группах любителей литературы, живописи или рокмузыки, а о группах "реального политического действия". Лавинообразный рост численности таких групп и, главное, их открытая активность создали качественно новую ситуацию в жизни советского общества, хотя следует сказать, что появились они не на совсем пустом месте.

Не только в послесталинское время, но и в разгар сталинского террора находились отчаянные люди, создававшие группы, ставившие целью "исправление" советского социализма. Все эти группы поневоле были подпольными, до нас дошли свидетельства лишь о малой их части — становилось известно о них только после их раскрытия и поголовных арестов их участников, в большинстве лишившихся жизни за свой дерзкий вызов правящей партии. В послесталинское

время сведения о все новых подпольных социалистических группах приходили главным образом из лагерей. Познакомиться участникам разных групп удавалось лишь в заключении. В послесталинское время социалистов, представляющих себе социализм на иной манер, чем в ЦК КПСС, уже не убивали, но действовать они по-прежнему могли только подпольно и не так уж долго: средняя продолжительность деятельности любого подпольного кружка в советских условиях до момента его раскрытия и арестов его членов обычно составляла не более двух лет. Летом нынешнего 1987 года они впервые за более чем половину века получили возможность работать открыто.

Законодательным основанием для создания неформальных групп политического характера (весьма шатким) является опубликованное в марте 1986 г. положение о любительских объединениях. Оно было опубликовано как дополнение к положению 1932 г. о добровольных обществах и союзах, вовсе не рассчитанного на создание сносных условий для политического инакомыслия.

Первым открытым проявлением такого инакомыслия в наступивший в СССР период "гласности", привлекая к себе широкое внимание, оказалось ставшее уже одиозным общество "Память", обозначившее правый фланг нынешних неформальных политических объединений.

Официально провозглашаемая цель этого общества явствует из его полного названия: "патриотическое историко-литературное общество". Неофициально члены "Памяти" любят называть

себя "Русской партией". Самиздатский автор, подписавший свое эссе инициалами В.П., уже в 1986 году охарактеризовал "Память" как "зародыш организационной структуры национал-большевизма как массового движения" (цитирую по нью-йоркской газете "Новое русское слово" от 20 декабря 1986 г.).

Действительно, у "Памяти" есть некоторые признаки, по которым ее можно считать зародышем партии русских националистов. Прежде всего, она имеет разработанную идеологию — национал-большевизм. Эта идеология имеет своих проповедников в официальной прессе и литературе. Среди них — автор псевдоисторических романов Валентин Пикуль; специализирующийся на прославлении советской внешней экспансии, в том числе войны в Афганистане, Александр Проханов — бездарный вариант советско-русского Киплинга; поэт Юрий Кузнецов, литературовед Петр Палиевский, художник Илья Глазунов. Кроме этих распространителей национал-большевизма, "Память" имеет собственных вождей и идеологов. Профессор Евгений Пашкин, специалист по геологии, выступает на историко-патриотических вечерах "Памяти" с разоблачениями Главного архитектурно-планировочного управления Москвы (ГлавАПУ) как "гнезда международного сионизма". Журналист и фотограф Дмитрий Васильев специализируется на этих же вечерах на речах о "жидо-масонском заговоре против русской культуры", "гвоздь" которых — персональное обвинение в разрушении и осквернении мос-

ковских храмов сталинского сподвижника — Л.М. Кагановича, с подчеркиванием его еврейского происхождения как побудительного мотива его разрушительной деятельности. Наконец, среди лидеров "Памяти" — профессор Валерий Емельянов, известный, во-первых, как автор антисемитских статей в советской прессе и дикой антисемитской книжки "Десионизация", набранной в Париже в типографии "Свободная печать Палестины" (1980 г.), а, во-вторых, тем, что зарубил топором свою жену, за что провел несколько лет в психиатрических больницах и на излечении от алкоголизма.

Идейный багаж "Памяти" не исчерпывается антисемитизмом. Он дополняется горячей поддержкой горбачевской "перестройки" и "гласности", которую руководители "Памяти" активно используют для расширения своей организации и распространения ее идей.

Корреспондент "Комсомольской правды" Е. Лесото посетила несколько собраний "Памяти". В своей статье (22 мая) об этом обществе, названной ею "В беспамятстве", Лесото приводит выдержки из услышанных там выступлений:

"Неправославные, нерусские, масоны разрушали православные памятники"; "Реконструкцией Москвы занимался Каганович.., уничтожение национальных святынь продолжают сообщники Кагановича"; "Всюду в газетах — зашифрованные семисвечники, шестиконечные звезды; в ГлавАПУ разработан генеральный план реконструкции Москвы, предусматривающий "создание

звездообразного центра, подобного государственной печати США”.

Эта зловещая оперетта пугающе сходна с зарождением в мюнхенских пивных гитлеровской ”национал-социалистической партии”.

На вечера ”Памяти” в Москве собирается по 700—800 человек и проводятся эти вечера в Доме культуры имени Горбунова или в Центральном доме художника у Крымского моста. Штаб-квартира московского отделения ”Памяти” (самого большого из ее 16 отделений в разных городах страны) находится в том же здании, что и Ленинский РК КПСС на Кропоткинской улице. Транспаранты для демонстрации ”Памяти”, проведенной в центре Москвы 6 мая 1987 г., хранились в пункте охраны общественного порядка у метро Добрынинская. Широкое использование казенных помещений указывает на поддержку ”Памяти” партийными и советскими чиновниками немалых рангов. О покровительстве ”Памяти” ”сверху” свидетельствует и весь ход демонстрации 6 мая. В этой демонстрации участвовали 400-500 человек. Она прошла от Манежа по улице Горького до здания Моссовета с лозунгами: ”Долой саботажников перестройки!”, ”Требуем встречи с М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным!”, ”Статус историко-патриотическому объединению ”Память”!”, ”Прекратить работы на Поклонной горе!” (там возводится мемориал в честь победы в Великой отечественной войне, резко критикуемый ”Памятью”). Демонстрацию на пути ее следования охраняла милиция, движение по улице

Горького было перекрыто. Демонстрантов принял секретарь Московского горкома КПСС Борис Ельцин в Мраморном зале Моссовета, вмещающем 500 человек; зал был полон. Встреча продолжалась около 2-х часов. Ельцин отвечал на вопросы не с трибуны, а спустившись в зал к демонстрантам, и обещал учесть их пожелания.

Поддержка русского национал-большевизма "сверху" (возможно, с самого "верха") возникла намного раньше наступления горбачевского периода. Сращение национал-большевистской идеологии с формально марксистской идеологией правящего советского эстеблишмента вышло на поверхность в сталинские времена. В брежневское правление, когда национальные устремления других наций жестоко преследовались, к русскому национализму относились по крайней мере терпимо, не закрывая ему доступ в официальную литературу и прессу, хотя и ограничивали его из-за необходимости считаться с чувствами других наций советской империи. Русских националистов, арестованных на протяжении брежневского периода за выражение своих взглядов, можно пересчитать по пальцам. Более благополучное положение русских националистов по сравнению с другими инакомыслящими, видимо, и обеспечило им возможность после начала "потепления" первыми заявить о себе публично. К началу горбачевской "гласности" только они обладали существующей полуофициально и не разрушенной арестами организационной структурой.

Объединение "Память" было создано в начале

1980-х годов при Министерстве авиационной промышленности. Вскоре после московского стало функционировать ленинградское отделение "Памяти", которое, однако, до сих пор значительно меньше московского. В других городах отделения "Памяти" появились уже в период "гласности".

В брежневские времена "Память" устраивала субботники и воскресники на реставрируемых памятниках русской старины, а также вечера встреч с писателями, историками, художниками, выбирая таких, в чьих произведениях были явственны русские национальные (или националистические) мотивы. Так, самым популярным художником, просто идиолом "Памяти" был и остался Илья Глазунов. С самого начала многие члены общества "Память" не очень-то скрывали свои националистические и антисемитские настроения, а в эпоху "гласности" именно агрессивный антисемитизм всплыл на поверхность.

После демонстрации 6 мая 1987 г. о "Памяти" заговорила советская пресса, прежде лишь глухо упоминавшая об этом обществе, как правило, не называя ни его, ни фамилий его руководителей ("некое общество", "один поэт и литературовед" и т.д.). Майской демонстрацией "Памяти" русский национализм заявил о себе как о серьезном политическом направлении в современном советском обществе, о трансформации "патриотического историко-литературного общества" в зачаток новой партии шовинистическо-фашистского толка, о сознательном стремлении "Памяти"

превратиться в альтернативную политическую силу в советском обществе свидетельствует попытка выставления кандидатуры председателя Совета объединения "Память" К. Андреева (рабочий, член КПСС) на выборах в местные советы.

Необычный для советской действительности феномен зарождения политической партии не мог не привлечь внимания и друзей и противников "Памяти" к ее карикатурной и в то же время жутковатой идеологии, порождающей тревогу не только у сторонников демократизации советского режима, но и у апатичной части общества, не забывшего уроки сталинизма. Я думаю, тревога советского общества, вызванная активизацией "Памяти", этого "фашизма с русским лицом", ускорила формирование и организационное оформление демократического крыла советского инакомыслия — либералов и демократических социалистов — и обеспечило им поддержку сверху в противовес нарастающей активности "Памяти". Надо сказать, что среди неформальных групп, появившихся в СССР в течение лета—осени 1987 г. и имеющих политический оттенок, большинство ориентировано на демократизацию советской социально-экономической системы. Однако на Западе о неформальных объединениях демократического и социалистического толка известно очень мало, так как центральная советская печать, уделившая большое внимание колоритной "Памяти", об этих группах упоминает лишь изредка и вскользь: название группы, одна—две фамилии ее активистов — и это все. Больше материалов об

этих группах в местных газетах, особенно в московских ("Московская правда", "Московский комсомолец", "Вечерняя Москва" и др.), недоступных на Западе, так что моим основным источником о демократических социалистах, как и прежде, в основном остается самиздат. Во всяком случае, первая характеристика московских дискуссионных социалистических клубов, достигшая Запада, содержалась в первом номере информационного бюллетеня "Гласность", который выпускает с июня 1987 г. Сергей Григорьянц — московский литератор, бывший политзэк, освобожденный досрочно за четыре месяца до этого. В первом номере "Гласности" есть раздел "Дискуссионные клубы, семинары, лекции", в котором упоминаются: клуб "Московское время", организовавший 17 марта 1987 г. диалог между "почвенниками" и "западниками" для примирения этих точек зрения; семинар общих проблем при Институте востоковедения Академии наук СССР, где доклад "Темпы и ритм исторического процесса" прочел философ Григорий Померанц; исторические чтения "Социальная память человечества" в Московском историко-архивном институте, на которых выступали известные советские историки Д.С. Лихачев, П.В. Волобуев, С.С. Аверинцев и др.; дискуссионный клуб семинара "Мирные и социальные инициативы", обсуждавший на заседаниях в марте—апреле возможные пути перестройки советской экономики и соотношение экономики с политикой прав человека; конференция в Институте философии АН СССР

”Хозяйственный механизм как согласование и реализация интересов советского общества, коллектива и личности” (апрель—май 1987 г.); семинар в Институте экономики АН СССР о коллективизации сельского хозяйства (май 1987 г.); постоянно действующий семинар ”Демократия и гуманизм”, созданный в марте 1987 г. и выступивший с программой, ”целью которой является становление демократии в СССР”; группа за ”Доверие между Востоком и Западом”; семинар ”Дружба и диалог”.

В этом же выпуске ”Гласности” конспективно излагались выступления на заседании клуба ”Перестройка”, на котором обсуждалась статья Г.Х. Попова ”С точки зрения экономиста” (опубликованная в журнале ”Наука и жизнь” № 4 за 1986 г. и посвященная роману А. Бека ”Новое назначение”, давно появившемся в самиздате, а в официальной советской печати — в журнале ”Знамя” № 10/11 за 1986 г.)

Клуб ”Перестройка”, сообщала ”Гласность”, работает при научно-экономическом обществе Центрального экономико-математического института (Москва, улица Красикова, 32). На заседании клуба 19 мая присутствовало свыше 300 человек, зал был полон. В обсуждении приняли участие экономисты, социологи, историки. ”Гласность” приводит краткое содержание девяти наиболее интересных, с точки зрения ее редактора, выступлений. Во всех речь шла о советской административной системе (АС) — о ее характеристиках и о возможностях повышения ее эффектив-

ности. Ориентироваться во всем этом неожиданно вырвавшемся на поверхность многообразии мнений и позиций нелегко не только для заокеанского исследователя, но и для старающегося поспеть за ходом событий москвича. Из всех отмеченных "Гласностью" клубов и семинаров мое внимание привлекла именно "Перестройка", потому что на описанном "Гласностью" заседании этого клуба среди почтенных специалистов выступили также Павел Кудюкин и Андрей Фадин. Оба они известны в связи с их арестом весной 1982 г. вместе с их товарищами (Борис Кагарлицкий, Владимир Чернецкий, Юлий Хавкин, а несколько позже — Михаил Ривкин и Андрей Шилков) по обвинению в принадлежности к кружку неортодоксальных (с точки зрения властей) социалистов — они сами называли себя "новыми левыми".

Павел Кудюкин и Андрей Фадин были тогда сотрудниками Института мировой экономики и международной политики. Практическим делом их кружка был самиздатский журнал "Варианты".

Первый его выпуск вышел в 1977 г., четвертый (и последний) — в 1980-м. Это был теоретический журнал, при том невиданно высокого уровня как по сравнению с остальным марксистским самиздатом, так и с официальными советскими изданиями. Статьи в "Вариантах" обнаруживают солидную профессиональную подготовку авторов. Их марксизм не имеет ничего общего со скучным и бесплодным однообразием официальной советской идеологии. Авторы "Вариантов"

хорошо знали работы Маркса и его последователей — западных (Каутский, Бернштейн, Р. Люксембург, и современных — Грамши, Маркузе, Кардель и другие югославские "ревизионисты", Сартр, чехословацкие коммунисты-реформисты, Гароди и др.) и русских революционных мыслителей (Герцен, Плеханов, Мартов, Ленин, Бухарин, Троцкий, Бердяев). Они следили за развитием идей и событий и на Западе и в СССР (и по самиздату и по советским изданиям) и на этой широкой базе разрабатывали собственное мировоззрение. Наиболее полно это сделал самый молодой из "новых левых" социолог Борис Кагарлицкий (родился в 1958 г.) в своих двух книгах "Диалектика надежды" (марксистский анализ советской системы и ее влияния на социалистическое движение во всем мире) и "Мыслящий тростник" (идеологические направления в среде современной советской интеллигенции, ее взаимоотношения с властью и с рабочим классом).

Взгляды "новых левых" кратко (и поэтому поневоле несколько упрощенно) сводятся к следующему. Они не считают советскую систему социалистической, а определяют ее как несоциалистическую или псевдосоциалистическую альтернативу капиталистическому пути индустриализации. Действительный социализм для них — это демократический политический строй (вплоть до отмирания государства), а в экономике — самоуправление трудящихся коллективов. Превращение советского общества в социалистическое может произойти лишь в результате глубокого, револю-

ционного преобразования. Оно невозможно без самого активного участия широких масс населения. Роль авангарда в этом движении "новые левые" отводят интеллигенции, основной силой этих преобразований считают рабочий класс. Однако революционные преобразования станут возможны в СССР лишь после соответствующих реформ сверху. Поэтому "новые левые" заявляли, что поддержат советское руководство, готовое провести реформы в сторону демократизации советской системы (децентрализация управления народным хозяйством, расширение прав трудящихся на производстве и в политической сфере, приведение оплаты труда в соответствие с его действительными результатами и т.д.).

В коллективном ответе на вопросы французского журнала "Альтернативы" члены редколлегии "Вариантов" энергично заявили (по понятной причине не сообщая своих имен), что "с современной властью не может быть никакого сближения", но в отдаленной перспективе они на такое сближение надеялись, полагая, что при достаточно остром кризисе властвующий блок расколется, и определенная его часть пойдет на сотрудничество с оппозицией (опыт Чехословакии 1968 г., Испании 1976 г., Бразилии 1978 г., Польши в 1980—1981 гг.).

"Новые левые" намеревались действовать как внутри системы (способствуя реформам), так и вне ее. Поскольку глубина реформ прямо зависит от давления на власть извне и снизу, "новые левые" видели свою задачу как раз в организации

такого давления путем объединения всех демократических и социалистических сил советского общества — для этого замышлялась "Федерация демократических сил социалистической ориентации". Они надеялись на вызревание новых форм, новых возможностей и масштабов оппозиционной деятельности в 1980-е годы, когда, согласно их прогнозу, наряду с традиционным диссидентством (так они называли правозащитное движение) будут расти полулегальные независимые объединения — клубы, профсоюзы и т.п. и одновременно возникнет социалистическое подполье. Свое место тогда, в 1982 г., они видели именно в организации этого подполья, полагая это развитием прежних диссидентских установок в изменившихся условиях поздней брежневской эры.

Для внедрения идей социализма в массовое сознание советского населения Павел Кудюкин и Борис Кагарлицкий в 1979 г. создали самиздатский журнал "Левый поворот", переименованный затем в "Социализм и будущее". Этот журнал был политическим близнецом "Вариантов", но был приспособлен для широкого круга читателей. Основной задачей редакции "Социализма и будущего" было обращение к советскому "молчаливому большинству" и создание организационной базы движения за социализм: независимых профсоюзов, журналов, подпольных библиотек и т.д. "Левый поворот", а затем "Социализм и будущее" выходили примерно в 100 экземплярах и в 1982 г. распространялись, кроме Москвы, еще в трех городах.

Аресты самых активных участников группы прервали ее деятельность. В 1983 г., после смерти Брежнева и прихода к власти Андропова, все они, кроме Ривкина и Шилкова, которые были осуждены за попытку организации подпольной типографии, были освобождены до так и не состоявшегося суда (Ривкин и Шилков были освобождены досрочно много лет спустя, в 1987 г., уже при Горбачеве, вместе с другими политзаключенными). Они объясняли этот поворот в своих судьбах тем, что Андропов как председатель КГБ был, несомненно, знаком с их деятельностью и их взглядами и не мог не заметить совпадения предлагаемых "новыми левыми" немедленных мер по оздоровлению советской системы со своими собственными планами реформ, и учитывал постоянно провозглашавшуюся ими готовность к сотрудничеству с правительством реформ.

И вот в 1987 г. в сообщении о заседании "легального" клуба "Перестройка" среди выступавших на майском заседании упоминались "новые левые" Кудюкин и Фадин.

Статья Г. Попова, обсуждению которой было посвящено заседание клуба "Перестройка", содержит анализ советской системы управления. В этой статье нет продиктованных идеологическими соображениями славословий, советская система управления рассматривается не как "высшее достижение социалистической демократии", а как один из возможных видов систем управления и при том не самый лучший: "эта система не приспособлена к иным по

уровню решениям, чем централизованные, к иным по типу решениям, чем волевые. Она способна на поиск, но только в совершенно конкретном, ограниченном варианте: если он идет сверху. Но состав руководителей в Системе, как мы видели, неизбежно ухудшается...

...Возникает все усложняющаяся ситуация: Система предполагает оценку вариантов НТП (научно-технического прогресса) только наверху, а наверху оказывается все больше... людей "зашоренных" и воспитанных исключительно в духе исполнительности, безынициативности...

Вот и выходит, что сама внутренняя логика Административной Системы требует подсистемы страха, требует права Верха в любой момент сместить любого нижестоящего без объяснения причин этого смещения, и это право может — в силу ряда условий — вырасти в право вообще устранить подчиненного из жизни. Вопрос о конкретных формах этой подсистемы — сам по себе важный — для нашего вывода не столь существенен. Важно, что такая подсистема была нужна для обеспечения эффективного администрирования. Поэтому необходимость Берия заложена в сути Административной Системы, а реализоваться эта возможность может и в относительно культурном, и в наиболее варварском виде.

Вот почему подлинное "покаяние", под-

линное отречение от Берия может быть только в одном случае: если мы поймем, что должна быть осуществлена перестройка всей системы административного управления”.

В выступлении по поводу статьи Попова Кудюкин добавил к авторской характеристике советской системы управления рассуждение о ее пригодности только для сосредоточения сил на каком-либо ключевом направлении (военная промышленность, атомная энергетика и т.д.) невзирая на размеры затрат — денежных и трудовых, а то и человеческих. В остальных случаях, утверждал он, советская система управления очень невыгодна. Так, коллективизация была проведена, чтобы получить от крестьян средства на индустриализацию, ”но мы бы ужаснулись, если бы узнали, как бесцельно они были потрачены”. Известно, к тому же, заметил также Кудюкин, какой ценой эти средства были добыты.

Кудюкин напомнил собравшимся, что о перспективе загнивания и перерождения советской административной системы предупреждала еще на заре советской власти Роза Люксембург, и процитировал ее слова, что чрезмерная централизация советской системы управления ведет к перерождению руководящих кадров, к потере стимулов к труду и апатии рабочего класса.

Выход из этого — в замене нынешней бюрократической системы управления самоуправлением трудящихся. Ссылаясь на свое исследование, проведенное в Институте социологии (неясно,

до ареста или уже после освобождения), Кудюкин заявил, что потенции к самоуправлению у советского рабочего класса есть, но они слабы и не оформлены. Он заключил свое выступление выводом, что "нужно нести перестроечные настроения в массы".

И тема выступления Кудюкина, и ход рассуждений были те же самые, что и в 1982 г., перед арестом его и его товарищей — "новых левых". То же самое можно сказать о выступлении на том же заседании клуба "Перестройка" Андрея Фадына.

Эти речи в 1982 г., приведшие к аресту, через 5 лет, в 1987 г., произносились в обширной аудитории престижного московского НИИ. Вместе с Фадыным и Кудюкиным выступали их товарищи по клубу "Перестройка" — экономисты, философы, социологи, все эти годы благополучно проработавшие в научно-исследовательских институтах. Их речи по откровенности критики "административной системы" ничуть не уступали выступлениям прежних подпольщиков. А в зале среди слушателей сидели члены партбюро ЦЭМИ: райком партии вменил им в обязанность посещать заседания клуба "Перестройка", "осуществлять партийный контроль за настроениями масс". Но этот контроль, по крайней мере покамест, не сочетается с пресечением вольных размышлений вслух на "горячие" темы "перестройки", он ограничивается фиксацией тем выступлений и их трактовки выступающими. Особенно зарвавшихся вызывают в партбюро, журят, а то и страшат,

да и самое присутствие официальных представителей правящей партии, несомненно, ограничивает полет мыслей выступающих с помощью хорошо известного советским людям механизма самоцензуры. Но все-таки даже престаупающих границы ныне дозволенного не сажают и даже не выгоняют с работы, по крайней мере в Москве.

В такой обстановке в мае 1987 г. возникла мысль об объединении уже тогда достаточно многочисленных неформальных социалистических клубов (Федерация демократических сил социалистической ориентации?)

Первым шагом на пути к такому объединению стала информационная встреча—диалог "Общественная инициатива в перестройке". Такого официального названия этого собрания, на которое представители 52 неформальных общественных объединений собрались для обмена информацией и сближения позиций. Эта конференция происходила в Москве с 20 по 23 августа 1987 г.

Для советских условий поразительны и масштабы конференции и ее цель; не менее поразительно согласие властей на эту конференцию и даже какое-то содействие ей. Брежневский РК КПСС предоставил участникам конференции зал Дома культуры "Новатор".

Согласно сообщению об этой конференции, составленному одним из ее участников под псевдонимом А. Северухин, организовал эту конференцию Клуб социальных инициатив (КСИ), действующий в Москве с осени 1986 г. при Доме культуры Главмоспромстройматериалов. Мос-

ковский корреспондент лондонской газеты "Гардиан" Джонатан Стил в своей статье об этой конференции (12 сентября 1987 г.) называет четырех ведущих активистов КСИ, взявшихся за подготовку конференции социалистических клубов. Координатором конференции был Михаил Малютин (член КПСС, преподаватель философии), социолог Григорий Пельман, журналист Глеб Павловский (бывший политзаключенный, отбывший в 1982—1986 гг. ссылку за участие в независимом московском самиздатском журнале "Поиски") и Борис Кагарлицкий.

Стил не наблюдал самого процесса подготовки конференции и не присутствовал на ней, так как ее устроители и участники не сообщили о ней иностранным корреспондентам — те узнали об этом весьма заинтересовавшем их событии лишь из публикации в "Огоньке" (5 сентября 1987 г.). Очевидно, после этого м-р Стил взял интервью у Михаила Малютина или же у всех четырех активистов КСИ, имена которых он привел в своей статье в "Гардиан".

Северухин сообщает, что на конференцию собрались 300 участников 52 групп (из 400 зарегистрированных тогда в Москве, по данным московского корреспондента "Вашингтон пост" Селестины Боев в ее статье от 11 октября 1987 г.). Из этих 52 групп известны из разных источников следующие участники августовской конференции: 16 московских групп — КСИ, "Перестройка", историко-политический клуб "Община", творческое объединение при театре Сатиры "Пря-

мая речь", Совет по окружающей среде, семинар "Демократия и гуманизм", семинар "Дружба и диалог", общество "Система" (хиппи), Рабочая группа по проблемам экстремизма, "Бригада Фарабундо Марти", "Бригада Че Гевара", "Лесной народ", "Молодой интернационалист", "Коммунары", "Всесоюзный Пен-клуб социалистических и политических инициатив", Группа "За доверие между Востоком и Западом".

Ленинградские: клуб "Аделаида" (историко-политический, занимающийся изучением истории революционного движения и революционных движений современности), "Эпицентр", объединяющий 12 групп — независимых поэтов и писателей (Клуб—81); художников (Товарищество экспериментального исследования искусства); Экспериментальное товарищество авторов песен ЭТАП; групп по спасению памятников истории и культуры ("Спасение", "Новый мир"); Бюро экологических разработок; экологическое общество "Дельта", объединение хиппи "Рокси" и др. Кроме того, среди ленинградских участников конференции были молодежные объединения: "Община" и "Алый парус" (левомарксистская группа), а также ленинградское отделение клуба "Перестройка".

Кроме уже охарактеризованных здесь клубов "КСИ" и "Перестройка", среди известных нам групп — участников августовской конференции много именно молодежных ("Община", "Алый парус", обе "Бригады...", "Коммунары", "Лесной народ", "Молодой интернационалист", "Систе-

ма”). Из них только ”Система” является полностью независимой. Остальные, согласно Северухину, сложились ”на базе клубов революционной солидарности, широко распространенных в СССР с 70-х годов. Эти организации, представлявшие собой, на первый взгляд, естественную часть официального молодежного движения, очень быстро стали привлекать в свой состав радикально настроенную молодежь, которая стремилась противопоставить ”революционную романтику ”третьего мира” коррупционной практике брежневского государства”. Эти группы, созданные при комсомоле для оживления и романтизации комсомольской жизни, в период гласности очень активизировались в неожиданную для их создателей сторону — они не ограничиваются проблемами далеких стран, а рассуждают о ”российском термидоре”, о ”выродившемся рабочем государстве”, о сталинских репрессиях и т. п. и на глазах выходят из повиновения вышестоящим комсомольским органам. Они сравнивают плюралистические традиции революционного движения в латиноамериканских странах (например, опыт Чили времени Альенде, и попытка создания смешанной экономики в Никарагуа) с советской сталинистской ”монолитностью”. Комсомольские боссы уже больше не доверяют участникам этих клубов. Почти в то же время, когда активисты КСИ и ”Перестройки”, среди которых имеются бывшие политзаключенные, получили разрешение на проведение конференции, созданные ”сверху” молодежные клубы ”революционной солидарности”,

обратившиеся за таким же разрешением на свою конференцию, его не получили (но все равно провели ее полулегально, в соответствии с внушенными им традициями революционной романтики).

Большинство экологических организаций, участвовавших в августовской конференции, были из Ленинграда. Эти группы все более осознают себя как зачаток партии наподобие западногерманских "зеленых", о чем вполне откровенно заявил в интервью корреспонденту американской газеты "Чикаго трибюн" Тому Шанкеру (статья в этой газете 29 сентября 1987 г.) Петр Кожевников — председатель одного из экологических обществ "Дельта", входящего в Эпицентр. "Дельта" выставила его кандидатуру на происходивших в июне выборах в местные советы, наряду с двумя другими независимыми кандидатами — архитектор Алексей Ковалев был выдвинут обществом "Спасение", озабоченным спасением памятников истории и культуры от плана реконструкции Ленинграда; Сергей Баранов, преподаватель математики, был выдвинут социологической ассоциацией Ленинградского отделения АН СССР. Ни один из них не был допущен к выборной кампании местными властями, а независимые группы, проявившие такую невиданную наглость, были охаяны в местной прессе. Однако они готовятся повторить свою попытку на следующих выборах в январе 1988 г., учтя все промахи, допущенные по неопытности, и верят в свою победу.

Объединительное движение среди ленинград-

ских независимых культурных, экологических и общественно-политических организаций тоже имеет некоторые достижения. Они организовались в Культурно-демократическое движение со своим Советом представителей ("Эпицентр"), уставом и информационным органом — ежемесечником "Меркурий".

Социальный состав участников августовской конференции, по утверждению того же Стила, — очень пестрый: в ней участвовали члены правящей в СССР партии, вполне процветающие люди и бывшие политзаключенные, еще не нашедшие постоянного места работы, поэты и рабочие и т.д.

По возрасту участники конференции, согласно Стилу, делятся на две возрастные группы: первая — от 35 до 55 лет (в основном — КСИ, "Перестройка" и семинар "Демократия и гуманизм"), вторая — моложе 25. Первая группа включает тех, чье политическое сознание формировалось в годы брежневского застоя, но пробудившихся благодаря политике "гласности", вторая — тех, чье вступление в общественную жизнь пришлось на период гласности. Почти полное отсутствие людей среднего возраста (26 лет — 34 года) Стил объясняет апатией, широко распространившейся в обществе с середины брежневского правления.

Разношерстный характер групп, собравшихся на конференцию, и всеобщая неопытность в участии в открытых действиях под эгидой власти очень затруднила подготовку объединительной конференции, которую, кстати, разрешившие ее партийные органы так не воспринимали и не

разрешали так называть.

Решение созвать такую конференцию не позднее августа было принято в мае. В июне об этой идее упомянул журнал "Собеседник" — мало кем читаемый комсомольский орган. Однако сразу после этого подготовка к конференции пошла полным ходом — к этому времени власти окончательно решились на проведение конференции.

Хотя инициаторы конференции замыслили ее именно для сглаживания несогласий между политическими неформальными объединениями, чтобы сблизить их платформы и попытаться выработать общую, в процессе подготовки конференции противоречия даже обострились. Вот как описывает Северухин борьбу между социалистическими клубами накануне конференции:

"Организовавший конференцию Клуб социальных инициатив (КСИ) был разделен на две противоборствующие группы, фактически прекратившие отношения друг с другом. "Перестройка", второй по значению левый клуб в Москве, находился в острейшем конфликте с КСИ. Не доверяя Организационному комитету конференции, где преобладали члены КСИ, активисты "Перестройки" создали свой собственный параллельный комитет. За несколько дней до формального начала заседаний конференции произошло столкновение между членами этого комитета и активистами молодежного социалистического клуба "Община". По заявлению "Общины", члены "Перестройки" пытались захватить помещение Организационного комитета и установить свой контроль над

подготовкой конференции на последнем этапе, но эта попытка была предотвращена. Со своей стороны лидер "Перестройки" А. Данилов утверждал, что их группа хотела лишь провести заседание в помещении организационного комитета, не собираясь захватывать его. В любом случае отношения между основными левыми организациями складывались весьма драматически. Сторонники "Перестройки" подозревали людей из КСИ, что те в последний момент лишат их возможности участвовать в общих дискуссиях, а члены КСИ обвиняли активистов "Перестройки" в стремлении захватить контроль над движением и навязать ему свои решения в одностороннем порядке."

Тем более трудно было договориться марксистам с либералами и несоциалистическими мирными группами, людям солидного возраста с молодежью и т.д. Наверное, нелегкими были и переговоры с властями.

Нетривиальное решение поддержать такую конференцию с их стороны было обусловлено несколькими мотивами.

Во-первых, в партийной верхушке наряду с сочувствующими национал-большевизму и поддерживающими общество "Память" имеются люди, сознающие необходимость демократизации советской системы и желающие ее, понимающие невозможность перестройки без широкой и инициативной поддержки "снизу". Во-вторых, и партийные организации, под эгидой которых находится значительная часть неформальных общественных объединений, участвовавших в конферен-

ции, и КГБ могли поддержать идею конференции в надежде, что это поможет разобраться, что представляют собой все в большем числе стихийно возникающие объединения, ставшие столь многочисленными, что слежка за ними невозможна хотя бы потому, что далеко не все они известны партийным органам и КГБ и тем более неизвестны интересы их участников и их социально-политические потенции. Конференция сразу познакомила бы охранительные органы с наиболее активными организациями и в персональном и в идеологическом плане, а также сама по себе могла стать орудием удержания неформальных общественных групп на социалистической платформе — ради сохранения легальности. Устроителям конференции были поставлены по крайней мере два условия: 1) все выступающие должны оставаться на социалистической платформе; 2) в период подготовки конференции и ее проведения не следует ставить в известность о ней иностранных корреспондентов. По крайней мере второе условие было соблюдено полностью — ни устроители конференции, ни ее многочисленные участники "не выдали" секрета о ее подготовке и проведении.

О том, как проходила эта необыкновенная конференция, сообщает репортаж участников конференции, пришедший на Запад по каналам самиздата. Авторы этого документа — участники семинара "Дружба и диалог" С. Иванов, Е. Красников, Г. Крочик и С. Панасов. Вот составленное ими описание августовской конференции:

"Пленарные заседания состоялись 20 и 23

августа, секционные — 21 и 22 августа. Всего работало 8 секций: 1) Экология. Экология культуры; 2) Производственные инициативы; 3) Творческие инициативы; 4) Досуговая деятельность; 5) Проблемы работы политклубов; 6) Информационное обеспечение и координация работы самостоятельных организаций; 7) Правовое обеспечение и социальные гарантии деятельности самостоятельных коллективов; 8) Проблемы экстремизма в молодежном неформальном движении. Работал пресс-центр, которым руководил Г. Павловский (КСИ). На встрече присутствовали советские корреспонденты и телевидение. Иностранные корреспонденты на конференцию допущены не были. Все выступления записывались на магнитофон.

В работе конференции принимали участие представители Брежневского райкома КПСС, которые вначале предстали перед залом как члены неформального клуба "Разум", а затем честно сознались и выступали уже как представители райкома. С их стороны были попытки управления конференцией. Так, например, член Брежневского РК КПСС Кротов Н.И. на секции политклубов предлагал лишить слова семинар "Демократия и гуманизм" (СДГ) "за антисоветизм". На следующий день СДГ даже лишили мандата, причем это было сделано президиумом секции политклубов без явного вмешательства райкома по формальному

поводу — из-за нарушения правил прохода на конференцию по пригласительному билету. Однако, решением большинства политклубов мандат СДГ был возвращен. Против голосовала только "Община".

Во время работы конференции поднимался вопрос о доверии президиуму и оргкомитету, которых никто не выбирал, ответ от оргкомитета был получен вполне четкий: данному составу оргкомитета с данной программой работы Брежневский райком КПСС предоставил возможность пригласить данный состав участников".

Рассмотрим теперь наиболее интересные выступления и предложения, прозвучавшие на конференции.

"К. П а р ф е н о в (координатор секции экологии и экологии культуры) призвал перейти от охраны памятников культуры к охране культурной среды. Он выразил недоверие ВООПИКу (Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры. — Л. А.)

А. И с а е в ("Община") заявил, что существует несколько концепций перестройки: консервативная (сталинизм), западническая и социалистическая, которую, по его мнению, и следует поддерживать. Он выразил поддержку позитивным тенденциям в партии, подчеркнул важность преодоления "реакционной" идеологии в неформальном движении.

Ярким и интересным было выступление Ю. Г о н ч а р о в а ("Прямая речь"). Он рассказал

о письме объединения М.С. Горбачеву за 82 подписями — об опасных шовинистических тенденциях, проявившихся на последнем пленуме Союза писателей. В письме предлагается опубликовать материалы "суда над 'Протоколами сионских мудрецов' ", отношение православной Церкви к патриархам-черносотенцам и к обществу "Память". Союз писателей СССР был назван "сталинским детищем". Он предложил позволить публиковаться всем, кто может оплатить типографские расходы, а судить, если публикация окажется противозаконной, потом, после ее выхода в свет. Гончаров предлагал также публиковать эмигрантов, реабилитировать Галича и других писателей. Под бурные аплодисменты зала он предложил засыпать бассейн "Москва" и на его месте создать музей разрушенных культурных памятников, а Арбат превратить в Гайд-парк.

Г. П е л ь м а н (КСИ, координатор секции правового обеспечения) обсудил проблемы правового статуса любительских объединений. Он подчеркнул важность обеспечения социальной защиты людей и формирования механизма общественной законодательной инициативы. Он задал вопрос, не являются ли клубы с социально-политический ориентацией зародышами политических партий.

Представитель Совета по окружающей среде В. М а х н а ч предостерег от опасности, что все-народная травля общества "Память" может вызвать противоположный эффект. Он заявил, что

необходимо изобличать всех погромщиков, как еврейских, так и тех, кто громил памятники русской архитектуры в 20-х — 30-х гг.

Ю. С а м о д у р о в (Московский клуб "Перестройка") выступил от инициативной группы по созданию общественного комитета по увековечению памяти жертв репрессий государственной власти в 1918—1953 гг. Он зачитал проект создания Мемориала. Мемориал предполагается состоящим из памятника, криптопия — хранилища списков реабилитированных, их биографий, их дел и т.д. Предполагается устранить государство от создания этого мемориала и делать его на общественные средства.

С. Л у р ь е (группа "Спасение", Совет по экологии и культуре, Ленинград) отметила необходимость организации гражданского воспитания общественности и рассказала о неудавшейся попытке выдвинуть от группы А. Ковалева в Советы народных депутатов.

В острых и полемических выступлениях В. Н о в о д в о р с к о й (семинар "Демократия и гуманизм" (СДГ), не раз прерывавшихся аплодисментами, прозвучало предложение помощи всем в получении информации об истории СССР и КПСС из труднодоступных и самиздатских источников. Она заявила, что СДГ готов отдать жизнь за то, чтобы все, в том числе и "Община", которая пыталась лишить СДГ слова, могли свободно высказываться.

Представитель объединения хиппи "Система" призвал присутствующих к психоделической

революции в широком понимании.

Е. К р а с н и к о в (группа "Дружба и диалог") сказал, что группа "Дружба и диалог" всегда старалась своей деятельностью содействовать развитию независимого мышления и социальной активности людей. Он рассказал об одном из последних предложений группы — ввести международный контроль за соблюдением прав человека, что способствовало бы большей конструктивности и прогрессу на переговорах о разоружении. Предложение было направлено руководителям СССР и США.

А. Б у з г а л и н (координатор секции производственных инициатив) выступил за производственное самоуправление как способ восстановления ныне извращенных экономических отношений, "извращенных до того, что возможны эти сотни тысяч рублевые броненосцы для перевозки членов правительства".

А. Ф а д и н (Московский клуб "Перестройка") сказал, что если нам не позволят сейчас высказывать свои мысли свободно, то, возможно, у нас будет как в Чехословакии, где, по данным КПЧ, 60% молодежи высказывается против социализма.

В. Л у х о в и ц к и й (общественно-политический радиоклуб "Алый парус") сказал, что они считают себя левой марксистской организацией. Они выходят раз в месяц на прямой эфир. Они назвали СДГ антисоветским, так как те собираются пересматривать конституцию и уголовный кодекс, и не хотят слышать ни о каком диалоге с ним.

В. Р а м (Ленинградский клуб "Перестройка") призвал к созданию антифашистского объединения.

В. С к в и р с к и й (семинар "Демократия и гуманизм") сказал, что руководству страны сейчас противостоит весь аппарат. Одну из основных задач объединения неформальных групп СДГ видит в том, чтобы научить людей думать, освободить их от устаревших догм. Пол Пота и Иенг Сарона он назвал представителями тех, кто честно пытался построить общество, руководствуясь этими догмами из второго и третьего томов "Капитала" Маркса.

В. М у р а т о в а ("Лесной народ") предложила интересное решение проблемы совмещения пролетарского интернационализма с соблюдением международных правовых норм. Пусть, мол, правительство СССР торгует с Чили, Сальвадором и т.д., а помощь антиправительственным движениям пусть возьмут на себя неформальные общественные организации в СССР.

Журналист-философ М и т р о ф а н о в призвал всех одуматься, иначе завтра всем будет плохо. Предложение СДГ о деидеологизации конституции он назвал антиконституционной деятельностью.

А л м а з о в (клуб "Разум", он же Брежневский РК КПСС) восклицал: "Подумайте, зачем партии Гайд-парк, в котором ей будет позволено выступать наравне с вами?!"

А. С е в е р у х и н так освещает работу августовской конференции:

”20 августа при открытии конференции участникам были предложены с одной стороны, проекты, подготовленные большинством КСИ совместно с ”Общиной”, а с другой стороны, документы ”Перестройки”. Обе соперничавшие группы исходили из необходимости обеспечить единство движения, но их концепции единства были весьма различны. ”Община” и большинство Совета КСИ стремились объединить клубы социалистической ориентации на основе четкой совместной программы. ”Перестройка” настаивала на широком объединении групп, не связанных ни общей идеологией, ни программой, но работающих над реализацией конкретных совместных общественных проектов (памятник жертвам сталинизма, правовая защита социальных инициатив, самоуправление, борьба с фашизмом и антисемитизмом крайне правых групп типа ”Памяти”). Острая полемика возникла по поводу предлагавшихся организационных форм или условий членства в будущих объединенных организациях.

Между тем делегаты, не принадлежавшие ни к одной из соперничающих групп, активно выступали со своими собственными требованиями. Делегат литературного объединения ”Прямая речь”, ориентировавшегося в ходе конференции на КСИ, но сохранявшего собственную особую позицию по ряду вопросов, подверг резкой критике офици-

альные "творческие организации" и особенно Союз писателей...

Активисты "Общины" говорили о необходимости "борьбы за демократический социализм", а члены пацифистско-либеральной группы "Доверие" и представители семинара "Демократия и гуманизм" рассуждали о преимуществах многопартийной системы. К ужасу официальных лиц, присутствовавших в зале, все получили возможность высказаться совершенно свободно.

Если в первый день конференции противоречия между клубами и группами вызывали бурные споры и опасения относительно того, сможет ли подобная полемика привести к каким-либо конкретным результатам, то уже на второй день работы начались поиски компромисса.

В конечном счете выдвигавшиеся проекты не были взаимоисключающими. В ходе дискуссий восторжествовало компромиссное мнение о необходимости формирования одновременно нескольких организаций, дающих возможность максимально обеспечить сотрудничество между различными группами, независимо от их различий в подходе к тем или иным общественным вопросам. Разумеется, исключенными из сотрудничества оставались антисемиты из "Памяти", сталинисты и другие экстремистские течения. (Представитель Всесоюзного общества охраны памятников истории и

культуры, приглашенный на конференцию и фактически являвшийся одновременно членом "Памяти", демонстративно ушел с первого заседания, услышав как почти в каждом выступлении ораторы критиковали русский национализм и антисемитизм.)

Компромиссное решение предполагало создание "Кольца общественных инициатив", не имеющего ни общей программы, ни четкой организационной структуры. Декларация "Кольца" предусматривала лишь самые общие принципы — неприятие насилия, фашизма, сталинизма, любых форм антидемократического подавления народной инициативы. Под давлением левых групп в декларацию было включено и упоминание о социалистических принципах движения. Группы, считавшиеся "диссидентскими" в традиционном смысле слова — "Доверие", а также "Демократия и гуманизм" не проявили особого восторга по поводу этой формулировки, но все же объявили о готовности сотрудничать с "Кольцом".

Более радикальные группы объединились в Федерацию социалистических клубов, куда после небольших колебаний вошла также и "Перестройка". Членство КСИ и "Перестройки" в обеих организациях дало возможность участникам дискуссий назвать формирующуюся структуру "восьмеркой" — два кольца, большое и узкое, оказались непосредственно соединены друг с другом,

хотя формально связь между ними не была закреплена в каких-либо документах”.

С. Иванов и его соавторы так описывают обстановку на конференции:

”Очень четко различались позиции президиума, зала и оргкомитета в секции политклубов. Зал бурно приветствовал самые крайние выступления. Президиум всяческими методами пытался добиться, чтобы выступавшие видели только социалистическую перспективу у нашего общества и признавали конституционную, все возрастающую роль КПСС. Оргкомитет же заявил, что у каждого есть право высказать все, что думает, однако призывал к ответственности и дипломатичности, чтобы чье-либо выступление не могло быть использовано властями как повод для закрытия конференции”.

Конкретными итогами конференции были: создание группы по проблемам экстремизма, куда сможет обратиться любое объединение, считающее себя ложно обвиненным в экстремизме (в рабочую группу сразу обратилось общество ”Спасение”, обвиненное в советской прессе в экстремизме). Секция правового обеспечения разработала проект о порядке создания и запрещения самостоятельных общественных организаций (создание — явочным порядком с сообщением в местные советы депутатов, запрещение — через суд). Но самый впечатляющий итог — соглашение об объединении, то есть создание Кольца общественных инициатив и Федерации социалистических клубов, принявшей общую декларацию. Вот ее полный текст:

Декларация

социалистических общественных клубов на Первой информационной встрече—диалоге "Общественные инициативы в перестройке"

Мы, нижеподписавшиеся общественные организации, собравшиеся в Москве в августе 1987 г. для участия в информационной встрече—диалоге "Общественные инициативы в перестройке", настоящим обращением заявляем:

1. Процессы, происходящие в обществе в связи с перестройкой, вызвали к жизни появление самостоятельных общественных и общественно-политических организаций. По Конституции СССР народу принадлежит вся власть в стране, поэтому самостоятельные общественные и общественно-политические организации как часть народа имеют право самостоятельно выражать и защищать свои интересы без каких-либо посредников.

2. Подписавшие декларацию группы и объединения выступают за социалистическую перспективу развития нашей страны. Как убежденные сторонники социализма, мы разделяем провозглашенный в октябре 1917 года курс на построение в СССР бесклассового общества и полное отмирание государства. В образовании самостоятельных общественных групп и объединений, повышении их роли в обществе мы видим один из путей развития общественного самоуправления, вытеснение ими административно-бюрократических структур.

3. В настоящее время наша Родина переживает эпоху серьезных перемен. От того, насколько значительной будет поддержка перестройки и участие в ней народных масс, зависит успех осуществляемых реформ. Вопрос победы перестройки является вопросом жизни и смерти для социализма в СССР.

Мы признаем конституционную роль КПСС в нашем обществе, но партия не является однородной. В ее рядах находятся и те, кто непосредственно несет ответственность за злоупотребления и просчеты прошлых лет, те, кто пополнял собою ряды бюрократии, этой самодовлеющей массы чиновников, оторвавшихся от нужд и чаяний своего народа.

Мы стремимся поддерживать руководителей и рядовых членов партии, которые представляют здоровые и прогрессивные силы.

4. Как в центре, так и на местах перестройка встречает ожесточенное сопротивление со стороны тех сил, которые опасаются за свои привилегии, охраняют свою монополию на информацию и принятие решений. Новые начинания, народные инициативы встречаются ими в штыки или игнорируются.

Объединение самостоятельных групп и организаций, стоящих на платформе поддержки курса на развитие социализма и демократии, принятого КПСС на XXVII съезде, необходимо еще и потому, что среди неформального движения образуются и растут группы, проповедующие реакционные политические взгляды: расизм и шовинизм.

фашизм и сталинизм, придерживаются экстремистских методов деятельности. Объединившись, мы сможем противостоять экстремизму в самостоятельном движении, распространять информацию о делах этих групп.

5. Исходя из вышеперечисленных соображений, мы, подписавшие договор организации, в полном соответствии с Конституцией СССР, провозгласившей свободу союзов, решили объединиться в Федерацию социалистических общественных клубов, главной целью которой явилась бы поддержка перестройки. Федерация будет добиваться

в области идеологической:

— выработки концепций демократизации нашего общества, решения диалектического противоречия между административной властью и общественным самоуправлением, анализа роли и места общественных организаций в политической жизни советского общества и в системе самоуправления;

в области политической:

— правового статуса для самостоятельных организаций и движений, предоставления им права законодательной инициативы, а также добиваться последовательного выполнения всех решений январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС о демократизации избирательной системы, предоставления общественным организациям права выдвигать своих представителей в Советы народных депутатов любых уровней без каких-либо ограничений и согласований, со свободным доступом

выдвинутых кандидатов к средствам массовой информации; расширения временных рамок работы сессий Советов народных депутатов на твердой правовой основе, до пределов, необходимых для конструктивной работы; полной их независимости в распоряжении средствами; установления в законах четкого разделения между критикой недостатков существующего строя и антигосударственной деятельностью; реализации пункта первой программы РСДРП, касающегося права граждан на самостоятельное, независимое от прокуратуры преследование должностных лиц в суде за противозаконные действия (независимо от жалобы по административной линии).

в области экономической:

— содействовать переориентации органов государственного планирования и управления с преимущественно административных методов руководства народным хозяйством на экономические; расширения сферы действия товарно-денежных отношений как основного механизма, регулирующего хозяйственную деятельность страны при обеспечении твердых гарантий сохранения социальных завоеваний трудящихся (полная занятость, прожиточный минимум, пенсионное обеспечение и т. д.);

— добиваться сокращения расходов общества на содержание государственного аппарата; перевода экономики на принципы самоуправления; обеспечения эффективного механизма контроля снизу над системой управления; передачи общественных средств производства (заводов и фаб-

рик) в аренду коллективам самоуправляющихся предприятий; демократизации системы планирования; создания условий для свободного развития всех форм социалистической собственности; в области культурной жизни:

— свобода хозяйственной деятельности для творческих объединений и союзов; создание обстановки терпимости к творческим и общественным взглядам и вкусам представителей различных направлений, если формы проявления этих взглядов не противоречат Конституции СССР; открытый доступ населения к статистическим и архивным материалам, к библиотечным и музейным фондам, ликвидация спецхранилищ; устранение всех видов предварительной цензуры, расширение сети независимых кооперативных издательств и устранение административных препятствий для использования самостоятельными организациями своих конституционных прав и свобод — слова, печати, уличных шествий и демонстраций;

в области экологии и экологии культуры:

— создание эффективных механизмов участия общественных организаций и движений в борьбе за сохранение окружающей среды, памятников истории и культуры;

в области международных связей:

— поддержки и солидарности с борьбой и деятельностью революционных, освободительных и демократических движений в капиталистических и развивающихся странах.

Авторы репортажа об августовской конференции так комментируют этот документ:

”Теперь власти (в том числе КГБ) имеют полное представление и информацию о структуре и роли большинства независимых объединений в СССР. Если бы удалось образовать Федерацию в соответствии с ”узким” проектом, с верховным органом и т. д., то можно было бы не только контролировать, но и управлять независимым движением в СССР. Это, по-видимому, хорошо понимает московский клуб ”Перестройка” и другие сторонники ”широкого” проекта”.

В этих доводах есть несомненный смысл. Но было бы очень печально, если бы стремление к открытой общественной деятельности было бы похоронено из-за опасений облегчить работу КГБ. В точности такие же доводы я слыхала 20 лет назад, когда собирала подписи под одним из первых писем протеста против суда над группой самиздатчиков (Галансков, Гинзбург, Лашкова, Добровольский). Отказ подписать протест почти всегда сопровождался поучением: ”какой же дурак сам преподнесет свое имя КГБ на блюде: вот, мол, смотрите, какой я неблагонадежный?” Но ”дураки” все-таки нашлись — почти тысяча советских граждан выступили тогда в защиту самиздатчиков и самиздата, и это было началом правозащитного движения, получившего международную известность и международную поддержку. Без этих ”дураков”, безусловно, рисковавших собой тогда подписанием письма не

меньше, чем сейчас такие же "дураки" рискуют, участвуя в конференции неформальных объединений, не было бы ни нынешнего взрыва активности неформальных групп, ни их объединительной конференции, ни самой "гласности".

Августовская конференция может стать первым шагом к созданию в СССР альтернативы как правящей КПСС, так и нарождающейся национал-большевистской партии, которая вот-вот выльпится из общества "Память" и родственных обществ — "Отечество" (в Свердловске), "Родина", "Молодая Россия", "Союз свободной молодежи", "Россы" и т.п. О необходимости общего противостояния сталинизму и шовинизму многократно говорилось на августовской конференции неформальных объединений. А. Северухин пишет об этом:

"Сталинисты и националистический экстремисты" тоже считают для себя невозможным такое объединение. Приглашенный на августовскую конференцию представитель Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, входящий в общество "Память", демонстративно ушел с первого заседания, услышав, как почти в каждом выступлении ораторы критиковали русский национализм и антисемитизм. Похоже, национал-большевики обеспокоены решением участников августовской конференции совместными усилиями бороться против тенденций, проявляющихся в деятельности "Памяти". Вскоре после окончания конфе-

ренции была взломана неизвестными квартира одного из участников Рабочей группы по проблемам экстремизма Н. Львова, и из квартиры пропали материалы этой группы и пленки с магнитофонными записями выступлений лидеров "Памяти". Через несколько дней после этого события подверглась нападению квартира другого участника Группы по проблемам экстремизма, он вынужден был призвать на помощь милицию".

В то же время власти, вопреки опасениям некоторых участников конференции, что она приведет к утрате самостоятельности неформальных объединений, не расценивает эту конференцию как свою удачу. Об этом свидетельствует реакция на нее советской прессы — она куда скуднее на сообщения об августовской конференции и вообще о социалистических клубах, чем о "Памяти". Почти две недели после окончания конференции пресса хранила полное молчание о ней — было сделано лишь крохотное сообщение по радио, из которого трудно понять, кто и для чего собирался в Доме культуры "Новатор". 5 сентября появилась статья в "Огоньке", но и в ней происшедшее описано туманно: не упоминается о декларации конференции, а о решении собирать деньги на памятник жертвам сталинизма, хоть и упомянуто, но в чью память он будет воздвигнут — не сказано. Нет в "Огоньке" ни слова о решении независимых общественных объединений добиваться отмены цензуры, изменения закона о выборах, передачи государственных предприятий

под управление их рабочих коллективов и т. д.

Можно догадаться о сомнениях покровителей конференции из партийных кругов. Группы, участвовавшие в конференции, и многие выступавшие от собственного имени, как и конференция в целом заявили о решительной поддержке горбачевской политики перестройки, и таким образом проведение конференции могло быть расценено как расширение базы этой политики, как умножение рядов сторонников нынешнего генерального секретаря, в чем он нуждается и о чем он заботится. Однако конференция ясно показала, что демократическое социалистическое движение дорожит своей независимостью, будет ее отстаивать и в то же время требовать более решительного продвижения по пути демократизации, чем готовы сделать Горбачев и его партия. Об этом свидетельствуют, в частности, тезисы о современном положении в СССР, предложенные августовской конференции одним из ее организаторов Борисом Кагарлицким:

”...перестройка сейчас вступила в критическую фазу. Старые структуры уже начинают демонтироваться, новые еще не работают, и, во всяком случае не приносят плодов. В этих условиях общественные противоречия обостряются и реакционные силы спланиваются на общей платформе неприятия демократизации. Это очень опасный и очень важный период нашей истории.

Налицо явный процесс формирования реакционного блока, включающего в себя и

бюрократию, саботирующую перестройку, и сталинистов, и экстремистов из "Памяти". Все эти течения достаточно неоднородны, между ними существуют значительные различия, но их сближает неприязнь к любой попытке реальной демократизации.

Что можем мы противопоставить этому? Только консолидацию левого крыла перестройки. Сейчас уже можно с полной определенностью говорить о трех основных левых течениях в нашей общественной жизни — общественно-политические клубы социалистической ориентации, экологические и культурно-демократические группы и объединения. Все эти три течения объединяет... единство демократических ценностей в рамках твердой социалистической ориентации. Совершенно ясно, что мы понимаем социализм по-разному. Но не менее важно, что в любом случае мы не можем и не должны объединяться со сталинистами, с националистическими экстремистами, со сторонниками капиталистического пути. Это совершенно исключено".

В этой обстановке группы, участвовавшие в августовской конференции, продолжают усилия по сглаживанию противоречий между ними и по вовлечению в информационный обмен близких им по духу организаций.

Заседание клуба "Перестройка" в начале октября 1987 г. посетил московский корреспон-

дент газеты "Нью-Йорк таймс" Билл Келлер. Он с некоторой иронией, но вполне сочувственно описывает увиденное и услышанное — споры до изнеможения и неумение пойти на компромисс, выработать общее решение, но при этом почти маниакальное пристрастие всех участников к демократическим процедурам: советские люди учатся азам демократии.

При всех трудностях этого обучения — и психологических, и организационных, и политических — процесс размежевания — объединения продолжается.

В конце сентября во многих московских клубах были заслушаны обе декларации августовской конференции и многие присоединились к "Кольцу...", а 9 клубов — и к "Федерации...". С декларацией постепенно знакомятся и за пределами Москвы и определяют свое отношение к ней. Состоялись "кустовые конференции" в Ленинграде и в Таганроге, конференция молодежных политических клубов, а также конференция редакторов 17 независимых журналов в Ленинграде, выдвинувших требование доступа к копировальным машинам, разрешения на создание кооперативных типографий, признания за независимыми журналами статуса корпораций и т. п.

Следующая информационная встреча—диалог "Общественная инициатива в перестройке" назначена на январь—февраль 1988 года.

Из всего многообразия нынешних проявлений уже не только инакомыслия, но и самостоятельных действий, я отобрала и описала — поневоле бегло — лишь имеющие прямой политический смысл: выработка политических платформ разных направлений, размежевание, с одной стороны, и объединение, — с другой, по этим политическим платформам; заявки на участие в принятии решений и практические шаги в этом направлении — выдвижение кандидатов на выборах в советы организациями, имеющими сформулированные платформы, для проведения их в жизнь.

Независимые общественно-политические организации в СССР делают сейчас лишь свои первые шаги, и еще неясно ни действительное соотношение сил между националистами и социалистами, между "правыми" и "левыми" и исчерпывается ли этими направлениями расстановка сил в обществе. Неясно также, как сложатся отношения с правящей партией разных направлений лишь нарождающейся политической оппозиции, наладится ли диалог между властью и обществом или советское руководство пойдет на попятный ради монополии власти и попытается вновь принудить к молчанию советское общество, которое в 1987 году проявило себя готовым к формированию многопартийной системы ("русская партия", "зеленые", "левые").

Похоже, в скором времени этот пока скромный список расширится: близки к заявке на

участие в принятии решений советские либералы (пресс-клуб "Гласность", семинары "Демократия и гуманизм", и "Дружба и диалог", группа "За доверие между востоком и Западом" и т. п.). Огромный резерв политической активности, заявляющий о себе вполне определенно, — многочисленные в СССР национальные движения с их весьма болезненными проблемами и противоречивыми интересами, а также верующие — католики, Русская православная церковь, Украинская католическая церковь, протестантские церкви, мусульмане. Но, как бы ни сложились в дальнейшем отношения между властью и обществом и между различными политическими направлениями внутри советского общества, оно уже стянуло со своего лица десятилетиями скрывавшую его идиотскую маску "морально-политического единства".

I

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. ВАЖНЫЙ ПОВОРОТ
В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ
1985 — 1986**

За последние два года внимание западных наблюдателей привлекали в первую очередь изменения во внешней политике, а также в политической и экономической жизни СССР. При этом меньшее внимание обращалось на изменения в культурной жизни страны. Между тем, эти изменения, которые были не слишком значительны в 1985 году, стали все более проявляться весной и летом 1986 года, а осенью и зимой 1986/1987 г.г. они обрели характер большого и важного поворота. Изменения в культуре важны не только сами по себе. Они являются отражением политических настроений и тенденций не только в кругах творческой интеллигенции, но и в руководстве КПСС. Характерно, что ни одно из важных событий в жизни кино и театра, литературы и искусства в нашей стране в течение последнего года не обошлось без участия секретарей и членов Политбюро ЦК КПСС.

Нельзя не отметить, что во времена Брежнева культура понесла еще больший ущерб, чем эконо-

мика. Если в народном хозяйстве страны в 70-е годы наблюдался застой, то в области культуры можно и нужно говорить не только о застое, но и об упадке.

Конечно, и в 70-е годы продолжалось создание важных духовных ценностей. В литературе продолжали продуктивно работать Ч. Айтматов, В. Быков, В. Астафьев, Б. Окуджава. Именно в эти годы создавал свои главные произведения Юрий Трифонов. Именно в эти годы получил все-народное признание Владимир Высоцкий. Высокий уровень творчества сумели сохранить такие режиссеры театра, как Ю. Любимов, Г. Товстоногов и О. Ефремов. Были отдельные успехи и в кино — "Калина красная", "Белорусский вокзал", "Москва слезам не верит", "Твой сын, земля". Не буду говорить о музыке, архитектуре, изобразительном искусстве, где достижений почти не было.

И все же в сравнении с 60-ми годами, общее движение в культурной жизни страны шло не вверх, а вниз. Основной причиной этого явления было ухудшение политической и нравственной атмосферы в обществе, усиление идеологического и догматического давления на интеллигенцию и цензурного произвола. Руководство партии проявляло боязнь всего нового и талантливого, а, с другой стороны, все более явно поощряло в области культуры воинствующую посредственность, насаждая и здесь далекую от всяких эстетических, да и этических критериев номенклатурную иерархию. Для творческой интеллигенции закрывались многие двери, но были приоткрыты

двери, ведущие к эмиграции. В результате по разным причинам оказались на постоянном жительстве в странах Запада М. Ростропович и А. Солженицын, Г. Владимов и В. Некрасов, И. Бродский и В. Аксенов, Л. Копелев и А. Зиновьев, Э. Неизвестный и Ж. Медведев, Ю. Любимов и А. Тарковский, О. Рабин и В. Войнович, Е. Эткинд и Г. Вишневская, — это перечисление имен, известных всей нашей стране, а часто, и всему миру, можно продолжить. Немало талантливых деятелей культуры сосредоточили внимание на темах, далеких от текущей жизни. Некоторые просто надолго замолчали. Велики оказались и естественные потери. Именно в последние 15 лет ушли из жизни А. Твардовский, М. Ромм, В. Тендряков, Ю. Трифонов, Д. Шостакович, Ф. Абрамов, Конст. Симонов, А. Бек, А. Хачатурян, Н. Думбадзе. Умерли, не дожив до 45 лет, В. Высоцкий и В. Шукшин.

Были у нас и потери иного рода, когда талантливые деятели культуры, заслуженно завоевавшие популярность в 60-е годы, не смогли или не захотели противостоять давлению, пошли не п р о т и в, а п о течению и, изменив художественной правде в угоду официальному благополучию, активно занялись приукрашиванием и извращением неприглядной действительности. Такой компромисс с совестью позволил некоторым из этих людей занять высокие места в творческих союзах, но исключил возможность создания художественно ценных произведений. Достаточно назвать здесь такие имена, как Ю. Бондарев или

С. Бондарчук. "Не хочу жить хуже, чем Михалков или Марков", — откровенно и цинично сказал один из создателей парадной киноэпопеи "Освобождение".

Потеря, пусть и по разным причинам, столь многих талантов не сопровождалась появлением в нашей культуре новых талантов. Среди сотен поэтов, принятых в Союз писателей в последние 15 лет, я затрудняюсь назвать даже одного, чьи стихи и поэмы нашли бы отклик во всей стране. Среди прозаиков можно назвать, пожалуй, лишь одного — В. Распутина. В драматургии всеобщее признание получил также лишь один А. Вампилов, но, увы, лишь после его трагической гибели. На этом фоне большой читательский успех книг В. Пикуля или псевдоэпических романов А. Чаковского и И. Стаднюка свидетельствует о деградации не только писательского ремесла, но и читательских вкусов.

Обозревая пройденный в последние 15 лет путь, многие из мастеров советской культуры высказываются ныне очень критически.

"Когда много полуправды, парадности, помпезности, показухи, очковтирательства, то правде трудно пробиться... С каждым годом нас все больше заваливают романами, которые нужны только их авторам, полотнами, которые и авторам не нужны, фильмами, поражающими полным отсутствием какого-либо авторского лица, песнями, которые нельзя ни спеть, ни слушать. Это искусство похоже на нашу торговлю: чего хочешь — того не найдешь, а что лежит, того не нужно... Это искусство ни подлинная радость, ни боль народная не трогают.

Горькие слова эти содержатся в статье драматурга М. Рощина ("Советская Россия", 19 января 1986 г.).

"Почему читатели отворачиваются от некоторых наших книг? Причин много. Но главная — народ хочет гласности. Он знает правду о чудовищной силе зла, коррупции, лихоимства, фальши, двуличия..., он видит неправильное распределение благ. А ему подсовывают обкатанные редакторами застенчивые книги, не "Мертвые души", а "водевили".

Это говорил на недавнем съезде писателей поэт А. Вознесенский.

"Я устал от посредственной беллетристики, от всей той серятины, которой полны наши журналы, и которую выпускают наши издательства... Документальные фильмы я смотрю охотнее, чем всякую игровую белиберду... Мы очень долго работали в упрощенческой литературе, в лакировочной литературе. Нередко к этому вынуждало время. Но не в меньшей мере к этому вынуждали посредственности, создавая своими писаниями атмосферу беспринципности и невзыскательности".

Говорил известный русский писатель В. Астафьев. ("Литературное обозрение", 1986, № 3, сс. 71-72).

Не менее резкие отзывы можно найти об упадке оперы и эстрады, скульптуры и архитектуры, изобразительного искусства и литературной критики, об общем упадке культуры.

Уже появление столь критических отзывов свидетельствует об изменении обстановки в области культуры. Но множатся не только критические высказывания. С весны 1986 года начала меняться и вся панорама культурной жизни в стране,

В конце 50-х годов после XX-го съезда КПСС

перемены в общественной атмосфере нашли свое наиболее быстрое отражение в поэзии. Но сегодня поэты мало чем могут порадовать читательскую публику. Для любителей поэзии главным событием последнего года было "возвращение" в русскую литературу Николая Гумилева, замечательного поэта начала века, офицера и дворянина, который был в августе 1921 года арестован Петроградской ЧК по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре и расстрелян 25 августа 1921 года.

Более оперативно откликнулось на изменения в политической атмосфере советское телевидение. До сих пор интересные передачи были здесь редкостью, на домашних экранах можно было увидеть главным образом старые и скучные фильмы, и только спортивные передачи, да не особенно частые детективы собирали относительно большую аудиторию. В последние полтора года телеэкран значительно изменился. Здесь демонстрируются такие фильмы, которые раньше телевидение не показывало. Телевидение пропагандирует и некоторые интересные спектакли, проводит "встречи" с действительно интересными людьми (событием для многих стала телевизионная встреча с академиком Д. Лихачевым, одним из умеренных представителей либерального крыла советской интеллигенции). Всеобщий интерес вызывает передача "Проблемы—поиски—решения" во время которой высшие руководители различных министерств и ведомств должны отвечать на вопросы, задаваемые по телефону и таким

образом отчитываться перед миллионной аудиторией. Немало откликов вызывает и новая передача "12-й этаж", рассчитанная на молодежную аудиторию, а также проводимые по некоторым важным проблемам телевизионные "мосты" и дискуссии между СССР и США. Изменился характер общественно-политических передач, более интересно и содержательно проводится и информационная программа "Время". Восстановлена на телеэкране популярная развлекательно-сатирическая передача КВН — "клуб веселых и находчивых". Подсчеты показывают, что сегодня советские люди проводят у телевизионного экрана почти в 2 раза больше времени, чем 5—6 лет назад.

Не менее оперативными оказались и театры, правда, в сезон 1985/1986 года только в Москве и Ленинграде. Как известно, театр сумел "выжить" и сохраниться и в век кино и телевидения. И все же в последние 15—17 лет в СССР наблюдался явный упадок театрального искусства. Посещаемость театров непрерывно уменьшалась, и театральные залы в среднем по стране заполнялись в начале 80-х годов только на 70%. Только в Российской Федерации имелось более 70 театров, где удавалось реализовать за год менее 50% билетов на представления. В 1984 году в РСФСР театры посетило на миллион меньше зрителей, чем в 1983 году ("Театр", 1986, № 4, с. 57). Но этот упадок театра объяснялся не конкуренцией кино или телевидения, а низким уровнем работы театра, скучными пьесами. Положение начало меняться с конца 1985 года. Из многих премьер

сезона 1985/1986 г. явный успех имело около 20-ти новых спектаклей. Среди них "Улица Шолом-Алейхема, д. 40" А. Ставицкого в Московском театре им. Станиславского, где впервые, пусть и в урезанной и неточной форме, ставится вопрос о еврейской эмиграции из СССР. Трудно попасть на пьесу Э. Радзинского "Театр времен Нерона и Сенеки" в Московский театр им. Маяковского. События античности кажутся актуальными и для современного зрителя. Привлекла внимание драма Ф. Бурлацкого "Только одна ночь", поставленная в Московском театре сатиры. Главные герои драмы — умный и решительный Д. Кеннеди и его благородный и обаятельный брат Р. Кеннеди, сумевшие одержать в дни Карибского кризиса 1962 года трудную победу над американскими "ястребами". Но странным образом среди действующих лиц нет Н.С. Хрущева, без участия которого Карибский кризис не смог бы ни возникнуть, ни относительно благополучно разрешиться. Мы видим конфликты в Белом доме, но не видим и не узнаем о конфликтах в Кремле. Театр "Современник" возобновил одну из своих давних и наиболее успешных постановок конца 60-х годов — пьесу М. Шатрова "Большевики". Несколько театров с успехом показали пьесу А. Кудрявцева "Иван и мадонна" и пьесу В. Дозорского "Последний посетитель". Режиссер Л. Додин из Ленинградского драматического театра удачно инсценировал известные романы Ф. Абрамова "Дом" и "Братья и сестры". На протяжении двух вечеров зритель не только

видит тяжелую жизнь послевоенной русской деревни, но думает над проблемами этой же деревни и в более поздние времена. Пречень таких же успешных постановок можно продолжить. И все же главным событием прошлого сезона, имевшим как художественное, так и политическое значение стали три постановки.

Назовем первым спектакль "Серебрянная свадьба" в МХАТе по пьесе А. Мишарина, основательно переработанной в театре главным его режиссером Олегом Ефремовым. Министерство культуры СССР долго не давало разрешения на эту постановку, и только посещение спектакля членом Политбюро Е. Лигачевым позволило включить его в репертуар. Побывал на представлении и М. Горбачев, а также многие делегаты XXVII-го съезда КПСС. Сюжет пьесы несложен, но актуален. Ее главные герои — партийные, советские и хозяйственные работники разных уровней и поколений — от самого высокого московского начальника — Выборнова до председателя колхоза Сирого. Все они в чем-то повинны за сложившуюся в дальнем сельском районе тяжелую обстановку. Но одни уже слишком погрязли в угодничестве, коррупции, темных делах и преследовании честных людей, их теперь не исправишь. У других пробуждается совесть, они готовы порвать с прежними методами и работать по-новому. Одни мечтают о возвращении сталинских времен и сталинских методов. Другие готовы признать все свои ошибки и принять и демократизацию, и перестройку. В этом — главная мысль спектакля,

которая так понравилась Лигачеву — избавляться надо только от самых неисправимых работников, другие должны теперь работать иначе, по совести, ибо, как повторяет один из героев пьесы — "власть без совести бессовестна. Совесть без власти — бессильна". Но пьеса остроумна, в ней много острых высказываний, ситуаций и намеков, не слишком понятных для иностранных корреспондентов, но вполне понятных советскому зрителю. Успех постановки закономерен.

Районная жизнь изображена и во втором спектакле, о котором следует здесь сказать. Я имею ввиду инсценировку книги В. Овечкина "Районные будни", с которой началась в 50-е годы вся наша "деревенская проза". Эту постановку под кратким названием "Говори!" осуществил в Московском театре им. Ермоловой молодой режиссер В. Фокин.

С первых сцен мы видим нищую и бесправную деревню 1952 года, всемогущего и лишенного совести секретаря райкома Борзова, главная задача которого не вырастить, а отобрать хлеб у колхозников. Смерть Сталина меняет жизнь деревни, и на место Борзова приходит новый руководитель — Мартынов. Однако пережитки "борзовщины" исчезают не сразу. День и ночь проводит Мартынов в колхозах, но и он убежден, что все главные решения должны идти сверху, от партийного руководства. И когда в одном из колхозов колхозный сход не только снимает пьяницу председателя, но даже исключает его и часть его дружков из партии, не спрашивая

согласия райкома, Мартынов воспринимает это как "бунт" и недопустимую анархию. Чтобы углубить анализ автор пьесы А. Буравский вводит на сцену еще один персонаж — Писателя, молодого Овечкина, члена бюро райкома, который вступает в полемику с Мартыновым, защищая права колхозников. Пьеса "Говори!" воспринимается зрителями не только как вполне современная и актуальная, но она, возможно, впервые в нашем театре поднимает не только тему ответственности, но и тему в и н ы партии перед народом за плохое руководство. Финальная сцена — когда на партийной конференции Мартынов отбирает у доярки бумажку с заготовленной еще год назад для нее речью и просит: — "Говори! У тебя есть, что сказать. Говори!", но доярка молчит, она не приучена говорить самостоятельно. И тут группа артистов, изображающая по ходу пьесы народ, идет по сцене, повторяя одно слово "Говори... говори..." Мораль проста — пока не заговорит народ — перемен не будет.

Третья из наиболее заметных пьес сезона поставлена театром им. Ленинского комсомола. Это "Диктатура совести" М. Шатрова, в которой драматург строит действие на противопоставлении идей Ленина всему тому, что произошло после смерти вождя. Представление строится в форме "судебного" диспута — популярной в первые годы Советской власти среди молодежи формы защиты идей революции. Теперь такой "суд" организует редакция одной из молодежных газет. "Обвинители" нападают на реальности и историю

социалистического мира, "защитники" и "свидетели" излагают свои версии, а "судьи" выносят решения. Конечно, в итоге именно ленинские идеи берут верх на сцене, но сама мысль — поставить их под сомнение и дать слово противникам ленинизма показалась Министерству культуры кощунственной, и только вмешательство члена Политбюро Е. Лигачева и секретаря ЦК А. Яковлева позволило пьесе Шатрова остаться в репертуаре театра. Между тем автор пьесы предельно осторожен. Так, например, когда ему по ходу пьесы нужно было вывести на сцену типичного сталиниста с его логикой казарменного социализма, то на сцене мы видим не какого-либо деятеля из окружения Сталина, а комиссара интернациональных бригад в Испании Андре Марти, искавшего и уничтожавшего "врагов народа" среди бойцов-добровольцев, оборонявших Мадрид. В пьесе Шатрова есть особый персонаж — Посторонний, которого играет популярный артист О. Янковский. На первых представлениях он обращался к публике, вовлекая в диспут и зрительный зал. Однако один из зрителей, которому дали слово, заявил: — "Мой дед был социалистом-меньшевиком. Его расстреляли в 30-е годы. Сейчас мы много говорим о демократии. Но опыт показывает, что настоящей демократии не может быть, пока нет оппозиционных партий".

После этого инцидента дискуссии со зрителями были прекращены. "Гласность" и в ленинском и в современном понимании отнюдь не предполагает свободы для оппозиции. На сцене театра

идет интересный, но тщательно отрепетированный диспут, но в жизни общества есть признаки либерализации, но еще нет подлинной демократии.

В сезон 1986/1987 г. положительные перемены в жизни театра получили дальнейшее развитие. Почти все наиболее успешные пьесы прошлого сезона были опубликованы на страницах журнала "Театр" и рекомендованы к постановке в провинции. Перечисленные нами выше пьесы идут сегодня не на одной—двух столичных сценах, а в десятках театров. Опубликована и рекомендована к постановке и пьеса-трагедия В. Губарева "Саркофаг", весьма правдиво повествующая о первых днях Чернобыльской катастрофы. Эту пьесу приняли к постановке даже в Англии. Привлекли внимание общественности и театральной критики такие новые спектакли, как "Тамада" по пьесе А. Галина в МХАТе. Во многих театрах страны начал проводиться "эксперимент", в основе которого предоставление наиболее популярным театрам большей чем ранее экономической и творческой самостоятельности. Вместо малоавторитетного и бесправного Всероссийского театрального общества (ВТО) под давлением театральной общественности осенью 1986 года были проведены учредительные съезды и образованы республиканские и общесоюзный Союзы театральных деятелей по образцу Союза кинематографистов или Союза писателей. В руководство этих Союзов после острых дискуссий избраны наиболее авторитетные режиссеры и артисты. Председателем правления Союза театральных деятелей

СССР избран народный артист К.Ю. Лавров, а первым секретарем правления — народный артист СССР О.Н. Ефремов. Союз театральных деятелей РСФСР возглавил народный артист СССР М. Ульянов. Ныне большая часть проблем творческой жизни театров и артистов будет решаться не чиновниками из управлений и министерств культуры разных уровней, а руководством театральных союзов. В новом сезоне пустующих театров становится все меньше. Более того, только в Москве на базе самодеятельных театров и театров-студий образовано десять новых театров.

Изменения в литературной жизни и в литературе происходили поначалу гораздо медленнее, чем в театре. Литература, как известно, дело очень индивидуальное. В этом ее сила, но также и слабость. Театр — это устойчивый коллектив, в котором образуются прочные традиции, стили и школы. Театры должны работать и в "хорошее" и в "плохое" время, когда романы лучших писателей отвергаются в издательствах и в журналах. Неудивительно, что именно в театре в последние 10 лет образовалась группа молодых и талантливых драматургов и режиссеров, получившая название "новой волны". Этим людям было, конечно, трудно работать в удушливой атмосфере последних лет брежневской эпохи, и их искания ограничивались часто темами личной неустроенности, личных отношений, "лишних" людей. Драма, как говорится, больше ставила вопросов, чем отвечала на них, но она одновременно осваивала новые стили и творчески воспринимала опыт

западной драматургии. Это и помогло театру начать сегодня более быструю перестройку, чем это оказалось возможным в литературе.

Так, например, в июне 1986 года в Москве состоялся VIII-й съезд писателей СССР. Большинство делегатов на этот съезд избирали еще в 1985 году, и многие талантливые и авторитетные писатели и критики, без которых трудно представить сегодня нашу литературу, не были избраны даже делегатами съезда. Руководство писателей, возглавляемое Г. Марковым, С. Михалковым, Ю. Бондаревым, решительно ограничило присутствие на съезде гостей и пыталось повлиять на характер прений. И все же VIII-й съезд писателей прошел в целом на гораздо более критической ноте, чем республиканские съезды. Даже С. Михалков вынужден был говорить о "всеобъемлющей и всепобеждающей серости, под знаком которой прошел целый период истории нашей литературы". На съезде звучала пусть и не особенно острая критика по поводу общественной деятельности и художественного творчества многих руководителей Союза писателей и редакций ведущих литературных журналов, а также в адрес всего Союза писателей. Ораторы говорили о "старении Союза писателей", ярким примером которого мог служить и сам съезд. В Кремлевском зале не было писателей моложе 30 лет, здесь имелось только трое писателей моложе 35 лет, только 15 писателей — моложе 40 лет, но здесь заседали 250 писателей старше 60 лет. Ни Лермонтов, ни Есенин, ни Добролюбов, ни Писарев не смогли

бы стать сегодня ни делегатами съезда, ни членами Союза. С трудом были бы приняты в Союз Пушкин и Маяковский.

Съезд избрал новое руководство Союза писателей. Первым секретарем Правления Союза избран В.В. Карпов. Карпов не принадлежит к числу наиболее талантливых и популярных советских писателей. Он профессиональный военный, прослуживший в армии 25 лет и ушедший в запас в чине полковника. Перед войной Карпов пробыл недолго в тюрьме за "неуместные" высказывания о Сталине, но в годы войны он отличился как смелый разведчик, стал Героем Советского Союза и был реабилитирован. Судьба военных разведчиков и жизнь современной армии остаются главной темой романов и повестей Карпова. Опубликованная несколько лет назад документальная повесть Карпова "Полководец" привлекла всеобщее внимание правдивостью в изложении событий войны. В бюро секретариата ССП вошли такие писатели, как Ч. Айтматов, Г. Бакланов, В. Быков, С. Залыгин, которых знает и уважает советский читатель, отчасти за их антисталинскую позицию в 60-е годы. От прежнего руководства в бюро секретариата вошли Г. Марков, Ю. Бондарев и Ю. Верченко. После съезда сменилось и руководство некоторых литературно-общественных журналов. Эти изменения в руководстве Союза писателей носили половинчатый характер.

Новая обстановка повлияла не только на руководство ССП, но и на литературный процесс. Из произведений, опубликованных в 1986 году, наи-

большее внимание, если не читателей, то критики и даже политических наблюдателей, привлекли такие, как роман В. Астафьева "Печальный детектив" ("Октябрь", № 1), его же рассказы ("Наш современник", № 5) и роман Ч. Айтматова "Плаха" ("Новый мир", №№ 6, 8, 9). Как Астафьев, так и Айтматов развивают тему, столь остро поднятую еще в предыдущем году В. Распутиным в повести "Пожар" ("Наш современник", 1985, № 7). Это тема нравственной деградации значительной части — не чиновников, не руководителей, а самого народа — рабочих, крестьян, интеллигенции и особенно молодежи.

Напомним, что действие повести Распутина происходит в далеком сибирском поселке, где неожиданно начался пожар на складах. Сбежались люди, чтобы спасти общественное добро. Их поведение на пожаре, их отношение к работе, к другим людям, к самим себе и к жизни служит предметом невеселых размышлений и главного героя повести и ее автора. Не бодрую и смелую и честную советскую молодежь видим мы в "Пожаре", а расплотившуюся повсюду особую породу людей — "архаровцев", которые живут только сегодняшним днем. Им безразлична и Сибирь, и тайга, которую они безжалостно и хищнически вырубают. У них свои обычаи и законы, не имеющие ничего общего ни с идейно-политическими ценностями нашего общества, ни с самыми простыми понятиями совести и порядочности. "Архаровцы", наверное, и подожгли склад и теперь не столько тушат пожар, сколько набивают карма-

ны разным добром и упиваются "спасенной" ими водкой. Эти люди могут не только украсть, но и убить того, кто мешает им своей совестью и честностью. Почему размножились по всей стране эти люди с психологией уголовников? Распутин ставит, но не отвечает на этот вопрос.

Не отвечает на те же вопросы и В. Астафьев. Герой "Печального детектива" капитан милиции Сошнин, тяжело раненный пьяным хулиганом, в 42 года выходит на пенсию и начинает писать роман. Это необычный милиционер, который заочно закончил филологический факультет, в совершенстве знает немецкий язык, интересуется литературой и философией и по ночам читает немецких философов на немецком языке. Сошнин знает, сколько много зла и неустроенности, грязи и бедности еще имеется в нашей жизни. Перед ним проходят алкоголики и преступники, насильники и бандиты, мошенники и взяточники, чванливые начальники и равнодушные к своему делу прокуроры. Невеселые мысли и воспоминания Сошнина и безотрадные картины провинциального быта составляют содержание книги Астафьева. Роман Астафьева вызвал обильную полемику. Некоторые из критиков не без основания писали, что автор направляет свой гнев не в ту сторону. Интеллектуал из угрозыска Сошнин одинок. Интеллигенцию в его городе Вейске представляет неопрятная Сыроквасова из местного издательства с ее "тремя вундеркиндами от разных творческих производителей". Многих задел и слова о "десятке местных еврейчат", которые почему-

то пытаются доказать, что Лермонтов в своих переводах "сильно портил немецкую лирику". (В отдельном издании книги Астафьев заменил слово "еврейчата" на "вейчата", исправляя явный антисемитский оттенок.) Книга Астафьева интересна, но в ней чувствуется какая-то надломленность и озлобление на всех и вся. Как осторожно отмечала критик И. Роднянская, — "В романе Астафьева "тоска по идеалу" смешана с "тоской по порядку", а это не одно и то же. Писатель отразил недовольство порядками, свойственное "рядовому человеку", "человеку без привилегий" и воспроизвел многие из его скорых и не всегда точных социальных реакций" ("Литературная газета", 1986, № 35, стр. 2).

Противоречивое впечатление оставляют и рассказы Астафьева. Трудно оспаривать изображенные им картины материального, социального и нравственного оскудения северных русских деревень. Трудно оспаривать и факты нравственного и социального вырождения богатых грузинских сел. Когда писатель узбек Камил Икрамов обрушивается на порядки и нравы сегодняшнего Узбекистана, ему нельзя бросить упрек в оскорблении национальных чувств узбеков. Но русскому писателю, лишь ненадолго в качестве гостя и друга побывавшего в Грузии, надо подумать, прежде чем писать о "жадности" грузин, об их пренебрежении к своим родителям и женщинам, о том, что "настоящих грузин в Грузии почти не осталось". Я родился в Грузии и намного лучше Астафьева знаю грузин. То, что пишет Астафьев,

конечно же, часть нынешней Грузии, но отнюдь не главная ее часть. Выступая на съезде писателей С. Михалков назвал публикацию рассказов Астафьева ошибкой. Это — ложная позиция. Писателей надо публиковать, также как и критику их произведений. Пусть "Огонек" публикует романы И. Стаднюка, восхваляющие Сталина и Молотова, и пусть Астафьев публикует свои, как сказали бы раньше, "очернительские" романы и рассказы, но пусть обо всем этом идет в печати нелицеприятная дискуссия. Истина рождается в открытых спорах, а не в закрытых цензурных кабинетах.

Третье произведение, о котором хотелось здесь сказать, — это роман-трагедия Ч. Айтматова "Плаха" с необычными для нашей литературы героями. Трагически складывается судьба главного героя романа — сына священника Авдия Каллистратова, исключенного из семинарии за попытку модернизировать христианство. У него нет опоры ни в церкви, ни в нашем атеистическом обществе, и он гибнет, пытаясь в одиночку бороться с общественным злом. Сначала его жестоко избивают организованные в мафию добытчики наркотиков — "гонцы", потом распинают на дереве равнодушные ко всему алкаши, безжалостно истребляющие стада диких сайгаков и помогающие таким образом своей области выполнить план мясопоставок. Еще одним героем романа оказывается Иисус Христос, трагический конец которого изображает нам в своей редакции Ч. Айтматов. Тяжелой трагедией завершается и

жизнь честного чабана Бостона, нечаянно застрелившего своего младшего сына, уносимого волчицей, а потом и сознательно застрелившего и врага своего тунейдца Базарбая. Трагически заканчивается и жизнь вольной семьи волков, жестокость которых не идет в сравнение с жестокостью людей.

Оживлению литературной жизни способствовало решение директивных инстанций об ограничении прав и функций "Главлита", учреждения, которое многие десятилетия выполняло "по совместительству" роль политической и идеологической цензуры. Теперь "Главлит" должен строго следовать своему официальному предназначению — охране военных и государственных тайн в печати. Возможности и права редакций и главных редакторов газет, журналов и издательств значительно расширяются. Конечно, и редакторский контроль может быть жестким и несправедливым. Но ведь и состав редакций, хотя и медленно, но меняется в лучшую сторону. Наша общественность положительно восприняла изменение, например, редакционной коллегии журнала "Знамя", главным редактором которого назначен Г. Бакланов, а его первым заместителем лучший наш литературный критик и бывший заместитель А. Твардовского в "Новом мире" 60-х годов В.Я. Лакшин. Не случайно именно в журнале "Знамя" в последние полгода появились очень важные публикации, восстанавливающие как бы прерванную в 70-е годы "связь времен".

Так, например, журнал "Знамя" (№№ 10, 11,

1986 г.) опубликовал интереснейший роман Александра Бека, "Новое назначение", который был закончен писателем еще 22 года назад. Автор рисует психологически точные портреты Сталина, Берия, Орджоникидзе. Прототипом главного героя А. Онисимова является известный "сталинский нарком" И. Тевосян, более 15 лет возглавлявший металлургическую промышленность страны; его считали твердым, жестким, но справедливым, честным и бескорыстным человеком. Онисимов-Тевосян и Берия — смертельные враги. Еще в годы гражданской войны Онисимов выразил политическое недоверие молодому Берия и задержал его прием в партию. Теперь Берия — всесильный глава советских карательных органов и тайной полиции. Но Сталин не позволяет Берия трогать Онисимова и назначает его наркомом. Один за другим гибнут в тюрьмах и лагерях друзья и родные Онисимова, но Сталин не только доверяет наркому, но числит его в своих друзьях. Онисимов не сомневается, что главной причиной "милости" Сталина был давний эпизод, когда случайно став свидетелем острого столкновения между Сталиным и Орджоникидзе, Онисимов предал своего друга — Орджоникидзе. Позже он не вступился и за своего арестованного брата. Онисимов — "солдат Сталина", и он готов выполнить любой его приказ. Труд Онисимова помог обеспечить нашу страну в годы войны лучшими чем у врага танками. Но тот же Онисимов, отлично понимая авантюристичность и нелепость новой технологии инженера Лесных, тратит

огромные средства и время на бессмысленную затею только потому, что она понравилась Сталину.

Я хорошо знал А. Бека и читал рукопись его романа еще в 1965 году. Но писатель умер в 1972 году, так и не дождавшись публикации на родине своей книги.

Не дождался публикации своей последней поэмы "По праву памяти" и наш замечательный поэт и главный редактор "Нового мира" А. Твардовский. Его поэма опубликована ныне в № 2 журнала "Знамя" за 1987 год. В моей библиотеке хранится верстка этой поэмы с дарственной надписью Твардовского, помеченной июнем 1969 года. Поэт писал о "юности немилой", когда ему, студенту, пришлось отказываться от отца, простого деревенского кузнеца, недавнего красноармейца, объявленного "кулаком" и сосланного вместе с семьей за Урал. Но поэма повествует не только о личной судьбе автора. Твардовский с гневом пишет об осуждении миллионов невинных людей, о страшных лагерях Колымы, о прославлении Сталина в прошлом и попытках его реабилитации сталинистами. — "А вы, что ныне норовите вернуть былую благодать, так вы уж Сталина зовите — он богом был, он может встать".

Конечно, крайне важно, что поэма Твардовского, как и роман Бека, наконец опубликованы. Но в 60-е годы они прозвучали бы громче и имели бы много больший резонанс в нашей общественной и литературной жизни.

Этот эффект "старения", когда книга, проле-

жавшая 15—20 лет в столе писателя, уже не в состоянии найти ожидаемый отклик в умах и сердцах людей, живущих в иное время, зависит, конечно, и от темы и от таланта автора. Это видно, в частности, на судьбе романа В. Дудинцева "Белые одежды", который начал теперь публиковаться в ленинградском журнале "Нева", хотя еще в конце 60-х годов "Новый мир" обещал нам опубликовать его на своих страницах. В романе речь идет о трагической судьбе биологии и генетики в 40—50-е годы. Для нашей литературы и публицистики это уже не новая проблема, да и роман Дудинцева не лучшая книга на эту тему. Пожалуй, большее внимание интеллигенции привлек роман Д. Гранина "Зубр", который публикуется в "Новом мире" (№№ 1, 2, 1987 г.), и в центре которого стоит колоритный образ Н.В. Тимофеева-Ресовского, знаменитого советского генетика и радиобиолога с его необычной и полной удивительных поворотов судьбой. Думаю, что роман Гранина мог бы быть более острым, о многих трудностях жизни своего героя автор все же умалчивает. С интересом я жду реакции советских читателей на роман А. Рыбакова "Дети Арбата", который является, на мой взгляд, лучшим произведением советской литературы из тех, что на многие годы были задержаны цензурой. Готовится к изданию и роман Б. Пастернака "Доктор Живаго", публикация которого за границей вызвала еще в конце 50-х годов так много страстей. Только теперь, через 27 лет после смерти этого великого поэта, Союз писателей отменил решение об исклю-

чении Пастернака из рядов Союза. Впрочем, "на очереди" стоит еще много трудных для нашего Союза писателей проблем: — публикация большого сборника стихов В. Высоцкого, поэмы А. Ахматовой "Реквием", романа-хроники Евг. Гинзбург "Крутой маршрут" — этот список можно продолжить.

Два года назад с огромным успехом демонстрировался на советских экранах превосходный фильм "Проверки на дорогах", который был создан режиссером А. Германом еще в конце 60-х годов, но больше 15 лет пролежал в архиве из-за нелепых придирок цензуры. Это был первый признак изменений в киноискусстве, которые приняли вскоре необычно быстрый и бурный характер. Накопившееся среди работников кино недовольство проявилось еще весной 1986 года при подготовке V-го съезда кинематографистов СССР и во время самого съезда, состоявшегося в Москве 13—15 мая 1986 г. Делегатами съезда не были избраны многие из прежних руководителей Союза кинематографистов, директора крупных киностудий и некоторые из известных и увенчанных наградами и званиями режиссеров и артистов вроде Сергея Бондарчука, описанию жизни и деятельности которого немецкий автор Норберт Кухинке посвятил так много места в своей недавно изданной книге "Элита в России" (Norbert Kuchinke "Elite in Rußland", 1986, Lübbe. Köln). На обочине съезда оказались и многие люди, немало потрудившиеся над возрождением сталинского стиля в киноискусстве и над созданием

дорогостоящих, помпезных, многосерийных кинонолент, нередко не только пустых, но и фальшивых. Образцом подобного "искусства" мог бы служить фильм "Победа". Этот фильм, где главными героями являются Сталин и Брежнев, еще весной и летом 1985 года демонстрировался по всей стране и представлялся к Ленинской премии. Теперь его подвергают справедливой и резкой критике как в общей, так и в профессиональной печати.

Для работников кино V-й съезд был знаменательным событием. Острыми были выступления делегатов, и заседания съезда затягивались сверх регламента. При выборах правления в заранее подготовленный список делегаты включили много новых фамилий. От такой демократии наши творческие союзы давно отвыкли. Новый секретариат Союза кинематографистов мало походит на прежний. Первым секретарем Союза избран Элем Климов. Для многих этот выбор оказался неожиданным. В 60-е годы Климов как режиссер поставил несколько успешных кинокомедий, интересным был и его фильм "Спорт, спорт, спорт". Но Климова нельзя назвать баловнем судьбы, так как многие из его замыслов оказались неосуществленными или надолго задержанными. "Как режиссер я знаю, — говорил Климов, — что такое неосуществленная работа, — это целый раздел в творческой биографии почти каждого нашего серьезного художника". (газ. "Советская культура", 30 августа 1986 г., стр. 4). Фильм Климова "Иди и смотри" — о немецкой оккупации Бело-

руссии — два раза запускался в производство. Фильм "Агония" — о судьбе последнего русского монарха запускался в производство три раза и уже отснятый не шел в прокат более семи лет. Неудивительно, что первые заседания нового секретариата Союза были посвящены судьбе фильмов, которые по разным причинам не были показаны зрителям в последние 20 лет. Таких фильмов оказалось немало, и некоторые из них мы недавно смогли посмотреть и оценить. Так, например, десятки миллионов телезрителей смогли увидеть цикл телефильмов, созданных в 1965—1968 гг. драматургом М. Шатровым и режиссером Л. Пчелкиным, объединенных под названием "Штрихи к портрету В.И. Ленина". Эта большая лента пролежала в архивах телевидения почти 20 лет. Э. Климов помог появлению на большом экране фильма грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе "Покаяние", премьера которого стала без преувеличения главным событием в области советской культуры зимой 1987 года. Борьба вокруг этого фильма была драматической и упорной, и она заслуживает отдельного описания. Очень трудно пересказать сюжет этого необычайно красивого и страшного сюрреалистического фильма с элементами абсурда, гротеска, сказки, сюрреализма и реализма. Думаю, что по художественному мастерству и силе воздействия на публику в советской кинематографии еще не было такого фильма. Сначала кажется, что действие фильма происходит где-то в Грузии, да и время действия угадывается не сразу. Не только артисты, но и

герои фильма имеют грузинские имена — художник Сандро Баратели, городской голова Варлам Аравидзе, жестокий деспотизм и злодеяния которого хочет, казалось бы, разоблачить фильм "Покаяние". Неудивительно, что в большинстве рецензий звучит чаще всего имя Лаврентия Берия, ибо именно он был в Грузии главным проводником страшного террора 1937—1938 гг. Да и лицо Варлама с неизменным пенсне походит на лицо Берия, каким помнит его старшее поколение. Но на портретах Варлама — усики Гитлера, он одет всегда в черный полуфренч с ремнями как Муссолини и также любит произносить речи с балконов домов. А рассуждения Варлама о ценности старинного Храма, о живописи Сандро, о Конфуции напоминают многие лживо-значительные сентенции Сталина. Да и сам режиссер, выступая перед зрителями, говорил, что в образе Варлама хотел показать черты "многих злодеев", что у грузин нет фамилии Аравидзе, а слово Варлам по-грузински — это "никто" (Niemand). Мы видим Варлама Аравидзе даже в облике нечистой силы, сатаны удобно расположившимся где-то в подвалах дворца-виллы своего сына Авеля. Да и масштаб злодеяний Варлама выходит далеко за пределы одного города или республики. Тысячи бревен приходят в город откуда-то с севера, и женщины с детьми ищут на торцах бревен имена своих мужей и сыновей. Грузовики, переполненные арестованными, пустые дома с опечатанными дверями. Огромная очередь женщин с передачами у тюремного окошечка — это уже тема "Реквиема"

Анны Ахматовой: — "А здесь, где стояла я триста часов, и где для меня не открылся засов". Реальные сцены перемешаны с фантаσμαгорией. Стражники и агенты производят аресты в старинных рыцарских доспехах, подталкивая свои жертвы длинными копьями, новейший "кадиллак" или "ролл-ройс" стоит рядом с конной повозкой. Допрос Баратели происходит в цветущем саду, где молодой следователь играет на белом рояле вальс Мендельсона и поет дуэт с юной богиней Фемидой, стыдливо отходящей в сторону, когда покровитель и друг Баратели, одетый в старинные одежды, не только рассказывает всякие небылицы о своей "тайной организации", которая роет тоннель из Бомбея в Лондон, но и оговаривает Баратели. Смерть Баратели напоминает картины художников Возрождения о распятии Христа. Фильм не пугает, но оставляет зрителя потрясенным и смятенным, хотя не всякий способен разгадать все скрытые в картине символы. К тому же это фильм не о прошлом. Ибо совсем недавно умер полубезумный теперь уже старик Варлам, и его хоронят сын и друзья сына, люди другого поколения, но той же подлой, трусливой и хищной породы. Это теперь трижды выкапывает из могилы и приносит в дом Авеля труп Варлама постаревшая от страданий дочь Баратели — Катебан. Это сегодня судьи в мантиях начала XIX-го века отправляют Катебан в сумасшедший дом. Это ныне хочет отпраздновать удачный приговор Авель и его друзья, но, не выдержав открывшейся ему истины, стреляет в себя из пода-

ренного дедушкой ружья внук Варлама Торнике. И лишь теперь у тела любимого сына бьется и кается Авель, а потом сам выкапывает на кладбище труп отца и бросает его с горы на съедение кричащим недалеко воронам.

Фильм "Покаяние" идет уже месяц в Москве, но попасть на него трудно. При встречах друзей часто первым вопросом бывает: "Смотрел ли ты "Покаяние"? Чтобы приобрести билет по учреждениям Москвы проводится запись на месяц вперед. Такого сильного желания увидеть новый кинофильм, смотреть его несколько раз не было даже в 1934 году, когда на советских экранах шел легендарный "Чапаев" — самый успешный фильм в истории советского кино. Но там речь шла о подвигах гражданской войны, а здесь — о преступлениях 30-х годов. Видимо, прав был один из членов Политбюро, который сказал: — "Еще 2—3 подобных фильма, и сознание народа изменится".

Культурные и идеологические перемены 1961—1964 гг. происходили в обстановке открытой борьбы и острой журнальной полемики. У Н.С. Хрущева не имелось ясной и продуманной программы в области идеологии и культуры, а секретари Д.М. Сулов и Л. Ильичев в большей мере сопротивлялись, чем помогали прогрессивным изменениям. Поэтому каждое новое и оригинальное произведение надо было "пробивать", "проталкивать", и эти усилия далеко не всегда кончались успехом. Эта борьба обострилась в 1965—1969 гг., когда к руководству партией пришел

Л.И. Брежнев, и она закончилась, как известно, победой консервативно-догматического по содержанию и примитивно-посредственного по своим формам направления. Сегодня положение иное, так как прогрессивные направления в культуре и идеологии находят поддержку и у М.С. Горбачева и у секретарей ЦК КПСС Е. Лигачева и А. Яковлева, у заведующего отделом культуры ЦК КПСС Ю. Воронова и у некоторых других влиятельных работников партийного и государственного аппарата. Однако борьба все же происходит по закрытым для общественности каналам, принимая форму аппаратных интриг, "предостережений", протестов, а также инсинуаций и клеветы. Творческая интеллигенция в своем большинстве несомненно поддерживает руководство партии, однако этот союз находится все еще в стадии формирования, и ни одна из наиболее значительных перемен в области культуры пока еще не стала действительно необратимой. Не все довольны происходящим в СССР расширением и углублением либерализации в области культуры, и это недовольное "меньшинство" сохраняет и теперь немалое влияние и сильные позиции в структуре власти. Это лишний раз доказывает, что не либерализация, а демократизация должна стать главным стержнем политики в области культуры. Писатели и художники, ученые и артисты должны иметь подлинную свободу творчества, а окончательную оценку результатам этого творчества выносит время и народ.

II

КУЛЬТУРНЫЙ ПОДЪЕМ В СССР. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРЕМЕНЫ 1987

В истории советской культуры весна 1987 года навсегда останется временем крупных событий и важных перемен. Еще год назад мы могли говорить лишь об "оттепели" в культуре. Летом и осенью мы писали о крупных переменах, которые происходили или назревали во всех главных областях нашей культуры. Но уже с февраля—марта нынешнего года мы наблюдаем здесь решительный перелом, даже поворот, начало настоящей культурной революции. Движение вперед в области культуры набирает силу и мощь, опрокидывая многие ложные авторитеты, выдвигая на первый план новые имена и возвращая народу многие незаслуженно скрывающиеся от него духовные ценности. У некоторых недавних "боссов" из сложившихся даже в культуре мафиозного типа группировок это движение вызывает настоящую панику. Выступая на пленуме Правления Союза писателей РСФСР, писатель Ю. Бондарев воскликнул:

"Лжедемократы от литературы зажгли на краю пропасти украденный у справедливости и правды фонарь гласности, чтобы спасти честолобцев, бесталанных гениев, фальшивых якобинцев... Я бы определил нынешнее состояние русской литературы..., как положение, создавшееся в июле 1941 года, когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натис-

ком таранных ударов цивилизованных варваров — ударов, рассчитанных на уничтожение великой культуры.. Если это наступление не будет остановлено, не наступит Сталинград, то национальные ценности, ставшие гордостью народа, будут опрокинуты в пропасть". ("Литературная Россия", 27 марта 1987 г.)

Сдается, что вспоминая о Сталинграде, Ю. Бондарев в первую очередь вспоминает о Сталине, к восхвалению которого и сам он в 70-е годы приложил немало стараний. Но чем быстрее наследие сталинизма, против которого и ведется сегодня борьба в области культуры, будет опрокинуто в пропасть, тем лучше, легче и спокойнее будет жить и дышать советский народ.

Еще лет десять, да лет двадцать тому назад положение и политику в области культуры можно было бы сравнить с принудительным кормлением малого ребенка, которому разрешалось есть лишь тщательно протертую и лишенную острых приправ однообразную пищу. Сегодня такое сравнение нельзя признать справедливым. Важные новости в культуре происходят не только еженедельно, но почти ежедневно. Повсюду можно слышать разговоры о новых интересных романах, повестях, стихах и рассказах, об острых и важных статьях в газетах и еженедельниках, о смелой публицистике, о необычных фильмах и театральных постановках и даже об интересных художественных выставках современных художников. Советские люди ныне проводят у телевизоров вдвое больше времени, чем 2—3 года назад, а по утрам у газетных киосков выстраиваются очере-

ди, и уже через час мы не найдем здесь ни новых газет, ни новых "толстых" и "тонких" журналов, среди которых наибольшую популярность обрели "Московские новости", "Огонек", "Московский комсомолец", "Собеседник", "Знамя", "Дружба народов", "Новый мир". Быстро раскупаются также "Правда", "Известия", "Октябрь", "Смена" и многие другие, ранее не слишком популярные издания.

Все эти перемены можно только приветствовать. Духовный потенциал общества — одна из самых важных форм общественного богатства. В наше время, когда в стране в основном удовлетворены по крайней мере минимальные материальные потребности народа, производство духовных ценностей и улучшение этого производства приобретает особенно большое значение. Это требует, однако, разрушения сложившихся и в этой области механизмов торможения, множество нелепых "табу", расширения демократии и интеллектуальной свободы. Подъем в культуре 1986—1987 гг. нередко сравнивают сегодня с тем подъемом в области культуры, который наблюдался в 1962—1964 гг. под влиянием XXII-го съезда. Как свидетель и в какой-то мере участник этих событий, я должен сказать, что нынешний подъем в культуре является более быстрым, более мощным и всесторонним, чем подъем 60-х годов. И если подъем 60-х годов сменился многолетним застоем и упадком, то можно надеяться, что теперь этого уже не произойдет, хотя и гарантий на этот счет пока еще никто не может дать.

В 1986 году наиболее заметные перемены происходили в области кино и театра. Прогресс в этих областях сопровождался не только появлением многих замечательных спектаклей или кинофильмов, среди которых один лишь фильм "Покаяние" можно считать крупнейшим событием в жизни нашего общества. Изменилась общая атмосфера в этих областях, а также произошли коренные изменения в составе руководства Союзом кинематографистов СССР и тем более в руководстве театральным делом, где под давлением снизу был создан совершенно новый Союз театральных деятелей СССР (и во всех союзных республиках). Этот прогресс продолжается и в 1987 году. Появляются не только новые интересные постановки, но и новые театры. Все наиболее успешные спектакли московских и ленинградских театров идут сегодня на десятках сцен в провинциальных труппах. Проводится важная реформа в управлении и экономике театрального дела.

Продолжаются изменения и в жизни кино. Конечно, эти изменения не могут быть быстрыми, так как для создания новых фильмов нужно немалое время, а не только новая обстановка. Сегодня выходят на экраны фильмы, которые были запущены в производство еще 3—4, а то и более лет назад. Некоторые из них — все из того же детективного и приключенческого жанра пользуются успехом, другие оставляют зрителя равнодушным, даже комедии не смешат. Демонстрация некоторых фильмов, которым давно уже была

обеспечена всяческая реклама, закончились явным провалом. Не случайно одним из этих фильмов стал двухсерийный фильм С. Бондарчука "Борис Годунов". Его не хочет смотреть ни советский зритель, ни западный. На Каннском фестивале зал переполненный зрителями, стремившимися посмотреть фильм Бондарчука, опустел уже к концу первой серии. "Есть фильмы, которые скучно смотреть, — заметил один из рецензентов, — но "Борис Годунов" — это фильм, на который даже скучно писать рецензию". Не менее явным провалом сопровождался выход на экран фильма Н. Бурляева "Лермонтов". Однако только теперь выходят в прокат несколько превосходных картин, которые много лет пролежали на полках киностудий, запрещенные по разным нелепым и глупым мотивам к демонстрации. Это фильм Юрия Ильенко "Родник для жаждущих", фильм "Долгие проводы" Киры Муратовой, "Ангел" А. Смирнова и "Родина электрическая" Л. Шепитько и некоторые другие. Печать сообщает, что решено напечатать дополнительный тираж лучших кинолент 60—70-х годов, которые по решению Госкино прошли так называемым "вторым экраном" и поэтому оказались практически неизвестны широкой публике. С большим запозданием СССР закупил несколько западных фильмов, давно уже ставших классикой киноискусства. Советский зритель получит шанс увидеть фильмы Феллини и Антониони "8¹/₂", "Красная пустыня" — западный зритель смотрел их более 20 лет назад. Ставится вопрос о покупке филь-

мов Бергмана и Бунюэля.

Перемены стали происходить и в области изобразительного искусства, где застой длится уже многие десятилетия. Еще в 1985 году многочисленные художественные выставки, организованные к 40-летию дня Победы, не смогли окупить даже затраты на аренду помещений для этих выставок. Ни один из музеев мира давно уже не покупает картин наиболее маститых членов Академии художеств СССР, и никто не решился бы устроить выставку их картин в Париже или Нью-Йорке. Неудачи и провалы советской живописи, скульптуры, архитектуры и других видов искусства способствуют началу трудного и мучительного процесса пересмотра многих устоявшихся здесь догм и порядков, включая и отказ от односторонне трактуемого метода "социалистического реализма", как единственно приемлемого метода советской культуры. Очевидно, что своим успехом фильм "Покаяние" обязан не только смелости и остроте содержания, но и широкому использованию самых различных методов и стилей современного искусства. Недавно в Москве прошло несколько, к сожалению, кратковременных выставок молодых художников, где получили возможность выставить свои работы и представители советского "авангарда". Популярность этих выставок превзошла ожидания. Обсуждается вопрос о создании в Москве большого музея русского и советского современного искусства, где можно было бы выставить и лучшие работы современных художников, имена которых прак-

тически неизвестны народу, и работы таких всемирно известных художников, как Кандинский, Малевич, Филонов, картины которых до сих пор пылятся в запасниках наших картинных галерей. В Армении уже давно создан музей современного искусства, и это один из самых популярных музеев в республике. Директор этого музея Г. Игитян писал недавно в "Известия", предлагая конкретные планы по созданию аналогичного музея в столице СССР:

"Почему мы производим колоссальное количество живописи, на которую никто не хочет смотреть? До каких пор мы будем тратить громадные государственные средства, не заботясь о том, во что это выливается? Пришло время освобождать и стены наших музеев от всякой фальши, от всего того, в чем нет художественного заряда. До каких пор мы будем подставлять костыль под то, что не является искусством, лишь претендует на него?" ("Известия", 11 марта 1987 г.)

Гонения на художников — нонконформистов в СССР привели, как известно, к эмиграции в 70-е годы нескольких сот художников всех направлений. Среди покинувших СССР имелись и выдающиеся мастера мирового уровня, такие, например, как Эрнст Неизвестный или Михаил Шемякин. Недавно Шемякин подарил около 40 цветных литографий ереванскому музею современного искусства и Русскому музею в Ленинграде. В г. Витебске начинается создание музея Марка Шагала, одного из величайших живописцев XX-го века, который родился в этом городе, но эмигри-

ровал еще в 20-е годы во Францию. В советских энциклопедиях о Шагале до сих пор пишут как о "французском живописце и графике". С таким же правом можно было бы и о Шаляпине писать как о "французском певце и артисте". Неудивительно, что, выступая на Московском форуме по проблемам мира, известный советский поэт А. Вознесенский решительно потребовал "вернуть искусство великого Шагала стране, где он родился, и где его абсурдно запрещали". Картины учеников Шагала, Пикассо и Филонова начали появляться и на вкладках такого популярного журнала, как "Огонек". Происходят изменения и в мире музыкальной культуры, где появляется все больше и больше популярных рок-ансамблей и групп.

Настроения, которые преобладали на V-м съезде кинематографистов СССР и на Учредительном съезде Союза театральных деятелей, были гораздо менее заметны в июне прошлого года на VIII-м съезде Союза советских писателей. Этот съезд не привел и к каким-либо существенным изменениям в руководстве ССП. Однако именно в литературе и литературной жизни страны происходили весной 1987 года наиболее существенные для нашей культурной жизни перемены. Эти перемены многообразны. Продолжался процесс "реабилитации" как многих умерших деятелей русской и советской культуры, так и отдельных произведений. Реабилитирован и посмертно восстановлен в рядах ССП Борис Пастернак. Объявление о подготовке к изданию его романа "Доктор Живаго",

который стал поводом к травле этого выдающегося советского поэта в нашей стране, и который был удостоен Нобелевской премии по литературе на Западе. Готовятся к изданию стихи Владимира Высоцкого, пластинки и кассеты с его песнями. Почти все журналы публикуют воспоминания о Высоцком, а студия им. Довженко выпустила на экраны страны фильм о Высоцком — "Воспоминание". Через 7 лет после смерти В. Высоцкий, едва терпимый при жизни поэт, превращается в фигуру, достойную не только неофициального, но и официального поклонения и национальной гордости. Через месяц после публикации последней поэмы А. Твардовского "По праву памяти" была опубликована и знаменитая поэма Анны Ахматовой "Реквием" ("Октябрь", № 3, 1987 г.), содержащая и отражающая страшную трагедию массовых репрессий в Ленинграде, начавшихся еще в 1935 году, а также личную трагедию Ахматовой, чей сын был арестован. 17 месяцев провела Ахматова в тюремных очередях, но перед ней "так и не открыли засов".

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река.
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска...

— писала Ахматова в "Посвящении" к поэме, которая была начата еще в 1935 году, но окончательно сложилась к 1961 году, однако только сегодня мы видим эту поэму опубликованной не только за рубежом, но и у себя дома.

После публикации повести А. Платонова "Ювенильное море", готовится к публикации и его знаменитый рассказ "Котлован", который еще в 60-е годы распространялся в списках. Публикуются подборки ранее неизвестных нашей читающей публике стихов О. Берггольц, Б. Слуцкого, даже Е. Евтушенко.

Перемены бывают нечасто.
Редок пересчет, перемер.
Раза три я испытывал счастье,
упоение от перемен...

От судьбы отломилась бы милость,
то-то б разодолжил меня бог,
если б снова переменилось,
изменилось еще хоть разок...

Это писал Б. Слуцкий много лет назад, но эти стихи опубликованы лишь сейчас, когда поэта с нами нет. Он не дожил до новых перемен. В некоторых журналах публикуются стихотворения, очерки и пьесы Михаила Кузьмина — одного из наиболее известных модернистов начала XX-го века, поэта, прозаика, драматурга, переводчика и композитора. Он умер в 1937 году, уже тогда одинокий и забытый, и его помнят только немногие литераторы самого старшего поколения.

Еще в 50—60-е, да и в 70-е годы наша культура начала пополнять свой "капитал" за счет ее выдающихся представителей, умерших в разное время в эмиграции. В своих книгах вернулись на родину и лауреат Нобелевской премии Бунин и Соллогуб, Северянин и Ремизов. Этот процесс восстано-

ния имен возобновился и продвинулся быстро вперед именно за последние полгода. Опубликовано роман "Защита Лужина" и несколько рассказов Владимира Набокова, талантливого прозаика и поэта, которого лет десять назад похоронили на Западе как "великого американского писателя". Одинаково хорошо владея и русским и английским языками, Набоков после 1940-го года писал свои книги главным образом на английском языке и на американские темы. Опубликовано рассказы замечательного русского писателя Евгения Замятина, умершего в 1937 году в Париже. В разных журналах были недавно опубликованы стихи и очерки замечательного русского поэта Владислава Ходосевича, который начал печататься еще в 1905 году и плодотворно работал до своей смерти в 1939 году. Журнал "Знамя" в № 3 за 1987 год опубликовал подборку стихотворений еще одного замечательного русского поэта, умершего в эмиграции в 1958 г. — Георгия Иванова. "Огонек" (№ 6 за 1987 г.) опубликовал стихи Дмитрия Мережковского и его жены Зинаиды Гиппиус. Знаменитые в начале века поэты (а Мережковский и прозаик) они уже тогда примыкали к наиболее мистическому крылу русского символизма. Гиппиус и Мережковский и в эмиграции примыкали к наиболее анти-советской ее части. Но в их творческом наследии можно найти множество прекрасных стихов, интересных исследований о Толстом и Достоевском, значительных романов и пьес на историческую тематику. В свое время Мережковский был

одним из реальных претендентов на Нобелевскую премию (присужденную, однако, Бунину), а о внимании к лучшему в творчестве Мережковского говорил еще при жизни последнего А.В. Луначарский. Еще осенью 1986 года "Литературная газета" опубликовала большую положительную рецензию на изданную в Париже книгу поэтессы Ирины Одоевцевой, жены Георгия Иванова. Это книга воспоминаний "На берегах Сены" — о жизни наиболее крупных русских писателей и поэтов в эмиграции. Мало кто знал, что Одоевцева еще живет в Париже. Совсем недавно она приняла решение вернуться на родину, и ее тепло встретили в Ленинграде, откуда она уехала на Запад 65 лет тому назад.

Главными событиями литературной жизни были в последние месяцы публикации нескольких интересных рассказов, повестей и романов советских писателей, М. Шатрова, Б. Окуджавы, Бориса Васильева, А. Приставкина, Ф. Искандера, Ник. Шмелева, И. Герасимова, Ю. Трифонова, Анатолия Рыбакова и некоторых других. Эти писатели повествуют, как правило, не о событиях недавних дней, а о событиях довоенной и послевоенной жизни, при этом доминирующей темой является в их произведениях тема сталинских репрессий. Советская литература как бы стремится доказать, договорить то, что ей не удалось досказать и договорить в 60-е годы. Всеобщее внимание привлекла большая повесть Анатолия Приставкина "Ночевала тучка золотая" ("Знамя", №№ 3, 4, 1987). Читателю вначале может пока-

заться, что это еще одна повесть о сиротах войны, их трудной судьбе, находившейся сплошь и рядом в руках людей холодных и жестоких, обиравших и без того голодающих и больных детей, которые были вынуждены всеми средствами бороться за выживание. Неожиданно поступает приказ — направить сотни и тысячи сирот из голодного Подмосковья на освобожденные земли Северного Кавказа. 500 детей, среди которых и герои повести близнецы Кузьменыши, оказываются в станице, вокруг которой дозревают поля и сады, но в которой нет людей. Здесь нет голода, но нет и покоя для сирот. Это земля чеченцев, выселенных на Восток, и подмосковные сироты должны стать ее новым "населением". Но немногие скрывшиеся горцы защищают свою землю, где они жили столетиями, нападая на переселенцев, сжигая дома, склады, убивая и взрослых и детей. Погибает и один из братьев, видимо, только за то, что надел на себя красивый кавказский ремешок. И дети, и взрослые бегут из этого края, их гонит не голод, а страх. Сюда снова приходят солдаты, которые, видимо, так еще нужны на фронте, чтобы уничтожить последних скрывающихся в горах чеченцев, вести уже не Отечественную, а братоубийственную войну.

Совсем иначе, но та же тема звучит и в повести Ивана Герасимова "Стук в дверь", которая была написана еще в 1960 году, но только теперь опубликована журналом "Октябрь" (№ 2 за 1987 г.).

Действие повести происходит в июле 1949 года в Молдавии. Недавний фронтовик и партизан

Баулин, назначенный директором школы, среди ночи получает приказ — явиться в райком. Активистам района зачитывают тайный приказ — возглавить и провести в течение ночи выселение из Молдавии в отдаленные районы страны лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами, "спекулянтов" и вообще "неблагонадежных элементов". Списки на выселение составлены органами МГБ, обсуждению не подлежат. С группой солдат Баулин должен очистить от "неблагонадежных элементов" село Пырлица. Всего три семьи выселяет Баулин. (Машины уже наготове, как и эшелон на ближайшей станции.) Приказ есть приказ, и Баулин не сомневается в его целесообразности. Но уже первый дом, который "очищает" отряд Баулина, вызывает у него сомнения. Он должен выселить слабого и больного сторожа при церкви, которого и румыны не брали в армию. Во втором доме его встречает ветеринар Вердыш, также подлежащий выселению. Румынский подпольщик, боровшийся с режимом Антонеску и просидевший несколько лет в каторжной тюрьме, он теперь должен быть выселен в Сибирь, как "выходец из другой партии". (До освобождения в Румынии имелось немногим более тысячи членов компартии.) Вердыш спокойно встречает Баулина. Вещи у него уже приготовлены. Он выпивает за здоровье Баулина. "Я знаю отлично, — говорит Вердыш, — бывает много грязной работы... Но когда ее делаешь, все равно надо думать. Грязная работа зависит не от вас. Думайте, Баулин! Иначе, черт возьми, будет очень скверно..."

Однако подлинный шок испытывает Баулин в третьем доме. В его хозяине Унде Урсуле он узнает партизана из своего же отряда, командиром которого был нынешний секретарь райкома, руководящий всей этой карательной операцией. Партизан по прозвищу "Медведь", выполнявший самые трудные задания и награжденный за храбрость орденом, должен теперь вместе с женой и малыми детьми покинуть родную деревню, он служил в румынской армии, хотя и перебежал к партизанам. Баулин пытается защитить Урсулу, задержать выселение своего соратника и друга, но секретарь райкома молчит, а капитан МГБ Ткач отдает приказ отправлять машину. "Потом разберутся".

Однако наиболее важным событием в нашей литературе и не только весной 1987 года, но и за многие последние годы, а, вероятно, даже за десятилетия является публикация большого романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата". Известный и признанный писатель, первые же книги которого вошли в золотой фонд советской детской литературы, а последний роман которого "Тяжелый песок", о трагедии еврейского населения нашей страны в годы Отечественной войны — был переведен на многие языки, Анатолий Рыбаков начал писать свой роман еще в 60-е годы. Еще год назад мало кто из писателей и друзей Рыбакова, знавших роман, верил, что он может быть опубликован. Вокруг публикации романа шла сложная борьба, и только решение высших партийных инстанций открыло этому роману путь к публика-

ции. Роман начинается с событий осени 1933 года, и дает широкое полотно жизни страны в это переломное время. Жизнь нескольких обычных и не совсем обычных семей с Арбата и жизнь Кремля, аресты среди комсомольских активистов, 17-й съезд партии, начинающийся разлад между Сталиным и старой партийной гвардией, убийство Кирова, которое открывает Сталину путь к узурпации власти и введению чрезвычайного положения, зарождающийся конфликт между Сталиным и Орджоникидзе, постепенное созревание того типа людей, которых мы позднее будем называть "сталинистами" и одновременное созревание полной энтузиазма, искренней, честной и преданной социализму молодежи, значительная часть которой погибнет потом на фронтах Отечественной войны, но верность которой идеалам революции обеспечит в конце-концов и победу в войне и победу над сталинизмом. Писатель не только изображает, но и исследует самый трудный период нашей истории, причем делает это, опираясь на безупречный исторический материал, на свой личный опыт и свою память, находя ответы на вопросы, которые перед ним самим возникали еще в начале 30-х годов, и которые десятилетиями мучили его память и его совесть. При этом роман написан не новичком в литературе, он глубоко продуман и с точки зрения содержания и с точки зрения формы. То, что Рыбаков изображает как писатель-художник, я изучал много лет как историк, но я почти нигде не могу бросить упрек автору. Лишь отдельные страницы оставляют впечатление недо-

говоренности, но, может быть, именно здесь прошелся карандаш какого-то ответственного редактора, в рукописи автора перед публикацией были сделаны все же значительные купюры. По художественной силе и глубине проблем роман "Дети Арбата" займет место среди двух—трех лучших книг во всей советской литературе. Такие книги не появляются ни каждый год, да и не каждое десятилетие.

Я писал выше, что роман Анатолия Рыбакова появился на свет не без борьбы и споров, которые, однако, велись отнюдь не открыто. Это характерная черта нынешнего периода в нашей культурной жизни. У подлинно революционного поворота, который здесь происходит, много влиятельных противников. Но мало кто из них выступает открыто, как это сделал Ю. Бондарев. Большинство предпочитает борьбу за кулисами, разного рода записки и письма в директивные инстанции, интриги и инсинуации, распространение слухов и т. п. Известно, например, что ВАПП до самого последнего момента отказывался заключать соглашения с зарубежными издательствами на перевод романа "Дети Арбата", а руководство ВАППа запрещало даже рекламу этой книги, надеясь, что она все же будет в последний момент запрещена. Да и в руководстве Союза писателей имелось больше противников, чем союзников этой публикации. В правлении ССП не призывают сегодня запретить публикацию романа Б. Пастернака "Доктор Живаго". Но здесь предлагают печатать этот роман не в журнале

”Новый мир”, а отдельной книгой в серии ”Литературных памятников” или даже ”Литературного архива”, то есть заведомо ничтожным тиражом, как это делали и раньше с очень многими книгами. В 70-е годы, да и во второй половине 60-х годов многие наши лучшие писатели и критики вынуждены были часто прибегать к эзопову языку, к намекам или, как тогда говорили, к ”аллюзиям”, чтобы выразить свои мысли, ибо прямые высказывания вымарывались цензурой. Сейчас влияние и права цензуры резко ограничены, и тем не менее теперь именно противники перестройки начинают прибегать к эзоповским приемам, намекам и ”аллюзиям”, чтобы выразить свое неодобрение переменам в культурной жизни страны. Таких намеков и ”аллюзий” мы можем найти немало в статьях и выступлениях Ст. Куняева, Н. Грибачева, А. Софронова, П. Проскурина и многих других. Когда, например, Н. Бурляев, защищая свой провалившийся фильм о Лермонтове, пишет в газете ”Водный транспорт” (почему в этой газете? или ни одна другая газета не желала напечатать статью этого автора?), что V-й съезд кинематографистов предпринял якобы ”безнравственную попытку девальвации авторитета некоторых позитивных художников... и перечеркнуть вклад отдельных мастеров экрана”, когда он сетует на ”временную” победу ”ниспровергателей” и ”воинствующих мещан” (14 октября 1986 г.), то ясно, что Бурляев пытается защитить и себя, и своего более влиятельного родственника С. Бондарчука. Иногда, впрочем,

обходятся и без "аллюзий". Опубликованный еще в прошлом году роман В. Белова подвергся резкой и справедливой критике в нашей печати. Белов — интересный и талантливый писатель, чья "деревенская" проза давно уже заслужила признание читателей. Но в романе "Все впереди" он взялся не только за малознакомую ему тему, но и показал себя во многих отношениях ретроградом. Он написал роман плохой почти во всех отношениях, но, пытаясь защитить его от критики писатель Петр Проскурин неожиданно заявил на недавнем заседании Секретариата СП РСФСР, что автора "Все впереди" вообще нельзя критиковать, ибо он принадлежит "к числу тех, кого называют совестью России" ("Сов. Россия", 27 марта 87 г.). Не слишком ли легко раздаются подобного рода "звания".

Это сопротивление перестройке, впрочем, вполне естественно, да и не особенно сильное вызывает беспокойство. Пусть высказываются все, и мы видим, что ни одно подобное выступление не остается без ответа, который звучит для читателей куда более убедительно. Еще на XXVII - м съезде КПСС М. Горбачев заявил в своем докладе, что "литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чиновничество... памятуя, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций". И среди важных явлений нашей культурной жизни — одно из наиболее важных — это возрождение независимой и компетентной литературно-художественной критики. С большим

интересом и удовлетворением мы читаем сегодня статьи и разборы, принадлежащие лучшим критикам 60-х годов, которым долгие годы просто не давали работать в области критики — Ст. Рассадина, Вл. Лакшина, Нат. Ивановой, Игоря Золотуского, Игоря Дедкова. Появились в критике и новые имена — Дм. Иванова, О. Кучкиной, Б. Любимова.

Подводя итог этому краткому разбору советской культурной жизни в начале 1987 года, нельзя не отметить не только важные перемены, но и некоторых тревожных тенденций. Уже из сказанного выше можно сделать вывод, что ныне появляется гораздо больше интересных, острых и правдивых работ в области литературы, театра и кино, чем это было, например, в конце 50-х или начале 60-х годов. Однако широкий общественный резонанс далеко не достигает того размаха, который мы наблюдали 25—30 лет назад. Не бурлят студенческие аудитории, как бурлили они, например, в 1956 году после выхода в свет романа В. Дудинцева "Не хлебом единым". Не собираются тысячи читателей в домах культуры, в институтах, в НИИ, чтобы обсудить последнюю новинку кино или театра. Не собираются тысячные толпы, чтобы послушать не только новый рок-ансамбль, но и новые стихи новых поэтов. Не выстраиваются очереди в библиотеках, чтобы прочесть новый роман Ч. Айтматова или рассказ И. Герасимова или "Реквием" А. Ахматовой.

Есть оживление, есть интерес, есть внимание, но еще нет ни того энтузиазма, ни той активной

поддержки, ни даже той коренной перемены в настроениях, которая только и может стать наиболее надежной гарантией прочности проводимой перестройки. На это обстоятельство обращают внимание и сами деятели культуры.

“Как быстро мы ко всему привыкаем! — пишет известная артистка Алла Демидова. — Нас уже не удивляет обнаженная разоблачительность газетных статей, и мы только передаем друг другу, как пикантный анекдот: — “Ты читал эту статью? Нет? Ну почитай!” А, читая, мы на минуту возмущаемся несправедливостью и опять возвращаемся к нашей повседневной жизни. Писатель пописывает — читатель почитывает... Мы приспособились... Мы боимся и не доверяем резким поворотам. И как самозащита вырабатывается равнодушие — самое страшное проявление конформизма”

(“Известия”, 15 апреля 1987 г. № 105.)

О том же, но другими словами пишет и Валентин Распутин:

“Проблем скопилось много, на карте страны это особая карта, где куда ни кинь, почти всюду клин... Ждать поворотных результатов за два года перестройки было бы легкомысленно, необходима работа и работа. Но нельзя не учитывать и то, что эмоциональное возбуждение общества — его все вместе мы добивались и добились — есть пока только возбуждение, а не устойчивая позиция. Возбуждение может... снова перейти в депрессию”.
(“Правда”, 5 мая 1987 г.)

Этому состоянию общества, где и возбуждение пока еще не слишком велико, а больше пассивного выжидания, имеется много объяснений. Перемены начинались и раньше, но как быстро они

заканчивались, не оправдав ожиданий, но оправдав опасения нового регресса. Не только время было упущено после начала 60-х годов. Упущено целое поколение, которое просто не смогло реализовать себя ни в науке, ни в культуре, и которое не могло в своем большинстве не стать в обстановке 70-х годов политически пассивным и равнодушным. Да и почти сознательно в этом поколении насаждались мещанские, обывательские интересы. Преодолеть эту пассивность, общественную инертность нелегко, она еще преобладает не только среди населения, но и даже в сфере общественных наук, во многих не затронутых в нашей статье областях культуры. Культурный подъем или "культурная революция" еще только начинается, и надо очень много приложить усилий, чтобы сделать ее необратимой.

Май, 1987.

III

М. ГОРБАЧЕВ, ПЕРЕСТРОЙКА, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ДИССИДЕНТЫ

За последние полгода в общественной жизни и культуре Советского Союза происходят такие перемены, которые трудно было представить еще год, а тем более два—три года тому назад. Общественная жизнь обретает то ускорение и те новые формы, которые еще не слишком заметны в нашей экономике. Эти изменения затронули и те стороны нашей жизни, которым западная печать, не в пример советской, уделяла всегда очень большое внимание. Я имею ввиду как судьбу отдельных диссидентов в СССР, так и судьбу всего оппозиционного и правозащитного движения в нашей стране.

Нет нужды подробно напоминать о положении инакомыслящих в последние годы правления Брежнева. Все более суровые репрессии привели почти к полному прекращению движения диссидентов, от которого сохранились лишь отдельные "очаги сопротивления". Большинство участников этого движения оказались в эмиграции, не менее тысячи человек находились в заключении или ссылке, и лишь несколько человек продолжали оставаться на свободе под неусыпным контролем властей.

Приход к власти Ю. Андропова породил надежды не только на "порядок" в разных сферах экономики и общественной жизни, но и на некото-

рую либерализацию. Даже Владимир Буковский, непримиримость которого к советскому режиму хорошо известна, выражал надежду, что Андропов, "как человек более умный и интеллигентный, чем другие, попытается облагородить мрачный образ Советского Союза и будет стесняться увеличивать давление на фронте борьбы за человеческие права, поскольку как бывший глава КГБ он является очень удобной мишенью". ("Ньюсвик", 22 ноября 1982 г.)

Эти надежды не сбылись. По разным обвинениям в 1983 году были не только репрессированы десятки инакомыслящих, но были приняты новые репрессивные законы, усиливающие давление на все общество. Один из таких законов позволял администрации мест заключения продлить на 3 года сроки пребывания в лагерях и тюрьмах, не прибегая даже к судебному разбирательству. Для людей, которые, по мнению администрации, "не встали на путь исправления", их заключение могло оказаться бессрочным.

За 13 месяцев правления Н. Черненко различные формы давления на диссидентов еще более усилились, но приход к власти М. Горбачева и его новой "команды" опять породил у многих людей надежды на лучшее. И, действительно, многое изменилось с весны 1985 г. и до зимы 1986 г. Однако положение диссидентов в эти полтора года почти не изменилось, и судьба многих из них вызывала обоснованные опасения.

Тревогу вызывала, например, судьба известного "узника совести" Анатолия Марченко, еще

в конце 1983 года жестоко избитого надзирателями. Чтобы скрыть этот факт, Марченко перевели в Чистопольскую тюрьму в условия полной изоляции, запретив ему свидания с женой. Узнав из газет о начале международного совещания по проблемам прав человека в Вене, А. Марченко, уже тяжело больной, объявил бессрочную голодовку, требуя свидания с семьей и наказания виновных в его избиении. Никто не собирался выполнять эти требования, и состояние Марченко быстро ухудшалось. 8 декабря Марченко умер в тюремной больнице в возрасте 48 лет.

Фактическое убийство Марченко вызвало возмущение и протесты во всем мире, но оно дало сильный толчок к тому пересмотру проблемы политических заключенных, который, вероятно, намечался и ранее, но теперь был ускорен. Первым был освобожден А.Д. Сахаров, 14 декабря в квартире ссыльного Сахарова был установлен телефон, а 16 декабря в квартире Сахарова раздался звонок, и М.С. Горбачев лично сообщил опальному академику о прекращении его ссылки и помиловании жены Сахарова Е.Г. Боннэр. На следующий день в г. Горький прибыл президент Академии Наук СССР, чтобы лично обсудить с Сахаровым детали его научной работы в Москве. Еще через несколько дней сотни иностранных корреспондентов встречали А.Д. Сахарова и Е. Боннэр в Москве. Сахаров смог возобновить не только научную, но и правозащитную деятельность, некоторые из его интервью передавались через систему "Интервидение" на страны Запада. Мужествен-

ная борьба Сахарова и множества научных и общественных организаций завершилась успехом.

Уже через несколько дней после освобождения Сахарова был освобожден Мустафа Джемилев — известный борец за права крымско-татарского народа, лишенного права жить на своей исторической родине в Крыму. С января 1987 года освобождения политзаключенных шли одно за другим. Был освобожден врач-психиатр А. Корягин, за судьбой которого внимательно следила международная общественность. Вернулся в Москву священник Глеб Якунин, многие годы возглавлявший комитет по защите прав верующих. Получил свободу журналист Лев Тимофеев, опубликовавший на Западе две книги о тяжелом положении крестьянства. Освобождены участники небольшого свободного профсоюзного объединения Л. Волохонский и В. Свирский. Торжественно встречали в Москве активиста еврейского движения И. Бегуна, вернулся домой белорусский публицист М. Кукобака, врач и поэт В. Некипелов, многие латышские, эстонские и украинские диссиденты, обвиненные в национализме. Получили свободу издатели независимых информационных бюллетеней С. Григорянц и Ю. Шиханович, а также активисты многих религиозных групп — католиков, баптистов, пятидесятников. В Сочи вернулся ветеран войны А. Чурганов многие годы боровшийся против коррупции местных властей и выступивший затем лично против Брежнева как "плохого ленинца". В Куйбышев вернулся основатель независимой марксистской группы Г. Иса-

ев. Я не буду продолжать этот список, который к маю 1987 года содержал более 200 фамилий.

Проводимое в последние месяцы освобождение диссидентов не является их реабилитацией. От каждого из них, кроме Сахарова, требовали написать просьбу о помиловании и даже обещание не возобновлять прежней "антисоветской деятельности". Некоторые решительно от этого отказались, и их освобождение было поэтому задержано на 2—3 месяца. Другие считали, что подобные обязательства, даваемые под давлением, не имеют никакой юридической и моральной силы, и потому они подписали их, не испытывая угрызений совести. Но многие искали какую-то компромиссную формулу, которую считали приемлемой. Например: — "Никогда не вел и не буду вести антисоветскую деятельность, но буду защищать гарантированные Конституцией права человека". Некоторые из узников заранее объявили, что они хотят эмигрировать из СССР. Но для отдельных политзаключенных, которых власти считали "неисправимыми", эмиграция становилась условием освобождения (например, для Сергея Ходоровича). В разных частях страны прекращены многие дела по "политическим" статьям 70 и 190 Уголовного Кодекса, которые находились на разных стадиях следствия. В Воркуте это было, например, "дело" П. Негретова, в Латвии "дело" Г. Грантньша и Р. Битиниенкса. Совсем недавно начались и освобождения отдельных правозащитников из психиатрических клиник.

Сколько всего в СССР имелось политзаключен-

ных, и сколько из них еще не освобождено? Этих цифр никто точно назвать не может, и данные властей и правозащитных организаций сильно расходятся. Год назад М. Горбачев называл цифру в 200 человек, а Сахаров называл недавно цифру в 900—1000 человек, и эта последняя цифра, видимо, ближе к истине. В любом случае было известно, что в конце мая немало правозащитников и диссидентов все еще находились в заключении. Только я знаю четырех человек, которые еще не вернулись в Москву — писатели Л. Бородин и Ф. Светов, религиозная деятельница З. Крахмальникова и рабочий В. Гершуни. Однако недавно была объявлена амнистия в связи с 70-летием Октября ("Известия" от 19 июня 1987 г.). За последние 30 лет это самая крупная амнистия, и она впервые за 50 лет распространяется также на те статьи Уголовного Кодекса, которые принято считать "политическими". Можно предполагать поэтому, что в ближайшие месяцы будут освобождены и все те диссиденты, которые до сих пор еще не получили свободу.

Как ведут себя недавние узники совести? Надо отметить, что почти никто из них не отказался от своих убеждений, и высказывает их сегодня открыто. Однако в большинстве случаев в этих высказываниях нет прежней резкости выражений и враждебности к властям. Почти все эти люди приветствуют ту "перестройку" и ту частичную гласность, которая наличествует в стране. "Я хочу того же, что и Горбачев, — сказал в одном из интервью А. Сахаров, — но только быстрее".

Священник Глеб Якунин представил недавно проект перестройки православной церкви, которая слишком плохо удовлетворяет интересы миллионов верующих. Этот проект встретил враждебное отношение в первую очередь среди самих церковных иерархов. С. Григорянц начал подготовку к изданию журнала "Гласность", независимого органа, который должен представлять разные круги движения инакомыслящих. Это возобновление деятельности освобожденных из лагерей и ссылки диссидентов может, конечно, представить некоторую проблему для администрации Горбачева. Однако нужно тут же отметить, что в этой области перед Горбачевым и его "командой" возникло немало новых и неожиданных проблем.

Для большинства молодежи и активных людей из среднего поколения время Брежнева было трудным периодом духовного застоя. Политический протест был опасным занятием одиночек. Работа внутри обычных общественных организаций становилась все менее интересной из-за царящего здесь бюрократизма и формализма. Демонстративная аполитичность становилась формой протеста этого "потерянного поколения". Не случайно именно в конце 70-х годов стала быстро развиваться наркомания среди молодежи, снова стали появляться группы "хиппи", даже группы 15—17-летних "фашистов", которые приветствовали друг друга словами "Хайль Гитлер" и отмечали в кафе "Лира" в Москве день рождения Гитлера. В довольно массовые движения превра-

тились движения "фанатов" — поклонников тех или иных спортивных клубов. Поклонники рок-музыки образовали группы "рокеров", а преследование этой музыки ставило "рокеров" едва ли не в положение диссидентов. Появились и группы "панков", которые стремились и своей манерой поведения и внешним видом бросить вызов общепринятым нормам. Много разговоров было и о "люберах", молодежных группах из подмосковного города Люберцы, которые на первое место ставили хорошую физическую подготовку и настоящий, свободный от "влияния Запада", советский образ жизни". Время от времени возникали столкновения между "люберами", с одной стороны, и панками, хиппи, "металлистами", "рокерами", с другой. Но многое здесь было явно раздуто молвой и слухами. Что касается властей, то они мало обращали внимания на деятельность всех этих групп, далекую от политики. Положение, однако, стало меняться уже с 1986 года. Призывы к перестройке и демократизации нашли пусть и слабый отклик среди молодежи, главным образом среди студентов гуманитарных институтов и факультетов во всей стране. Здесь начали возникать небольшие группы, стремившиеся начать свой поиск путем социалистического обновления. Деятельность этих групп не встретила поддержки ни в партийных, ни в комсомольских организациях вузов, и часть активистов новых групп была под разными предлогами исключена из институтов и университетов.

С января—февраля 1987 года повсеместно

Начали возникать, однако, новые группы и объединения с большим по нашим масштабам количеством участников — до 200—300 человек. Это неформальные объединения, в которых преобладает молодежь, но имеется немало и людей 30—40-летнего возраста. Иногда они образуются при каком-то учреждении, но чаще всего независимо от тех или иных учреждений. Они проводят свои собрания везде, где только это удастся. Так, например, в Москве образовался дискуссионный клуб "Перестройка", на заседания которого два раза в месяц собираются экономисты, юристы, социологи и простые рабочие. Этот клуб обсуждает различные проблемы социально-экономического развития советского общества, и его деятельность поддерживает Московский экономико-математический институт. Сходный характер имеет московский клуб "КСИ" (Клуб социальных инициатив). Возник в Москве и "Фонд социальных инициатив", который также стремится проводить дискуссии по теоретическим проблемам социального и экономического устройства общества. Образовался в столице клуб "Москва", который занимается экологическими проблемами, а также группа "Доверие", которая в первую очередь стремится к защите и поддержке молодых художников неформального и неофициального направления. Эти художники в настоящее время обосновались на пешеходной улице "Арбат" и работают прямо на улице. Своя самоорганизация появилась и у объединения художников и художественных умельцев, собирающихся в

Измайловском парке и т. д. Число таких объединений растет с каждым днем. Особенно много их существует сегодня в Ленинграде. Клуб "Эпицентр" в Ленинграде объединяет уже около 300 человек. Он провозгласил своей задачей защиту природы и культурно-исторических ценностей. Каждый член клуба имеет право на собственное мнение, и всякого рода Советы и органы руководства создаются для облегчения процедурных проблем. Именно "Эпицентр" организовал движение по защите гостиницы "Англетэр" от разрушения. Гостиницу все же разрушили, но это способствовало укреплению клуба "Эпицентр". В Ленинграде же возникло экологическое объединение "Дельта", которое ведет борьбу за очищение Ладожского озера и Невы. Лозунги этого объединения — "Здоровье города — в руки горожан", "Неве — питьевую воду", "Ведомственным интересам — общественный заслон". Здесь же в Ленинграде начал работать экономический клуб "ЭКО", музыкальный клуб "Центр творческой инициативы", историко-политический клуб "Аделаида", молодежный клуб общественных наук "Синтез". Эти клубы поддерживают между собой связь, распространяют объявления о собраниях в разных местах, чаще всего в домах культуры. Так заседания клуба "Этап", обсуждающего различные общественные проблемы, происходят в Доме культуры завода "Красный Октябрь". Ленинградские власти были явно не готовы к этому взрыву общественной инициативы, но они не пытаются пресечь ее, хотя и не оказывают

поддержки, ограничиваясь направлением на собрания клубов своих представителей.

Новые объединения и клубы появляются и во многих других городах — в Свердловске, Ярославле, Вологде, это движение быстро расширяется, вовлекая в свою орбиту уже не десятки и сотни, а тысячи участников. В большинстве случаев новые клубы возникают вне связи и преемственности с демократическим движением 60-х годов, новые клубы имеют и новые задачи и новых лидеров. Проблема борьбы против возрождения сталинизма уже не столь актуальна для новых поколений, их возмущает в первую очередь разрушение природы, памятников отечественной истории. Молодые люди из гуманитарных вузов и факультетов остро ощущают застой и деградацию общественных наук — экономики, философии, социологии, истории. Новые клубы не имеют почти никаких связей с эмиграцией и с иностранными корреспондентами. Они не ведут борьбу против репрессий, так как члены этих клубов и их лидеры не подвергались репрессиям. С группами диссидентов 60-х годов эти клубы роднит то обстоятельство, что они возникли не по инициативе "сверху" и не находятся под контролем партийных, комсомольских или профсоюзных организаций. Это независимые организации, которые готовы как помогать властям, так и выступать в качестве лояльной оппозиции.

На волне этого здорового общественного движения появляются, однако, и свои "сорняки". Мы имеем ввиду, в частности, такую организацию,

как объединение "Память", которая по своим методам и программным установкам очень напоминает "Союз русского народа", "Союз Михаила Архангела" и другие черносотенные организации, появившиеся в России в 1906—1910 гг., главной задачей которых была борьба против евреев и революционеров. Объединение "Память" образовалось не на пустом месте, оно ведет свое начало от националистических групп конца 60-х — начала 70-х годов, которые лишь прикрывались требованиями о защите памятников старины и национальных святынь, но одновременно ставили своей задачей борьбу против либеральных тенденций, реабилитацию Сталина и сталинизма, замену социалистической идеологии идеологией воинствующего русского национализма и православия. Экологические движения, о которых мы говорили выше, во многом аналогичны движению "зеленых" на Западе, это "левые" движения. "Память" — это агрессивная правая организация, соединяющая сталинизм и расизм. Хотя она на словах также выступает за перестройку и гласность, но фактически ее активность спровоцирована успехами перестройки и ростом гласности. Отделения "Памяти" создаются и в других крупных русских городах. Это объединение "Спасение" в Ленинграде, "Отечество" в Свердловске и многие группы в Красноярске, Вологде, Горьком и др. В группах "Памяти" активно распространяют "Протоколы сионских мудрецов" — гнусную антисемитскую фальшивку, родившуюся в недрах царской охранки. Провокационный характер этой подделки

давно уже был доказан исторической наукой, хотя она до сих пор используется оголтелыми антисемитами и крайними арабскими националистами. Чтобы не говорить о евреях, лидеры "Памяти" говорят в первую очередь о сионизме и о мифическом "масонском заговоре", который уже привел к фактическому захвату власти в странах Западной Европы и в США "жидо-масонами", и от которого надо "спасать" Россию. К сожалению, "Память" и ее отделения на местах имеют своих покровителей среди части националистически настроенных писателей, художников. Среди ее союзников и покровителей называют таких писателей, как В. Белов, В. Астафьев, Ст. Куняев и некоторых других. Своими прямыми врагами они называют главного редактора "Огонька" В. Коротича, главного редактора "Московских новостей" Егора Яковлева и в особенности кандидата в члены Политбюро А. Яковлева, который еще в конце 60-х, начале 70-х годов, работая на ответственной должности в ЦК КПСС, активно выступал против русского национализма.

Все сказанное выше, несомненно, создает проблему для Горбачева и, надо надеяться, что он найдет решение ее не на путях репрессий, а на путях открытой и прямой дискуссии, при обязательном отказе от методов и догм сталинизма.

Июнь, 1987 г.

Вячеслав Чорновил

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ГОРБАЧЕВУ М. С.**

Уважаемый Генеральный секретарь!

Весь мир сейчас с заинтересованным вниманием следит за Вашими трудными попытками воплотить в жизнь ряд новых для советского общества демократических идей. Но, хотя Вы называете происходящие в стране перемены революционными, приходится с огорчением констатировать, что это пока преимущественно "революция слов". Чтобы сломать крепкий хребет партийно-советской бюрократии, Вам явно не хватает активных и честных союзников и помощников. Из значительно прибудет, если перестанем замалчивать и отодвигать на задний план перестройки такие серьезные вопросы, как право на свободную критику и легальную оппозицию и национальный вопрос.

Позвольте же поделиться с Вами соображениями по этим проблемам человеку компетентному, свыше двадцати лет ходившему в "диссидентах" и "националистах", испытавшему на себе почти весь набор средств подавления инакомыс-

лия (кроме разве что "психушки"): запрет на профессию, административные гонения, травля родных и друзей, 4 суда, в том числе по подленько сфабрикованному уголовному делу, 15 лет тюрем, лагерей, ссылки и т. п.

Так называемое диссидентство нельзя, конечно, сводить к "кучке отщепенцев" (по недавней брежневско-андроповской терминологии) и ограничивать несколькими тысячами репрессированных за "антисоветскую пропаганду", "клеветнические измышления", религиозные убеждения. Мы — только верхушка айсберга, отдельные (иногда случайно выхваченные из массы) представители тех здоровых сил, которые противостояли застою и бюрократизации советского общества, а в нерусских республиках — еще и великодержавно-шовинистической политике денационализации.

Исподволь готовя в недрах застоя сегодняшние перемены, подыскивая единомышленников, постоянно рискуя сделать преждевременный шаг и быть выброшенным из правящей верхушки, Вы тоже ведь были в брежневском руководстве партии своего рода диссидентом. И так ли далеко от Ваших взглядов, изложенных на июньском пленуме ЦК 1987 года, то, например, что писалось почти двадцать лет назад в полемической самиздатской статье, за которую мне отмерили тогда 9 лет лагеря и ссылки: "Кроме нашей сверхцентрализации, современный мир знает другой принцип развития экономики, предусматривающий самое широкое самоуправление отдельных эко-

номических районов или даже отдельных промышленных комплексов и предприятий при сведении роли центра только к консультативно-корректирующей, хрущевские совнархозы и затеянная теперь экономическая реформа в СССР (речь шла о провалившейся реформе 1965 года — В.Ч.) — это фактически непоследовательные и несмелые шаги в том же направлении, вызванные кризисными явлениями в нашей экономике. Но эти шаги не давали и не дадут ожидаемого эффекта, пока будет существовать бюрократическоцентрализованный тормоз, давящий всякую инициативу снизу. Вопрос: централизация или широкое самоуправление — это ведь не только национальный вопрос...”

А мысли о неблагополучии в национальном хозяйстве Союза, критику языковой политики в республиках, за которую нас еще недавно тянули в тюремные камеры, повторяют сегодня с трибун и в печати видные советские писатели (вряд ли это — внезапное прозрение, вероятнее всего они тоже были в те годы скрытыми диссидентами, тоже мыслили иначе, чем БРЕЖНЕВ, АНДРОПОВ, ЩЕРБИЦКИЙ...). Значит, стоило еще лет 15—20 назад прислушаться к голосам “антисоветчиков” и “националистов”!

Похоже, кое-кому неохота сегодня признать за так называемыми диссидентами приоритет в постановке практически всех тех “перестроечных” проблем, о которых теперь заговорили с разной высоты трибун срочно перестоиившиеся (в основном на словах) из бюрократов в демократы

партийно-советские функционеры и которыми просто упиваются, демонстрируя несколько запоздалую смелость и принципиальность, литераторы типа нынешнего редактора "Огонька" КОРОТИЧА или примеченного, говорят, лично Вами Б. ОЛЕЙНИКА, все стенания которого о печальном состоянии родного языка суть выхолощенные перепевы мыслей тех репрессированных в 60—70-е годы честных украинских патриотов, которых Б. ОЛЕЙНИК, обласкиваемый государственными премиями, высокими гонорарами и командными должностями в Союзе писателей Украины, не стеснялся тогда публично обливать грязью.

Вполне логичен вывод, что именно в жестоком подавлении всякого инакомыслия, духа критики и сомнения — одна из главных причин того застоя общественно-политического, духовного и экономического, в который была ввергнута страна в прошедшее смутное двадцатилетие. И так же логично думать, что одной официальной, регламентируемой, подконтрольной партийным органам гласности для духовного оздоровления общества и движения вперед недостаточно и что необходимо в тех или иных формах допустить то, что можно называть инакомыслием, легальной оппозицией или просто независимой критикой. Если во всех принципиальных случаях необходимы ссылки на ЛЕНИНА, то можно вспомнить, как терпимо относился он к оппозиции и оппозиционерам в самой партии, как советовал выискивать зерна истины даже в критике злой

эмигрантской печати, как учил соратников и приемников: "надо не видеть "интригу" или "противовес" в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей".

Конечно, терпимость к оппозиции, являющаяся элементарным условием всякой демократии, будь она социалистическая или буржуазная, придется не по вкусу и тем, кто искоренение инакомыслия сделал для себя прибыльной профессией и лестницей карьеры, и особенно — не выносящему никакой критики Его Препохобию Советскому Бюрократу, под дымовой завесой "идейной борьбы" творившему, да и продолжающему творить (чуть поосторожнее), то, что сейчас скромно называется "социальной несправедливостью". За примерами идти недалеко: в то время, как львовские чекисты были заняты облавами на поэтов, художников, критиков, выискивая крамолу в самых невинных поэтических строчках, как местные партработники и пропагандисты с упоением склоняли на собраниях и в печати наши имена и сводили счеты с нашими семьями, — беззастенчиво, особо не маскируясь (кого бояться? власть своя...), предавалась барским разгулам распоясавшаяся группа партийно-советских аппаратчиков во главе с таким удельным князьком — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПУ первым секретарем Львовского обкома партии ДОБРИКОМ. Могут ли сегодня поверить наши земляки в перестройку, а мелкие воришки — устыдиться и раскаяться, если вместо скамьи подсудимых этот брежневский подкидыш, казно-

крад и взяточник укатил в резервную московскую квартиру, а его приспешники, немножко покаявшись и отделавшись только легким испугом, срочно "перестроились" и продолжают учить украинский народ коммунистической принципиальности и социалистической морали... Где гарантия, что, дождавшись иных времен, такие привилегированные приспособленцы, колеблющиеся, как в известном анекдоте, "только вместе с линией партии", не перестроятся в обратную сторону, не приклеят Вам, Михаил Сергеевич, звучный ярлычок (вспомните Вашего предшественника по реформам "волютариста" ХРУЩЕВА или "автаркиста" ШЕЛЕСТА на Украине) и, маскируя свое паразитирование на народной шее, не организуют очередной поход против новых "врагов народа", "антисоветчиков", "диссидентов" и "националистов"?

Возврат к репрессивному прошлому почти неминуем, пока на своих местах в кабинетах оперативников и следователей КГБ, в прокурорских и судебных креслах сидят все те же люди, которые творили прямое беззаконие в прошлые годы, а разбухший в послехрущевский период аппарат КГБ (по косвенным данным — раза в три, если не больше) не будет сокращен до разумных пределов и использоваться по прямому назначению (разведка и контрразведка, охрана границ и т. п.), а не для слежки за всем советским народом и надзора за национальными культурами.

Возврат к репрессивному прошлому тем более возможен, что до сих пор существуют политичес-

кие лагеря, не вышвырнуты из уголовного законодательства позорящие нас перед цивилизованным миром статьи 190—1 и 70 УК РСФСР (и дословно тождественные статьи в кодексах других республик), а официальная гласность по сей день не сказала ни правды, ни даже полуправды о политических репрессиях в СССР в брежневско-андроповский период, в частности на Украине, где под безнравственным руководством некоего ФЕДОРЧУКА, бывшего председателем КГБ и членом Политбюро ЦК КПУ, репрессии приняли особо извращенный и циничный характер (большинство членов Украинской хельсинкской группы этот ретивый радатель за госбезопасность с помощью примитивных провокаций репрессировал как "хулиганов", "насильников", "наркоманов" и т. п.). До сих пор часть политзаключенных, жертв периода застоя и безгласности, продолжают изучать Ваши речи о демократическом обновлении советского общества у зарешеченных тюремных окошек, другим свободу преподнесли в качестве милости (хотя каяться и просить помилования у народа должны бы их преследователи). Третьи, полностью отбывшие долгие сроки, подвергаются всякого рода дискриминации. Пример недалеко: завтра утром меня, когда-то сотрудника республиканских и областных газет и телевидения, публициста и литературного критика, сменил на дежурстве в заводской кочегарке бывший инструктор обкома партии, потом — кандидат филологических наук, преподаватель университета, автор пущенного под нож, после

ареста, сборника стихов, лагерный и ссылочный срок которого не намного меньше моего — 12 лет... Такая же ситуация и у остальных освободившихся.

Но, может, затаив обиду на советскую власть за свои искалеченные судьбы, мы сами ушли в глубокую внутреннюю оппозицию и не хотим иметь дела с советскими издательствами, культурными учреждениями, печатными органами, мечтая только о заграничных? Да нет же! Попытки официально вернуться к творческой жизни мы делали и делаем. И получаем ответы, что работы по профессии для нас "нет и не предвидится" (цитирую письменный ответ бывшего сотрудника КГБ, переброшенного возглавлять в области сначала культуру, а потом издательское дело), что печатать нас смогут только по сигналу "оттуда" и т. п.

В такой ситуации остается напомнить, что творческий человек, будь он по необходимости кочегаром или плотником, всегда будет искать выход своей творческой энергии, своему интеллектуальному потенциалу. И, если не оказалось желания направить этот потенциал в общее русло демократической перестройки общества, уж не обессудьте, если мы займемся этим сами и сами найдем себе читателя, зрителя и слушателя.

Сообщаю, что несколько украинских журналистов и литераторов, официально подвергнутых запрету на профессию и на печать, и я в их числе, легально возобновляем издание общественно-политического и литературного журнала "Укра-

інський вісник”, выходившего в тяжелейших условиях в 1970—72 годах и полностью отвечавшего сегодняшним требованиям гласности. (Заявление в соответствующие инстанции с изложением программы издания и просьбой обеспечить минимальные возможности для выхода журнала, хотя бы личную неприкосновенность его сотрудников, подается отдельно.)

Существует также идея создать отдельно от официальных творческих союзов, куда нас не пускают, собственное объединение гонимых украинских литераторов, журналистов, художников, пусть даже тиражи наших самоизданий составят несколько экземпляров, а выставки ограничатся частными квартирами. Впрочем, при случае, совсем не помышляя о противогосударственных кознях, мы не откажемся напечататься или выставиться везде, где это возможно, хотя бы и за границей. Это законное право каждого автора.

Надеемся, что эти попытки осуществить на деле такую необходимую нашему обществу подлинную гласность будут встречены Вами и Политбюро ЦК КПСС с пониманием.

* * *

Если в вопросе инакомыслия все же замечаются кое-какие положительные сдвиги (освобождение части политзаключенных, резкое сокращение репрессий, молчаливое допущение, пока в основном только в центре, некоторых демократичес-

ких форм оппозиции, как демонстрации, легальный самиздат и др.), то самый важный для многонациональной страны, объявившей себя союзом суверенных социалистических государств, национальный вопрос оказался сегодня в самом глухом тупике перестройки. В теории (в том числе в Ваших выступлениях на съездах и пленумах) совершенно отсутствует анализ действительного положения и повторяются все те же известные еще со сталинских времен общие фразы о "расцвете и сближении", с тем же предостережением о недопустимости консервирования национальных пережитков (хотя на практике таким изгоняемым уже почти 60 лет "пережитком" оказались в первую очередь национальные языки нерусских членов "равноправного" союза).

Недавнее выступление в Грузии одного из членов Политбюро, если оно отражает и Вашу точку зрения, заставляет думать, что никакие альтернативы проводившейся до сих пор в СССР сталинской национальной политике пока не найдены. Об этом свидетельствует и реакция на известные алма-атинские события, в которых увидели только проявление местного национализма и поспешили сделать практические выводы, уменьшая в вузах, учреждениях процент казахов, коренной национальности республики, и увеличивая представительства наезжих русских, обрусевших украинцев и др. И никто почему-то не вспомнил предостережение ЛЕНИНА об особой чувствительности ко всяким национальным унижениям и не усомнился в правильности назначения руко-

водителем суверенной республики человека со стороны, пусть даже талантливого организатора, но не знающего ни языка, ни национальной культуры и традиций народа. Многие у нас на Украине считают: для того чтобы перестройка наконец дошла до нашей республики, давно пора убрать с руководящих постов всю "команду" ЩЕРБИЦКОГО в центре и на местах, отравленную бюрократизмом, коррупцией, шовинизмом (последним, как подметил ЛЕНИН, любят грешить "обрусевшие инородцы"). Но вместе с тем как пощечина 50-миллионной нации выглядело бы появление во главе КПУ (что при нашей организации власти фактически значило бы — во главе украинского советского государства) нового ПОСТЫШЕВА или ХРУЩЕВА, даже если этот современный "варяг" будет активным приверженцем перестройки и демократизации.

На практике перестройка в национальном вопросе ограничивается пока тем, что деятелям национальных культур, прежде всего писателям, дали возможность **п о г о в о р и т ь** (поверхностно, без углубления в причины, без упоминания о полностью или частично размытых функциях государственности входящих в союз наций) об удручающем положении национальных языков и всего культурного наследия своих народов. Впрочем, для равновесия дали высказаться и шовинистам: вызвавшая многочисленные протесты статья академика ТРУБАЧЕВА в "Правде"; письма в "Литгазету" с удивительным рецептом искоренения коррупции переброской руководи-

телей между Узбекистаном и Украиной; наконец, многозначительное подчеркивание в центральной печати, что взбунтовавшиеся казахские студенты оказались выходцами из чисто казахских южных районов республики, где оканчивали не русские (читай: "интернациональные"), а казахские (надо думать — "националистические") школы...

Не думаем, впрочем, что наши писатели нашли лучший способ лечения зашедшей далеко болезни, предлагая решать вопрос на местах увеличением количества "национальных" школ, театров, изданий. Такие паллиативы не помогут и, кроме бешеного сопротивления русского и обрусевшего бюрократического аппарата, вызовут непонимание даже части населения своей же республики, язык которой в брежневских конституциях не назван государственным и давно уже принудительно вытеснен из всех основных сфер не только культурной, но в первую очередь государственной, партийной и общественной жизни.

Пересмотр национальной политики, практические шаги по возвращению ее к ленинским нормам должны начинаться в высших эшелонах партийной и советской власти. Если, конечно, Ваши слова на встрече с журналистами об уважительном отношении "к национальным чувствам, (и) к истории, (и к) культуре, (и к) языку всех народов, за полное и ф а к т и ч е с к о е (подчеркнуто мной — В. Ч.) равенство" — не обычная дань той риторике, которой любили услаждать слух доверчивого обывателя Ваши предшественники.

Нам мыслится приблизительно такой комплекс самых необходимых мероприятий по возвращению к ленинским нормам национальной жизни Союза.

Необходимо провести специальный пленум ЦК КПСС, где с таким же мужеством и откровенностью, как говорили Вы на июньском пленуме об экономике, сказать всю правду о действительном положении нерусских наций и народностей в СССР, о фиктивном характере их государственности, о полном несоответствии этого ленинским заветам, изложенным в статьях, считающихся политическим завещанием ЛЕНИНА партии, особенно в знаменитой работе "К вопросу о национальностях или об "автономизации".

Ленинская идея "коренизации" государственной и общественной жизни советских республик (на Украине под названием "украинизации" ее проводили в жизнь ленинцы СКРИПНИК, ЧУБАРЬ, ПЕТРОВСКИЙ) в отношении языка (чем она, конечно, не ограничивалась) четко сформулирована в письме ЛЕНИНА XII съезду партии: "Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в иномонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверять эти правила особенно тщательно".

Как и нэп, новую национальную политику в связи с рождением Союза ССР ЛЕНИН планировал не на несколько лет, а "всерьез и надолго", на все обозримое будущее. И если мы заговорили наконец об экономическом волюнтаризме СТАЛИНА, так как все беды советской экономики

коренятся в его методах коллективизации и индустриализации, в возврате к приемам "военного коммунизма", в голом администрировании и насилии, то почему же молчим о таком же волюнтаризме "вождя народов" в национальном вопросе, о подмене ленинской национальной политики сталинской, которую, к сожалению, продолжает пока и возглавляемое Вами Политбюро.

Именно ЛЕНИНУ принадлежит повторяющийся по инерции в партийных резолюциях до начала 30-х годов, а потом упраздненный СТАЛИНЫМ вместе с головами тысяч "буржуазных националистов" тезис, что главной опасностью в национальном вопросе был и остается русский великодержавный шовинизм, так как местный национализм всегда бывает производным от него и является естественной реакцией зависимой, меньшей нации на шовинизм большей, господствующей. И заметил этот шовинизм ЛЕНИН не у вчерашних черносотенцев, оказавшихся "не у дел", а в рядах собственной правящей партии (вспомним знаменитое предложение ЛЕНИНА "поскрести" многих партийцев, чтобы под личиной коммуниста обнаружить "великорусского шовиниста"). Этот основополагающий ленинский тезис о "главной опасности" полностью применим к сегодняшней обстановке и должен быть восстановлен в правах.

Думается, при подготовке к такому пленуму членам ЦК КПСС полезно было бы познакомиться и с нашими критическими выступлениями по национальному вопросу, огульно названными при

БРЕЖНЕВЕ и АНДРОПОВЕ "буржуазно-националистическими", особенно с известной книгой украинского литературного критика И. ДЗЮБЫ "Интернационализм или русификация?", где обобщены и марксистско-ленинские взгляды на национальный вопрос, и действительное положение самой крупной (после русских) нации Советского Союза, так как за прошедшие после написания книги 22 года положение не только не изменилось, но благодаря стараниям щербицких, федорчуков и пр. значительно ухудшилось. (Кстати, на последнем пленуме правления Союза писателей Украины, поднимая вопрос о языковой политике на Украине, выступающие почти дословно повторяли положения хорошо известной им работы И. ДЗЮБЫ, но ни у кого не нашлось смелости и благородства хотя бы упомянуть с благодарностью имя молча сидевшего в том же зале человека, сказавшего эту же правду в годы застоя и безгласности, попавшего за это в тюремные застенки, где ему изошренно "ломали хребет", принуждая каяться и просить помилования, чем обрекли на долгие годы творческого бесплодия... Факт, хорошо характеризующий уровень гласности сегодня на Украине.)

Серьезно анализируя национальные проблемы Союза, Вы, хочется думать, не попадетесь на удочку подобострастных уверений некоторых полупатриотов-полукарьеристов от литературы, что "рука Москвы", мол, ни при чем, что вся беда только в доморощенных "обрусевших инородцах", на свой страх и риск Бог знает чтотворя-

щих в своих республиках. Такая вот красивая сказочка о добром папе Карло в центре и лютых Карабасах-Барабасах на местах... Но "обрусевшие инородцы", представители хорошо известного в нашей истории янычарства, сами по себе не рождаются, а являются продуктами "большой политики". И рука СТАЛИНА, перечеркнувшая ленинскую национальную политику, организовавшая страшный голод на Украине в 1933 году, истребившая цвет украинской интеллигенции, — это была именно "рука Москвы". Рука ХРУЩЕВА, хотя и прекратившего репрессии, но не менявшего сталинскую национальную политику, санкционировавшего иезуитскую школьную реформу, приведшую к быстрому искоренению украинской национальной школы во всех средних и крупных городах республики (чуть лучше положение только в некоторых западных областях, менее "интернационализированных", хотя и здесь добрики хорошо поработали), к изгнанию родного языка из вузов, — это тоже была "рука Москвы". Рука БРЕЖНЕВА, выбросившая из конституций "суверенных" республик самый существенный признак этой суверенности — упоминание о родном языке как о государственном (отстоять его ценой народных бунтов удалось только закавказским республикам), заменившая П. ШЕЛЕСТА, мало-мальски беспокоившегося об интересах своего народа и его культуры, лакейски покорным ЩЕРБИЦКИМ, который сразу же взвинтил темпы русификации, — это тоже "рука Москвы". Как и рука АНДРОПОВА, пославшего на Украи-

ну из центрального аппарата КГБ для погрома национально-культурного возрождения 60-х годов "обрусевшего инородца" ФЕДОРЧУКА. Очень хотелось бы верить, что сейчас, в условиях начатой Вами демократизации и гласности, "Москва" наконец протянет "младшим" братьям по "равноправному" союзу руку без традиционной "ежовой рукавицы".

Внимательно, а не ради подходящей к конъюнктуре цитатки, читая последние работы ЛЕНИНА по национальному вопросу, совсем нетрудно заметить, что "обрусевших инородцев" ЛЕНИН упоминает как частный факт (в связи с "пересолами" СТАЛИНА и ОРДЖОНИКИДЗЕ), главную же угрозу видит в "злоупотреблениях истинно русского свойства", которые неминуемо несет с собой централизация, и постоянно предостерегает против "нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ". Лучше не скажешь!

На пленуме, партконференции или очередном съезде партии надо, наконец, решить вопрос об изъятии из партийной программы положения о предстоящем где-то в туманном будущем "слиянии наций" (предложение такое уже выдвигал в печати, кажется, Чингиз АЙТМАТОВ). Теоретически не обоснованный, выдернутый из МАРКСА (мыслившего победу социализма сразу во всех или большинстве развитых стран и под "слиянием" понимавшего прежде всего идеологическое и экономическое единство этого несостоявшегося-

ся социалистического конгломерата, а не искоренение национальных культур, тем более не поглощение одним языком и одной культурой остальных), искусственно приспособленный к условиям одной многонациональной страны, этот сомнительный тезис оказался хорошим "теоретическим" подспорьем для "типичного русского бюрократа", "подлеца и насильника" и его выкормыша "обрусевшего инородца". Не в состоянии справиться с другими партийными планами и прогнозами ("в основном" построить за 20 лет коммунизм, управиться с заданиями пятилетних планов, накормить полуголодную страну и т. п.), "типичный русский бюрократ" наверстывал там, где не надо много ума и умения, достаточно административного рвения, то есть активно "сближал" нации: доводил до абсурда централизм, искусственно перемешивал население, успешно изгонял нерусские языки из партийных, советских органов, хозяйственных и культурных учреждений, из школ, вузов, кино, печати, книгоиздательства, клеймил как проявление "буржуазного национализма" любое возражение или критику, строптивых давил и притеснял, не останавливаясь перед таким неотразимым аргументом утверждения своей правоты, как тюрьма...

Программа партии в идеале — документ научный, указывающий конкретные задачи и конкретные пути. Так стоит ли там гадать на кофейной гуще, что будет через столетия с великим многообразием национальных языков и культур мира (лучшие умы человечества, не околдован-

ные партийными догмами, думают, что сведение этого многообразия к единому знаменателю было бы невосполнимой потерей для общечеловеческой культуры), и поощрять таким образом воинственный шовинизм, которому не терпится учредить столь желаемое для каждого диктатора и бюрократа единообразие, не откладывая дела в глубь веков?

Проанализировав действительное состояние национальных дел в нашем союзе, партийный пленум мог бы разработать и конкретные меры по возвращению к ленинской национальной политике. Дело не должно ограничиться только отменой одиозных пунктов хрущевского закона о школе, предоставляющего беспрецедентное в мировой педагогике "демократическое" (как считает секретарь ЦК КПУ ЕЛЬЧЕНКО) право родителям в суверенных республиках (кроме России!) самим определять, какие там должны быть школы — русские или "национальные", и даже право самим ученикам решать, учить или не учить им язык своей якобы суверенной республики как предмет (конечно, кроме абсолютно обязательного русского!).

Национальный вопрос должен решаться во всей полноте: и расширением прав союзных республик в политической, экономической, культурной жизни, в том числе в решении общесоюзных и международных вопросов, и, конечно же, возвращением национальным языкам в полном объеме государственных и общественных функций. Для этого в конституциях республик нужно

восстановить провозглашение национальных языков государственными и реализовать это на практике. Как это сделать, какие нужно принять в Союзе и в республиках законодательные акты и практические меры, поможет (решить) опыт ленинской политики "коренизации" 20-х годов. Некоторые украинские законы того времени, подписанные такими видными деятелями большевистской партии, как ПЕТРОВСКИЙ и ЧУБАРЬ (например, постановления ВЦИК и Совнаркома СССР 1925 года "О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата" или 1927 года "Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры"), написаны как бы для сегодняшнего дня.

Только так, только начав перестройку национальной политики сверху, можно будет преодолеть последующий за этим взрыв шовинизма (Вас начнут пугать "буржуазным национализмом" и даже распадом Союза, хотя дело будет идти к его укреплению как действительного, а не фиктивного) и бешеное сопротивление русской и обрусевшей бюрократии. Но поверьте: Вы найдете понимание и среди еще не отравленной шовинизмом лучшей части русского народа, а в остальных республиках получите самую активную поддержку и вспышку творческой энергии во всех делах перестройки, которую мы, представители нерусской половины населения Союза, окончательно примем тогда как **нашу**, проводимую не только в интересах всех классов и слоев населения (кроме бюрократии), но и всех

И последнее. Во многих Ваших выступлениях, например на съезде комсомола, повторялась мысль о необходимости честно и мужественно сказать всю правду о прошлом, не оставляя белых пятен, не обходя сложных, подчас драматических моментов нашей истории. Такие попытки уже делаются. Пересматриваются некоторые страницы истории партии и страны, углубляется критика "культы личности" СТАЛИНА, прерванная приходом к власти в 1964 году неосталинистов, в культуру (преимущественно в русскую) возвращаются некоторые забытые или запрещенные имена и произведения.

Так как в нашей республике этот процесс, по существу, еще и не начинался (вялые разговоры на писательских собраниях и в печати, не реализуемые, не в счет), напомним некоторые важнейшие белые пятна в нелёгкой истории Украины только последних десятилетий, которые без разрешения или даже инициативы центра (вот где нужна "рука Москвы"!) освещаться по-новому не будут в силу господства десятилетиями утверждавшихся оценочных штампов, а также известного правила уже нескольких поколений украинских советских и партийных руководителей, панически боящихся обвинений в "местничестве", "быть большими католиками, чем сам Папа Римский".

Попытки писать историю Украины XX века только как историю большевистской партии на Украине привели к замалчиванию многих фактов социальной и национальной борьбы украинского народа в первые десятилетия XX века, связанных с деятельностью украинских социалистических партий (УСДРП, УПСР и др.), и такого феноменального явления, как мощный взрыв после февральской революции 1917 года национального самосознания и национально-государственной самодеятельности украинского народа. Не изучается совсем и изображается только черными красками даже начальный период Украинской Центральной Рады — первого украинского парламента, возникшего в марте 1917 года на волне народного подъема. Известно, что ЛЕНИН сначала поддерживал и Раду, и созданные ею всеукраинские военный и крестьянский съезды, и даже провозглашенную 20 ноября 1917 года автономную УНР (Украинскую Народную Республику) — первое государственное образование Украины после ликвидации русским царизмом в XVIII веке остатков украинской автономии. Еще и в декабре 1917 года, когда уже наметились принципиальные расхождения между УНР и Советской Россией, и даже в самом начале 1918 г., когда существовало созданное в Харькове 25 декабря 1917 года советское правительство Украины, ЛЕНИН еще признавал независимость УНР, продолжал вести переговоры с Центральной Радой, окончательно прерванные только 12 января 1918 года.

Если в социалистической Польше отмечается

как выдающееся историческое событие возрождение в 1918 году Польского государства, несмотря на его буржуазный и антисоветский характер, войну с советской Россией, "военно-фашистскую диктатуру" ПИЛСУДСКОГО и т. п., то на "суверенной" Украине словом не обмолвятся о предстоящем 70-летию создания первого Украинского государства, предшествовавшего советскому. Боимся сказать правду и о том, что возникшая после развала Австро-Венгрии ЗУНР (Западно-Украинская Народная Республика) оказалась единственной реальной силой, боровшейся с польской экспансией за западноукраинские земли, а полураздетые и плохо вооруженные стрельцы УГА (Украинской Галицкой Армии), противостоявшие вышколенной во Франции польской армии, были национальными героями, а не врагами и изменниками. Но это значило бы признать и то, что варварское разрушение в начале 70-х годов стрелецкого мемориала на Яновском кладбище во Львове, созданию которого не воспротивилась польская "военно-фашистская диктатура" и которой не тронул даже СТАЛИН, — акт вандализма, недостойный цивилизованного общества.

Нуждаются сегодня в пересмотре и однозначные оценки как "главарей украинской буржуазно-националистической контрреволюции" деятелей украинских социалистических партий — выдающегося писателя, классика украинской литературы Владимира ВИННИЧЕНКО и не менее выдающегося историка с мировым именем Михайла ГРУШЕВСКОГО. Последнему не помогло

даже то, что он вернулся из эмиграции, стал академиком АН УССР и АН СССР, успел умереть своей смертью и даже удостоился правительственных похорон в 1934 году. Пока нет и речи о переиздании (с современными комментариями) научных трудов ГРУШЕВСКОГО, а том числе многотомных "Истории украинской литературы" и "Истории Украины—Руси", объявленной "буржуазно-националистической". В то же время многотомные сочинения русских буржуазных историков СОЛОВЬЕВА и КЛЮЧЕВСКОГО издают и переиздают, ничуть не смущаясь тем, что они историю Украины рассматривали "с великодержавно-шовинистических позиций" (цитирую Украинскую Советскую Энциклопедию).

Недостойная возня затеяна сейчас на Украине вокруг имени В. ВИННИЧЕНКО, многие произведения которого (роман "Солнечная машина" и др.) известны во всем мире, имя которого было когда-то среди кандидатов на Нобелевскую премию по литературе, многотомные издания которого выходили на Советской Украине в 20-е годы. По инициативе секретаря ЦК КПУ ЕЛЬЧЕНКО вопрос о литературных достоинствах произведений ВИННИЧЕНКО подменен вопросом о его политической деятельности. Оказывается, удобнее печатать русских белоэмигрантов, чем украинского национал-коммуниста, которого даже "свой" дважды устранили от руководства правительством УНР за "левизну" и который в 1920 г. по приглашению ЦК ВКП(б) полгода провел в Москве и на Украине, был назначен на ответствен-

ные посты в украинском советском правительстве, но не нашел общего языка с заправлявшим тогда на Украине РАКОВСКИМ (впоследствии троцкистом и "врагом народа") и вернулся на Запад, откуда направлял послания СТАЛИНУ с просьбами пощадить социализм...

Якобы принятое наконец решение ограничиться сборничком ранних рассказов ВИННИЧЕНКО — яркий пример "перестройки по-малороссийски". Как и то, что первую за 55 лет скромнейшую публикацию (несколько романтических стихов) украинского писателя-коммуниста М. ХВЫЛЬОВОГО, пустившего себе пулю в висок в страшном 1933 г. со словами преданности советской власти и протеста против сталинизма, изъяла недавно из готовой полосы одной из киевских газет та цензура, которой для художественной литературы у нас якобы уже не существует... Никак не могут простить известному писателю ни его призыва ориентироваться не на "Москву", а на "психологическую Европу" (то есть выходить на всемирную духовную орбиту самому, а не повторять зады русской культуры), ни создания одним из первых в советской литературе образа партийного бюрократа, ни его смерти—протеста.

А где книги друга ХВЫЛЬОВОГО, известного государственного и партийного деятеля ленинской школы, главного проводника политики "украинизации", академика АН УССР, автора десятков печатных трудов по разным вопросам науки, культуры, партийной жизни Миколы

СКРИПНИКА, тоже покончившего в 1933 году с собой и посмертно преданного анафеме? Мало реабилитировать и назвать "верным ленинцем", надо еще и напечатать!

Не буду называть ничего, наверное, не говорящие Вам имена других украинских писателей, ученых, тех деятелей науки и культуры, которых не успели поднять из забвения в годы хрущевской "оттепели" и совсем не торопятся сделать это сейчас. Хотелось только подчеркнуть характерную для нынешнего руководства республики тенденцию максимально тормозить процессы, набирающие тем временем обороты в центре.

Самым обширным и самым позорным белым пятном в советской истории Украины является глухое молчание свыше 50 лет об организованном СТАЛИНЫМ и его опричниками (типа ПОСТЫШЕВА, которого прочат в национальные герои...) подлинном геноциде украинской нации — страшном голоде 1932—33 годов, унесшем многие миллионы жизней. В одном только 1933 году мой народ потерял больше, чем во всей Второй мировой войне, прокатившейся в двух направлениях по нашей земле. Где же памятники жертвам бесчеловечного социального эксперимента? Где мемориалы? Нет и, наверное, никогда не будет. Не осталось даже могил... Невольно вспоминаются написанные именно о голоде 33-го года (и доселе не напечатанные) строки известного украинского советского поэта И. ДРАЧА, проклинавшего историю, "вскормившую молчаньем молчаливейший в мире народ". Домолчались до

того, что где-то в чужих странах создаются парламентские комиссии для изучения этой одной из самых страшных страниц истории XX века, сравнимой только с гитлеровскими преступлениями. А советские историки только сейчас невыразительно мямлят что-то об "отсутствии достоверных документов, точной статистики" для освещения "этой трагической страницы нашей истории" (см. газету "Радянська Україна от 19.VII. 1987 года).

Правду народу надо сказать всю, не суживая рамки сталинского террора только 1937—38 годами и истреблением партийных и военных кадров (имею в виду Ваше выступление перед руководителями средств массовой информации и творческих союзов в июле). По какому такому счету жизнь партаппаратчика или армейского офицера ценится дороже жизни погибшего в голодных муках украинского крестьянина или того невинного младенца, которого обезумевшая мать рубила на части, чтобы накормить остальных умиравших от голода детей (такие страшные картины были в год торжества коллективизации "по-сталински" не единичны...).

Украинская наука и культура тоже понесли основной урон еще до 1937 года. Надо наконец сказать правду о сфабрикованном ГПУ в 1929—30 годах "деле" мифического СВУ (Союза освобождения Украины), положившем начало массовому истреблению украинской интеллигенции и свертыванию украинизации, и заодно вернуть нашей культуре имена осужденных на этом про-

цессе известных писателей и ученых.

В те же годы была ликвидирована независимая от московского патриарха Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) и репрессирована ее иерархия. Сейчас эта церковь, как и насильственно упраздненная в 1946 году Украинская греко-католическая церковь, существует за границей, а на Украине паству этих двух украинских церквей принудительно подчинили русскому православию. Интересная ситуация, когда люди, считающие себя убежденными атеистами, силой перегоняют верующих из одной церкви в другую, тоже еле терпимую, но все же свою, русскую... Не пора ли исправить и эту грубую политическую ошибку сталинских времен и, соблюдая конституционные гарантии, разрешить верующим решать свою религиозную принадлежность самим, без подсказок органов госбезопасности?

В то самое время, когда сотни тысяч "кулаков" и "подкулачников" устлали трупами далекий путь в Сибирь, а в украинском селе свирепствовал голод, истреблялись бывшие деятели УНР, УКП (Украинской коммунистической партии), ученые из Всеукраинской академии наук, лучшие украинские писатели, художники, артисты, режиссеры... Суд был скорым и неправым: 1 декабря 1934 года убили КИРОВА, а уже 15 декабря поставили к стенке лучшего украинского прозаика Григория КОСЫНКУ и других "террористов"...

А когда можно будет сказать правду о трагедии тоже выкошенной голодом Кубани, преиму-

щественно украинский этнический облик которой "исправлялся" с особым ожесточением: в один год были ликвидированы все украинские культурные институты, физически уничтожена или выдворена с Кубани украинская интеллигенция, украинским казакам, потомкам славных запорожцев, меняли в документах сведения о национальности, а фамилии изменяли на русский лад. Кубанский опыт радикального "решения" национального вопроса был использован впоследствии в северной части украинского Полесья, почему-то присоединенной к Белоруссии (большая часть Брестской области, включая Брест и Пинск, и несколько районов Гомельской обл.), где украинское население принудительно записали белорусами, но проводится политика не "белорусизации", а обрусения.

Трудно, но нужно упомянуть и такую свежую еще страницу украинской истории, как партизанская и подпольная борьба в Западной Украине 40-х — начала 50-х годов. Хотя бы потому, что "истинно русский человек" и "обрусевший инородец" щедро наделяют сегодня кличкой "бандеровец" и уроженца западной части Украины, и всякого, кто постоянно говорит на украинском литературном языке, а не на украинско-русском "суржики" и проявляет хотя бы минимальное национальное самосознание.

Казалось бы, как отнести к белым пятнам бурную историю вооруженной борьбы в Западной Украине? Это ведь излюбленная тема советской пропаганды, десятилетиями специализирующейся

на разоблачении "украинского буржуазного национализма" (обратите внимание на терминологию: великодержавный шовинизм если когда-нибудь скороговоркой упоминается, то без определения "русский", а буржуазный национализм неминуемо "украинский", "татарский", "литовский" и т. д.). Но говорят, что полуправда опаснее лжи. Легче всего разоблачать отдельных лиц из националистического подполья, писать о "зверствах бандеровцев" (как будто зверства были только с одной стороны!). А надо бы посмотреть спокойнее и шире, докопаться до причин этого массового народного движения, в котором вначале принимали участие не какие-то отдельные бандиты, прятавшиеся по бункерам, а десятки и сотни тысяч, поддержанные большинством населения Западной Украины. Без такой поддержки и на одном слепом терроре, конечно, невозможно было бы почти десятилетие противостоять мощной государственной машине. Рано или поздно придется признать, что движение, представленное разными социальными слоями (от беднейших крестьян до студентов, интеллигенции), было не социальным, а прежде всего национальным, направленным против сталинской национальной политики и террористических методов ее навязывания.

Бытовавшие в 20-х — начале 30-х годов в Западной Украине просоветские настроения почти полностью развеялись после голода 1933 года на Советской Украине и погрома украинской советской культуры. Но хотя в сентябре 1939 года

никакого всенародного ликования по поводу прихода Красной армии на самом деле не было, но не было и никакого сопротивления советской власти на присоединенных к СССР западноукраинских землях. Мощным катализатором антисоветских настроений, толкнувшим массы к вооруженной борьбе, была не столько националистическая пропаганда ОУН, сколько неполных два года энкаведистского террора: многочисленные аресты (одними из первых за решетку угодили единомышленники освободителей, бывшие члены КПЗУ — Коммунистической партии Западной Украины), истязания и расстрелы, вывозы населения, наконец, истребление всех без разбора узников переполненных тюрем при отступлении в первые дни войны (фашисты, конечно, в своих целях хорошо разрекламировали эти зверства). Поэтому при приближении Советской армии к Западной Украине в 1944 году многие местные жители уходили в подполье или бежали на Запад, пополняя ряды украинской эмиграции. (Кстати, сегодня завоевать ее симпатии удалось бы не бодрыми радиоголосами из денационализованного Киева и не лживой газетенкой, несшей в годы брежневского застоя "Вести с Украины" о небывалом якобы расцвете украинской культуры, а конкретными шагами по восстановлению национального суверенитета Украины, которые незамеченными не останутся.)

Касаясь запретной темы о действительном характере событий в Западной Украине, вынужден оговориться, что в моем приднепровском

роду извечных хлеборобов и недавних сельских интеллигентов "бандеровцев" не было, но случались комнезамовцы (комбедовцы) и честные коммунисты (за что и поплатились как раз в упоминаемом Вами 1937 году). И совсем не однозначно смотрю я на некоторые проявления национального движения 20—40-х годов в Западной Украине. Но право на такой критический взгляд я выстрадал по тюрьмам, где сидел вместе с участниками этого движения, в отличие от некоторых коллег по профессии, пропивавших в это время по львовским и киевским забегаловкам заработанные при помощи площадной брани премии имени Галана.

Нам бы научиться смотреть на свое недавнее прошлое хотя бы у соседей-поляков, которые пусть не сразу, но смогли увидеть в борьбе с польским вооруженным подпольем трагедию раздвоенного патриотизма. Но мы вынуждены смотреть на трагические страницы своей истории не собственными глазами, а прищуренным взором "истинно русского человека", привыкшего видеть в каждом полноценном украинце "бандеровца" и "буржуазного националиста".

И, наконец, о совсем недавних событиях. Возможно, еще одно белое пятно в украинской истории возникнет с годами, если будем молчать или говорить полунамеками о том, что происходило на Украине в 60—70-е годы. За рассуждениями о застое, бюрократизме, за разговорами о судьбах отдельных людей и произведений можно просмотреть общую картину происходившего. Между тем

по аналогии с двадцатыми годами, вошедшими в историю Украины под именем "расстрелянного возрождения", шестидесятые могут называться "удушенным возрождением".

Попытки втиснуть понятие "шестидесятники" в рамки чисто литературного обновления неправомерны. В послесталинские годы на Украине спонтанно возродились глубинные силы национального самосознания, проявившие себя не только в литературе и искусстве.

Надо откровенно признать, что репрессии украинских "шестидесятников" после устранения ХРУЩЕВА были не чем иным, как великодержавно-шовинистической реакцией на украинское национально-культурное возрождение. И если первую волну арестов и судов украинской интеллигенции (1965—66 гг.) удалось приостановить широким общественным протестом, то вторая репрессивная волна (1972—73 гг.) была закроена шире и масштабнее. Аресты сопровождались мощным наступлением на украинских писателей, деятелей культуры, ученых, всех, кого беспокоила судьба родного языка, родной культуры, кто вообще мыслил нестандартно. Появились разгромные статьи в печати, началось изъятие изданных ранее книг, стали практиковаться вынужденные покаяния и публичные проработки (в несколько стертом виде повторялась ситуация начала 30-х годов). От активного участия в создании духовных ценностей нации были устранены совсем или на долгие годы многие талантливые писатели, критики, переводчики, историки, ху-

дожники, режиссеры. Другие опустились до конъюнктурных творений, недостойных их таланта. Зато возвысились конъюнктурщики и проходимцы типа директора Института литературы АН УССР ШАМОТЫ или секретаря ЦК КПУ МАЛАНЧУКА. Резко усилилась русификация: украинский язык окончательно изгонялся из всех сфер государственной, общественной и культурной жизни, по личному примеру ЩЕРБИЦКОГО от него отказались партийные организации. Третья волна репрессий (1977–1980 гг.), связанная с разгромом украинского хельсинкского движения и отличавшаяся особым цинизмом и наплевательностью в отношении советских законов, проходила уже в условиях полного застоя.

Из многих удушенных в те смутные годы талантов, которые сегодня могли бы активно включиться в процесс перестройки и демократизации, хотелось бы особо выделить украинского поэта Василия СТУСА, погибшего в карцере Пермского лагеря особого режима уже при новом руководстве КПСС — в сентябре 1985 года. В. СТУС — поэт-мыслитель такого масштаба, что его имя останется в истории нашей литературы навсегда. Но до сих пор имя СТУСА на родине окружено заговором молчания. Все инстанции остаются глухи к просьбам и требованиям родственников, друзей и почитателей выдающегося украинского поэта, а немного осмелевшие в последнее время украинские писатели все же боятся даже упомянуть имя своего замученного коллеги. Поэтому последняя надежда — на Вашу помощь.

Просим разрешить перевезти тело поэта с лагерного кладбища на Урале для захоронения на родине — в Киеве. Просим вернуть наследникам поэта все его рукописи, изъятые в 70—80-е годы, особенно стихи, переводы, статьи, заметки последних пяти лет жизни (все, до последней строчки, отобрано и находится в КГБ УССР). Мы требуем реабилитировать доброе имя поэта, дважды осужденного по смехотворным с точки зрения сегодняшнего дня обвинениям, и издать на Украине его произведения.

Как и без творчества Василя СТУСА, представление об украинской культуре и общественной мысли будет неполным и односторонним без блестящих эссе Е. СВЕРСТЮКА, стихов и прозы М. РУДЕНКО, И. КАЛЫНЦА, М. ОСАДЧЕГО, И. СОКУЛЬСКОГО, без выставок художников П. ЗАЛИВАХИ и С. ШАБАТУРЫ, научных, литературоведческих и публицистических статей И. СВЕТЛИЧНОГО, М. ГОРЫНЯ, П. СКОЧКА, Ю. БАДЗЬО, В. МАРЧЕНКО, И. КАЛЫНЕЦ, наконец, без всех статей и книги "Интернационализм или русификация?" И. ДЗЮБЫ. Пора честно признать, что все эти талантливые и неравнодушные люди в годы застоя были осуждены по нелепым обвинениям, реабилитировать и издавать их. Пока же их имена (кроме допущенного в печать за раскаяние в патриотизме И. ДЗЮБЫ) окружены глухой стеной молчания.

Из моего письма получится увесистый гроббук, если попытаюсь перечислить все белые пятна украинской истории и культуры, назвать все

забытые или оплеванные имена. Но теплится надежда, что возникающая сейчас в советском обществе атмосфера поможет много осветить прожекторами гласности. Этой же цели будет служить в меру своих скромных возможностей и возобновляемый нами журнал "Український вісник".

* * *

Шире изложить затронутые в этом письме вопросы я попытаюсь также лично, если мне позволят встретиться с членом Политбюро ЯКОВЛЕВЫМ, который известен как приверженец политики гласности и демократизации.

В прошлое двадцатилетие на все петиции "диссидентов" к партийно-советским руководителям ответ был один — через суд, как правило закрытый. Но еще хуже, когда на поднятые "снизу" проблемы и выстраданные мысли внимания не обращают вообще. Не исключено, что и это письмо, направленное мной в ЦК, удостоится только беглого просмотра одним из сотрудников аппарата. Думаю поэтому, что у открытого письма больше шансов привлечь внимание партийного руководства к жизненно важной для здоровья советского общества национальной проблеме. Да и решать такие вопросы в условиях подлинной гласности пристало не келейно, а всем народом (точнее — всеми советскими народами).

С уважением

*Вячеслав ЧОРНОВИЛ,
украинский журналист*

5 августа 1987 года.

С. Максудов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗЕРВЫ ПЕРЕСТОЙКИ

Эпоха гласности сняла наконец запреты с публикации демографических сведений. Выяснилось, что тревоги западных советологов и особенно эмигрантских пифий были сильно преувеличены.¹ "Демографической катастрофы России" пока не произошло и, несмотря на множество проблем в области здравоохранения, экологии, социальных отношений, о которых теперь много пишут не только в самиздате, но и в советской прессе, ничего экстраординарного в ближайшее время не предвидится. Конечно, было бы интересно вернуться к грозным пророчествам и рассмотреть, в чем они подтверждаются новыми данными, а в чем спекуляции западных исследователей и публицистов были ошибочными. Эта по-своему любопытная тема нуждается в самостоятельном изучении. Цель этой работы иная. Я собираюсь рассмотреть изменение численности советского населения в ближай-

шее время. Изучение этого вопроса требует рассмотрения рождаемости, смертности и численности населения по полу и возрасту, так как именно возраст определяет в первую очередь трудовые ресурсы общества — число способных работать, а также социально-демографическую нагрузку страны — число пенсионеров и малолетних детей.

Важным вопросом является территориальное распределение этого людского потенциала, что отчасти связано с национальной принадлежностью. Этот вопрос приобретает особое значение в связи с неравномерностью демографического развития отдельных национальностей СССР, стабилизацией прироста численности славянского населения и продолжающимся быстрым ростом так называемых мусульманских народов в южной части страны. Учитывая национальные, религиозные и культурные особенности, это неравномерное развитие существенно затрудняет возможность использования имеющихся трудовых ресурсов.

Таким образом, основной проблемой, рассматриваемой в данной работе, является вопрос: как много рабочих рук будет в СССР в ближайшем будущем, распределение этих людских ресурсов по возрасту и основным районам проживания. Ассимиляция и русификация, миграция населения по стране, образовательный уровень отдельных национальных групп, — связь очагов повышенного роста населения с экономическим потенциалом территорий — все эти важные проблемы требуют специального изучения.²

Из всего множества этих вопросов будет рассмотрен один, наиболее важный на наш взгляд для изучения проблемы трудовых ресурсов: движение населения в республиках Средней Азии (Узбекской, Таджикской, Киргизской и Туркменской ССР). Именно эти территории дают все возрастающую часть прироста населения, именно там, в силу национальных особенностей, затруднена миграция населения из села в город и в соседние республики, а отсутствие воды затрудняет рост хозяйства.

С точки зрения динамики населения это совершенно особая часть страны, которая как бы противостоит по характеру развития европейской территории.

В промежуточном положении находятся Закавказье, особенно Азербайджан и соседние мусульманские районы Северного Кавказа, Армения и Казахстан. Прирост населения этих территорий выше, чем в русских областях страны, но меньше, чем в Средней Азии. Это снижение рождаемости было одной из главных причин, почему эти районы не рассматриваются нами вместе со Средней Азией в качестве регионов с быстро растущим населением. Другая причина заключается в большей вовлеченности их населения в общую экономическую жизнь страны, более высокий уровень миграции, меньшая изолированность. В Казахстане играют важную роль большие собственные хозяйственные ресурсы и преобладание русского населения. Наконец, ненадежность статистических сведений для отдельных республик и особенно частей республик, заставляет ограничиться лишь наиболее общим, главным вопросом.

Нередко, говоря о росте численности мусульман в СССР, исследователи на Западе включают в их число народы Поволжья (татар, башкир, чувашей). Это, однако, создает неверные иллюзии, искажая действительное положение вещей. Территория Поволжья давно и полно вовлечена в хозяйственное освоение русским населением. Местные жители, будь то татары или чуваше, не представляют из себя чего-то заметно отличного от русских крестьян и горожан, составляя вместе с ними и финскими народами единый общий конгломерат советских граждан, занимаясь общей хозяйственной деятельностью, говоря в значительной степени на русском языке, снижая, как и русские, рождаемость. О степени русификации этих и других народов страны, необходимо знать для того, чтобы правильно представлять основные демографические процессы в настоящем и будущем.

Исходя из сказанного, расчеты проводились для четырех регионов: Север — территория преимущественного

обитания русских или славянско-европейских народов, включает РСФСР, Украину, Белоруссию, Молдавию и Казахстан. Прибалтика — небольшая территория на северо-западе страны, выделенная не столько потому, что здесь русские составляют меньшую часть жителей, сколько из-за того, что она является наиболее передовой частью страны, следующей за европейскими народами в своем демографическом развитии и как бы показывающей путь, который в скором времени предстоит пройти другим европейским народам СССР. Закавказье объединяет Грузию, Азербайджан и Армению, динамика рождаемости которых различается между собой, но с некоторым трендом она повторяет динамику европейских народов страны. Средняя Азия включает четыре республики с преобладанием мусульманского населения и высоким уровнем рождаемости.

Исходными данными для расчетов служили материалы переписей населения 1959, 1970, 1979 гг. Следует сказать, что переписи — наиболее надежная статистика населения, намного более достоверная и полная, чем результаты текущего учета. К сожалению, сведения о возрастном составе населения и данные о смертности даже при переписях публикуются в крайне урезанном виде, особенно для переписи 1979 г. Поэтому, кроме официальных советских данных, пришлось использовать результаты научных разработок материалов переписей отдельными учеными и некоторые дополнительные неопубликовавшиеся сведения.

Статистика для отдельных республик еще более бедна и менее точна, чем для всего населения страны, а главное, проблема осложняется трудностью учета миграции.

Из текущей статистики для расчетов использованы публикуемые ежегодно данные о рождаемости. Сведения о смертности и численности служат некоторым контролем правильности расчетов.

Следует отметить, что три советские переписи 1959, 1970, 1979 гг., данные о рождаемости и смертности в

стране и на отдельных территориях в каждом году, таблицы смертности по возрастам и по полу представляют из себя единую систему довольно хорошо согласованных данных, так что расчеты по данным текущей статистики расходятся с результатами переписей всего на несколько сотен тысяч человек. Из этого не следует утверждение, что столь же высока точность отдельных показателей, но, по-видимому, ошибки учета взаимопогашаются. Так, недоучет детской смертности погашается недоучетом рождаемости, а неполный учет численности населения переписями в одних возрастах компенсируется двойным счетом в других и т.д.

Прогноз движения населения выводит расчет за рамки имеющихся статистических сведений и требует некоторых предположений об основных тенденциях в будущем, характере изменения рождаемости и смертности. При этом, конечно, достоверность ответа зависит уже не только от надежности исходной статистики, но и от степени правильности сделанных предположений. Сравнение результатов расчета за годы, прошедшие после последней переписи 1979 года (1979–85) со сведениями публикуемыми ЦСУ, позволяет оценить достоверность сделанных предположений на первой трети прогнозного периода. А поскольку демографические показатели смертности и рождаемости в стране изменяются довольно плавно, близость данных в первые семь лет и отсутствие заметной систематической ошибки позволяют надеяться, что и в последующие 14 лет прогнозные результаты окажутся достаточно достоверными.

РОЖДАЕМОСТЬ

Численность новорожденных в абсолютных цифрах для периода 1950–73 гг. опубликована в справочнике "Население СССР 1973" как для всей страны, так и для отдельных республик. В последующие годы по СССР известны абсолютные цифры, регулярно публикуемые

журналом "Вестник статистики" и справочником "Народное хозяйство", а для отдельных республик там же приводятся коэффициенты рождаемости, которые позволяют с небольшой погрешностью оценить число новорожденных.

Важную роль в оценке перспектив рождаемости играет численность поколений женщин в репродуктивном возрасте, особенно поколения 20–29 лет. Численность этих возрастных групп известна на даты переписей, а для остальных лет может быть получена с помощью расчета. В 1959 г. в СССР женщин в возрасте 20–29 лет было 19.6 млн. В последующие годы их численность быстро сокращается до 15–16 млн. в конце 60-х годов и одновременно почти на миллион упало число новорожденных (таблица 2). Это происходило несмотря на рост двух других возрастных групп 18–19 и 30–49, также входящих в репродуктивный контингент. Правда, перелом в 1969 году в росте рождаемости связан с повышением численности всех когорт женщин, но с 1977 года тенденции изменения численности этих поколений расходятся, 20–29-летние продолжают расти, 30–49-летние сокращаются, а 18–19-летние остаются на том же уровне – 4.7–4.9 млн. При этом рождаемость продолжала возрастать вплоть до 1983–84 гг. С 1984 года численность поколений 20–29-летних и 18–19-летних начнет плавно сокращаться, а число 30–39-летних будет продолжать расти. Максимальное сокращение наступит в 1994 г. – 20.6 млн.

В то же время поколение 30–49-летних женщин увеличится на 4 млн. человек, а 18–19-летних – на 400 тыс. В конце века численность всех генеративных поколений будет понемногу расти и достигнет для 20–29-летних в 2000-м году 21.7 млн.

Таким образом, в период 1985–2000 годов численность рождающего контингента изменится мало. Для 18–19-летних она возрастет на 10%, у 20–29-летних упадет на 7% к концу периода и будет меньше на 10–12% в промежуточные годы, численность 30–49-летних вырастет на 20%. В результате этих колебаний численность

новорожденных не должна меняться больше, чем на 3–5%. Заметно большую роль должно сыграть изменение национального состава рожениц, повышение среди них доли женщин из Средней Азии. Оценки показывают, что их численность вырастет с начала 80-х годов почти в два раза с 8% до 16% (табл. 2). Правда, одновременно будет меняться соотношение между горожанами и сельскими жителями в самой Средней Азии и произойдет снижение плодovitости у старших поколений мусульманских женщин.

Уровень рождаемости в стране зависит не только от численности женщин, но и от их плодovitости. Плодovitость определяется сложным комплексом экономических, социальных, национальных факторов. Повышение уровня образования, рост численности городского населения, рост культурного уровня — все эти и многие другие факторы ведут к снижению плодovitости. Переход к малодетной семье является главной демографической тенденцией второй половины XX века, хотя порой она и вызывает сетование чиновников. В первую очередь этот переход сказывается на изменении плодovitости женщин в репродуктивных возрастах. В таблице 1 показано, как изменялся коэффициент плодovitости в различных возрастных группах в некоторых республиках, характерных для выделенных выше регионов, и по всей стране. Общая тенденция изменения плодovitости во всех республиках за последние 25 лет — ее снижение. Наименее заметно это падение в Латвии и Узбекистане, наиболее сильно выражено в Армении. Латвия уже в начале рассматриваемого периода находилась на достаточно низком уровне воспроизводства населения. Поэтому в дальнейшем в ней наблюдался рост рождаемости в возрастах до 30 лет, то есть у населения реализовывалась естественная человеческая потребность иметь хотя бы одного ребенка или, в крайнем случае, двух детей. Важно отметить, что плодovitость женщин старше 30 продолжала сокращаться в Латвии вплоть до начала 80-х годов. В РСФСР с некоторым временным сдвигом наблю-

далась та же картина. В Армении снижение плодovitости захватило и возрастную группу 25—29 лет, а в более старших возрастах уровень оказался даже ниже, чем в Латвии и РСФСР. В Узбекистане отмечается рост в возрасте 20—29 и сокращение во всех остальных возрастных группах, но при этом общий уровень остается еще довольно высоким.

Обращает на себя внимание небольшой рост плодovitости в последние годы, отмеченный и в целом по стране и в отдельных ее частях. Этот рост плодovitости пока перекрывает снижение численности женщин возраста 20—29 лет и приводит к увеличению числа рождений. Главным образом этот рост связан с увеличением рождаемости среди поколения молодых. В возрасте 25—29 лет рождаемость остается постоянной, а в более старших возрастных группах быстро падает. Рождения после 30 лет становятся редкостью, а старше сорока в 82—83 годах родила одна из ста женщин, в десять раз меньше, чем в 1938—39 гг.

Повышение плодovitости в возрасте 20—24 лет более заметно на территории РСФСР, чем в Узбекистане (таблица 1). По-видимому, повышение будет продолжаться, так как на Украине и в Эстонии, где эта тенденция обнаружилась раньше, уровень 160—165 рождений на тысячу женщин в возрастной группе 20—24 был пройден десять лет назад, а сейчас он поднялся до 170. Сдвиг рождаемости в более молодые возраста означает, в действительности, сокращение числа детей в семье. Для группы женщин 20—24 лет речь идет, очевидно, о первом или втором ребенке, для 25—29-летних вероятно появление первого—второго, возможно, третьего ребенка. Таким образом, увеличение плодovitости 20—24-летних означает на самом деле сдвиг в сторону малодетной семьи.

В РСФСР и в целом по стране у молодых поколений (до 20 лет) также наблюдается некоторое повышение рождаемости, но не в такой степени, как это представлено статистическими показателями. Дело в том, что число рождений определяется, в первую очередь, числен-

ностью поколений 18–19-летних, а присутствие в знаменателе 15–17-летних сильно искажает картину. До тех пор, пока каждое следующее поколение, вступающее в эту группировку, будет менее многочисленным, чем предыдущее, коэффициент рождаемости 15–19-летних будет расти. В РСФСР эта тенденция должна прекратиться в середине 80-х годов (минимальное абсолютное число родившихся было отмечено в 1968 году).³

В Узбекистане мы сталкиваемся с противоположной тенденцией падения рождаемости до 20 лет, так как каждое последующее поколение 15–17-летних многочисленнее предыдущего. Все это однако не сильно сказывается на общем коэффициенте рождаемости, так как доля самых младших возрастов в рождающем контингенте в общем не велика.

Реализация общих представлений сталкивается с целым рядом непредвиденных трудностей, так что фактическое или даже планируемое число детей в семье, как правило, оказывается меньше идеального. Обследования 60-х годов показывают, что в семьях европейских народов желаемое число детей колеблется между 2 и 3, а практически снижается до 2-х. Исследование советскими демографами вопроса о желательном числе детей в семье показало, что репродуктивное поведение диктуется не столько реальными условиями, соответствующими в данный момент, сколько демографическими идеалами, сформировавшимися в течение более или менее долгого периода в прошлом. Эти идеалы связаны с образовательным уровнем, с материальным положением, с национальными традициями.

В 1975–78 гг. женщина, вступившая в первый брак, принадлежащая к народам с низким современным уровнем рождаемости (русские, украинцы, прибалтийцы и т.п.), имела по обследованию ожидаемое число детей — 1.8 для всего населения. В Армянской ССР эта цифра составляла 2.9, в Азербайджане 3.1, в Узбекистане 3.9. В среднем по среднеазиатским республикам у жителей коренной национальности (включая казашек и азербай-

джанок) среднее ожидаемое число детей 4.2, а у женщин с высшим и незаконченным высшим образованием 3.6.⁴ Несомненно, более образованная часть общества оказывает решающее влияние на формирование норм и представлений, так что постепенный переход к малодетной семье должен произойти и в восточных республиках. Уже сегодня у мусульманских народов падает доля четвертых и более детей среди новорожденных, в то время как у всего населения страны сокращается процент рождений третьего и более ребенка (38.3% в 1965 г. и 23.1% в 1983 г.)⁵

Среднее ожидаемое число детей у женщин национальностей с высоким уровнем рождаемости довольно быстро снижается. У вступивших в брак в 1955–59 гг. оно было 6.15 (в том числе у женщин с высшим и неполным высшим образованием 4.13, а с неполным средним образованием 6.52). В 1975–78 гг. оно составило 4.16 в среднем и 3.58 для женщин с высшим образованием и 4.41 для женщин с неполным средним образованием.⁶

Важно также отметить, что снижение за последние 20 лет желаемого числа детей происходило у мусульманских народов быстрее, чем у других. Соотношение ожидаемого числа детей у женщин вступивших в первый брак в 1975–78 гг. составило у латышек 0.95, у русских 0.92, у таджиков, туркменок и армянок 0.75, а у азербайджанок и казашек 0.6.⁷ Эти тенденции должны неизбежно привести к постепенному выравниванию рождаемости в стране. Повозрастные различия в ожидаемом числе детей в мусульманских республиках выражены намного более заметно, чем в РСФСР. Так по обследованию 1978 г. женщины 1954–58 гг. рождения ожидали в РСФСР 1.86 ребенка, а 1939–43 гг. рождения 2.12 (в среднем на одну женщину состоящую в браке), то есть на 10% больше. В Узбекистане соответствующие поколения женщин имели 4.3 и 5.65, то есть на 24% больше. В Азербайджане снижение числа ожидаемых детей по поколениям было еще более сильным (на 33%).⁸

Регулирование рождаемости в сельской местности

Узбекистана и других районов Средней Азии происходит медленно, в частности, из-за недостаточной медицинской помощи и незнания женщинами о возможностях использования различных средств контрацепции.⁹ Аборт остается главным способом ограничения рождаемости. При этом мусульманские женщины к абортам прибегают довольно неохотно. Обследование жителей Ферганской долины показало, что в 1975 г. абортom прерывалось 0.7% первых беременностей и 3.3% шестых.¹⁰ Заметно более сильно распространены аборты в городах. Среди женщин рабочих и служащих Таджикской ССР аборты составляли 44% беременностей. Правда, в выборке женщин коренной национальности немного меньше половины. Последний пример также показывает, что аборты в СССР не так сильно распространены, как утверждают многие исследователи на Западе (5–6 абортov на одно рождение Дэвис и Фешбах, 2–4 Тяйтц и Бонгарт).¹¹ Даже если все аборты приходились бы в данном случае на городское русское население, они не превысили бы одного абортa на рождение.¹²

На основе исследования желательного числа детей в семье, были составлены прогнозные таблицы плодovитости для городских и сельских жителей различных территорий (таблица 1). В РСФСР предполагается стабилизация уровня плодovитости, сближение ее в городе и в сельской местности, все более высокая роль поколения 20–24 лет. В Узбекистане разрыв между городскими и сельскими жителями будет изменяться очень мало. Горожане к концу века выйдут на уровень близкий к плодovитости европейского населения страны в конце 50-х годов. Сельское население будет находиться приблизительно на уровне, пройденном страной в середине 20-х годов. Прогнозные таблицы плодovитости для отдельных регионов суммируют противоречивые тенденции изменения плодovитости национальных групп и соотношение их численности и поэтому в целом по стране предполагаются небольшие изменения.

Подавляющую часть всего населения и населения

в рабочих возрастах к концу века будут составлять поколения родившиеся после 2 мировой войны.

За этот период произошло резкое изменение соотношения рождаемости по трем выделенным регионам, хотя общее число родившихся в стране менялось незначительно: максимальное число 5392 тыс. в 1983 г., минимальное — 4087 тыс. в 1969, среднее за 50 лет 4.9 млн. В начале периода и в конце его уровень рождаемости приблизительно одинаков — 4955 тыс. в 1951 г. и 4948 тыс. в 1977 г. Заметное отклонение — снижение рождаемости до 4.1 — 4.5 млн. связано с эхом войны, малочисленностью матерей в поколениях 1945—45 гг., что сказалось на числе новорожденных, появившихся в 1963 — 78 годах.

Без этого снижения по историческим причинам уровень рождаемости был удивительно устойчив, равен приблизительно 5 млн. с отклонениями для отдельных лет не больше, чем в 3—5%.

Однако эта стабильность скрывает различные тенденции изменений в регионах. В славянских областях при отдельных колебаниях число новорожденных упадет за полвека примерно на четверть с 4.2 млн. в 1951 г. до 3.1 млн. в 1999 г. Это падение связано со снижением численности матерей как в общей тенденции, так и во вторичном эхе войны, а также со снижением плодовитости поколений женщин в этом регионе, переходе к двухдетной семье.

Похожая картина наблюдается в Прибалтике. Но там стабилизация рождаемости уже наступила.

Постоянной остается рождаемость и в Закавказье. Но здесь это связано с неодинаковым уровнем демографического развития, населяющих его народов. Грузины близки по уровню плодовитости к славянскому населению, армяне быстро снизили плодовитость за последние десятилетия, а азербайджанцы снижают плодовитость быстрее мусульман Средней Азии, но медленнее других кавказских народов.

Население Средней Азии постоянно и устойчиво уве-

личивало свою рождаемость. В 1950 г. она составляла 348 тыс. человек, в 1980 г. 888 тысяч, а к 2000 г. достигнет 1.6 млн. Это составит 30% от всех рождающихся в стране, а вместе с Закавказьем в конце века более трети новых граждан будут появляться в этих двух южных сравнительно небольших по территории регионах.

СМЕРТНОСТЬ

Для расчетов изменения численности населения необходимы данные о смертности по полу и возрасту как для всей страны, так и для отдельных регионов. Сравнительно полные сведения публиковались только для 1958–59 гг. и для 1985 года. Таблицы для пятилетних интервалов имеются для 1968–71 гг. и 1979 г. Кроме того, для всей страны и некоторых республик публиковались коэффициенты смертности по возрастам для периода 1959–74 гг., что позволяет, введя определенные поправки, составить таблицы дожития по крупным регионам. При этом уже предполагалось, что смертность в старших возрастных группах в южных районах страны коэффициентами смертности учтена недостаточно полно.

Рассмотрим общую динамику изменения уровня смертности в СССР. Из таблицы 3 видно, что сначала века смертность детей (и мальчиков и девочек) снизилась в десятки раз. Это снижение продолжается и в настоящее время, хотя, вероятно, темпы его несколько снизились. Рост младенческой смертности в конце 70-х годов, о котором так много говорилось на Западе, является с одной стороны, следствием этого замедления, а с другой, — связан с улучшением учета в южных областях страны.¹³ Сами цифры детской смертности в настоящее время очень невелики — меньше одного человека в год на тысячу живущих, что свидетельствует о медицинских и социальных достижениях. По территории страны это снижение происходит неравномерно, захватывая в первую очередь европейское население и жителей больших

городов. Это хорошо видно на примере младенческой смертности. По последним данным она составляла 30 на тысячу в деревне и 20 в городе, 15–18 на тысячу в европейской части СССР и 45–50 на тысячу в Средней Азии.¹⁴ Дальнейшее снижение детской смертности связано не столько с какими-либо новыми достижениями медицины, сколько с повышением культурного уровня населения, (правильный уход за детьми, своевременное обращение к врачу и т.д.). Насколько важную роль играют в наши дни культурно-социальные факторы, видно по данным американской статистики. Так, детская смертность в Калифорнии у белого населения составила 8.1 на тысячу родившихся, причем у матерей с образованием более 13 лет (то есть окончивших школу и учащихся в институтах) 6.3 на тысячу, а при образовании 0–11 лет (не окончившие школу) 12.2 на тысячу — почти в два раза выше. У негритянского населения соответствующие цифры равны: 16.2 (средняя) 12.9 (с образованием) и 23.1 (неоконченное образование). Матерей, находившихся под наблюдением врача с начала беременности, смертность новорожденных составила 7.5 на тысячу (белые) и 14.7 на тысячу (черные), а обратившиеся к врачам в последние три месяца беременности или не обращавшиеся вообще дали детскую смертность 15.9 (белые) и 30.8 (черные).¹⁵ Эти огромные различия показывают, как много зависит от внимания уделяемого ребенку и матери ребенка.

В юношеских и средних возрастах тенденции изменения смертности у мужчин и женщин в СССР носят различный характер. Смертность мужчин снизилась к концу 50-х годов в 2–3 раза, а затем снова выросла, примерно, в полтора раза (табл. 3). Женская смертность в этих возрастах снизилась заметно сильнее (в 8–10 раз) и рост в 70–80-х годах был очень небольшим лишь у поколений старше 45 лет (табл. 3). Большие различия между смертностью мужчин и женщин явление характерное не только для СССР, но и для всех развитых стран. Однако для возрастов старше 25 лет эта разница

намного выше в Советском Союзе, чем в США (табл. 4). Это свидетельствует о больших социально-производственных нагрузках, падающих на мужское население в СССР. Мужская смертность старше 40, не слишком сильно отличается от начала века, в то время как женская смертность ниже в 2–4 раза.

Распространено мнение, что высокая смертность советского населения связана в первую очередь с плохим медицинским обслуживанием и низким уровнем жизни. Это не совсем так, что видно из сопоставления смертности женщин в США и в СССР за двадцатилетний период 1959–1979 гг. По оценке профессора М. Фешбаха советские женщины в возрасте 0–4 года в 1959 г. потеряли к 1979 г. 0.8% своей численности, в то время как женщины США за 20 лет между переписями 1960 и 1980 гг. в том же возрасте потеряли 1%.¹⁶ Поколения 0–4 лет охватывают младенческие возрастные группы постоянно пользующиеся медицинской помощью и живущие в обычных условиях в семьях, то есть в отношении питания и других характеристик быта, это обычные круги советского населения. Конечно, мужчины соответствующего возраста находятся в тех же условиях и пользуются той же медицинской помощью.

Близость смертности советских и американских женщин в младших возрастах на протяжении долгого периода, не может не вызывать удивления. Из этого следует, что медицинская система обслуживания младенцев, детей и юношей в СССР работает лучше, чем в Америке, а уход за детьми, их питание и прочие факторы по крайней мере не хуже. Совершенно очевидно, что это не так и объяснение парадокса кроется, очевидно, в плохой сопоставимости сведений переписей по поколениям в результате неполноты учета различной для разных возрастных групп. Это хорошо видно и на приведенных Фешбахом сведениях по Узбекистану. Поколение мужчин 0–4 лет в 1959 г. имело там численность 707 тыс., а женщин 685 тыс. В 1979 г. эти поколения в возрасте 20–24 лет составляли соответственно 717 и 743 тыс.

человек. Увеличение не может быть объяснено только миграцией, особенно тот факт, что число женщин выросло в шесть раз сильнее числа мужчин, которые, как известно, являются более подвижным элементом. Следовательно речь может идти только о значительном недоучете младших возрастных групп в Узбекистане в 1959 г. Однако, с другой стороны, нет оснований говорить об очень плохом уровне жизни и медицинского обслуживания для младших возрастов советских граждан.

Похожая картина наблюдается и в старших возрастах. По переписи 1959 г. в СССР насчитывалось 32855 тысяч женщин старше 45 лет, из них 13067 тыс. старше 60 лет. В 1979 г. в возрасте старше 65 лет насчитывалось 17563 тыс., то есть убыль составила 15292 тыс. или 46.5%.¹⁷

В США по переписи 1960 г. насчитывалось 27485 тыс. женщин старше 45 лет, из них 12789 тыс. старше 60 лет. К переписи 1980 г. убыль этих поколений составила 12243 тыс., а с учетом убыли приехавших в этих возрастах за 20 лет, примерно, 700 тыс. женщин, убыль равнялась 12940 тыс. или 47%¹⁸ от первоначальной численности. Небольшое преимущество советских женщин кажущееся, так как у американок иное распределение по возрасту внутри группы (больше старых женщин за 60 и 70). Однако очевидно, что смертность пожилых советских женщин довольно близка к американскому уровню. Это удивительный результат, если учесть разницу в медицинском обслуживании, уровне жизни и национальном составе. В СССР входят восточные республики с преобладанием мусульманского населения и довольно высоким уровнем смертности у женщин. По-видимому, близость уровня смертности пожилых в СССР и США в период 1959–79 гг. отчасти объясняется повышенной жизнеспособностью поколений советских женщин, родившихся в начале века. Эти поколения прошли высокий искусственный отбор в годы революции (болезни и голод), коллективизации, 2 мировой войны и к 1959 году оказались более малочисленными и несколько

более жизнестойкими.¹⁹ Поэтому можно считать 20-летний период 1959–79 гг. относительно благополучным для пожилого населения Советского Союза и имеющийся уровень смертности должен постепенно повышаться в результате постарения "неотсортированных" поколений.

Смертность женщин в среднем возрасте и в СССР и в США относительно невелика, но в Советском Союзе она намного выше. За 20-летний период поколения женщин 10–44 лет в СССР потеряли около 3 млн. (около 5%). В США эта убыль оказалась немного меньше миллиона (с учетом миграции) 1.5%. Очевидно, что огромная разница в смертности женщин среднего возраста связана не столько с уровнем медицинского обслуживания, сколько с условиями жизни и работы. Очевидно, что уровень смертности женщин и детей примерно характеризует уровень медицины и качество жизни в стране. Естественно, что в СССР положение обстоит несколько хуже, чем в развитых странах Запада, в частности в США. Однако не катастрофически хуже, расхождение с американским уровнем для отдельных поколений составляет 15–20%, иногда до 40% (табл. 4). Совсем иначе обстоит дело у мужчин. Их продолжительность жизни меньше, чем в США, на 8 лет, а смертность в отдельных возрастных группах больше американской в 1.5–2 раза. Лишь у поколений 10–30 лет смертность мужчин в СССР не слишком сильно отличается от убыли мужчин в США. Очевидно, это связано в первую очередь с характером смертности (несчастные случаи, хулиганство и т.п.). В более старших возрастах сказываются тяжелые условия труда и последствия пьянства. Кроме того, в старших возрастах (за 60) сказываются, очевидно, последствия войны: ранения, тяжелые условия жизни военного и послевоенного времени. В настоящее время тяжелый предшествующий период все больше сказывается на здоровье выживших. По мере убыли старших, пострадавших поколений, эта причина повышенной смертности будет все менее сказываться на здоровье населения.

Мы считаем, что колебания в уровне смертности и отчасти ее рост связаны с погрешностями статистического учета. Это позволяет принимать в расчете уровень смертности отдельных возрастных групп на более высоком и относительно постоянном уровне, игнорируя небольшие изменения отдельных коэффициентов.

В прогнозном расчете 1980–2000 гг. принимается уровень смертности 1979 г. и предполагается, что он будет продолжать немного повышаться в средних и старших возрастных группах. Это повышение фактически является переходом к нормальной естественной смертности населения. В 90-х годах смертность будет оставаться постоянной во всех возрастах, кроме самых младших, у которых она будет постоянно снижаться. Это снижение должно произойти из-за постепенного внедрения западного оборудования и лекарств, и повышения культурного уровня всего населения, и особенно жителей восточных районов.

ЧИСЛЕННОСТЬ ПО ПОКОЛЕНИЯМ

Повозрастная численность населения известна только в годы переписей и только для укрупненных интервалов. Для 1959 и 1970 гг. эти сведения опубликованы для каждой республики.²⁰ Данные 1979 г. официально не публиковались, а появились сравнительно недавно в статье М. Фешбаха для всей страны и четырех республик: РСФСР, Украины, Латвии и Узбекистана.²¹ В нашем распоряжении имеются также сведения о повозрастном составе населения страны, совпадающие с данными Фешбаха и численность по полу и возрасту русских и узбеков. Можно предположить, что другие коренные нации Средней Азии не сильно отличаются по половозрастному составу от узбеков, а русские, украинцы и другие немусульманские народы Киргизии, Таджикистана и Туркмении близки по данным о возрасте к населению Узбекистана (минус собственно узбеки). Таким образом

может быть восстановлена возрастная структура всего населения Средней Азии. Распространив данные по РСФСР, Украине и Латвии на жителей Белоруссии, Молдавии и Казахстана, мы получили возрастную структуру славянского региона. А разница между общесоюзными сведениями и данными по республикам Средней Азии и региона РСФСР позволяет узнать приблизительный возрастной состав населения Закавказья.

Конечно, все эти расчеты дают некоторую ошибку, так же, как и сами сведения при переписях известны с большой погрешностью. Эта погрешность, однако, не должна сказаться на долгосрочных расчетах населения, так же, как и ошибки, возникающие при разукрупнении пятилетних возрастных интервалов. Так, в частности, нами было проведено сопоставление сглаживания данных французского исследователя Ж. Бирабена и имеющихся фактических сведений. Параллельные расчеты показали, что за 10–15 лет разница в вариантах дает расхождение на 100–150 тысяч.²

Таким образом, для расчетов использовались разукрупненные до однолетних интервалов сведения о численности поколений мужчин и женщин на даты переписей. Ошибки довольно значительные для отдельных возрастных групп для всего населения взаимопогашаются, и становятся сравнительно небольшими.

Для отдельных регионов значительную роль играет миграция. Оценки численности уехавших и приехавших в Закавказье и Среднюю Азию между переписями могут быть получены сопоставлением данных о рождаемости и смертности с общей численностью. Используя данные по переписям, мы как бы вносим коррективы на миграцию. Прогноз миграционных потоков в 80–90-х годах является самостоятельной важной проблемой.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТА

Расчет заключается в оценке численности каждого поколения мужчин и женщин в каждом году между

переписями 1959, 1970, 1979 гг. по коэффициентам дожития. В 1959–1970, 1970–1979 и 1979–2000 гг. происходит прямой расчет постепенного убывания каждого поколения в связи с его старением. При этом учитываются и поколения, рожденные в данном году. В 1950–1959 гг. вычисление идет в обратную сторону, мы вычисляем какова была численность каждого поколения в предыдущем году.

В результате расчета известна численность каждого возраста мужчин и женщин в каждом году от 1950 до 2000. Этот расчет проведен как для всей страны, так и для трех главных регионов: РСФСР и другие республики с преобладанием европейского населения, Закавказье, Средняя Азия. Как уже отмечалось выше, наши представления об уровне смертности в республиках заметно менее достоверны, чем данные для всей страны. Однако суммарные сведения о численности населения по полу, опубликованные для ряда лет, служат проверкой общей (суммарной) ошибки. Некоторой проверкой служит также общая тенденция изменения, которая для поколений, родившихся после второй мировой войны, выражены достаточно плавно и связаны с рождаемостью в соответствующие годы. Для пострадавших во время катастроф поколений, также известны тенденции изменения численности, хотя и неизвестен размер самих изменений.

Результаты расчета для поколений в трудоспособных возрастах приведены в таблицах 5–13.

Сопоставление общей численности населения по расчету и по официальным данным может служить некоторой проверкой точности полученных данных. Эти расхождения очень невелики, не превышают 0.1–0.2% от общей численности населения. Погрешность у мужчин изредка бывает несколько выше – в 1965 г. 400 тыс. (0.4%), у женщин она заметно меньше. Эта точность много выше погрешностей учета численности населения переписями или учета числа работающих текущей статистикой. Правда, это суммарная оценка и не исключено,

что ошибки для отдельных поколений выше, но они имеют разный знак и компенсируют друг друга. Также понятно, что при прогнозе на будущее ошибка возрастет, так как вместо реальных данных о рождаемости, мы пользуемся гипотетическими оценками, а предположения об уровне смертности могут оказаться ошибочными. Однако и в этом случае общая ошибка не должна быть слишком велика. В подтверждение сошлемся на близкое совпадение полученных результатов с оценками советских демографов.

Общая численность населения по нашему расчету на начало 2000 года будет 304.8 млн. человек. Советские авторы оценивают эту численность в 300–310 млн., как правило, близко к 305 млн. Еще большее значение имеет совпадение оценок работающей части населения. Профессор Б. Хорев считает, что в трудоспособном возрасте (то есть женщины 16–54, мужчины 16–59) будет 56% жителей страны. По нашему расчету (табл. 13) – 55.7%. Профессор М. Бедный пишет, что число лиц в возрасте старше 60 лет приблизится к 18%.²³ У нас 16.9%. Он пишет, что число рабочих и служащих будет около 140 млн. По нашим расчетам – 141 млн.

Прогнозные расчеты американских исследователей также дают довольно близкие результаты. Число занятых в трудоспособном возрасте, по нашим оценкам составило в 1980 г. 153.6 млн., по прогнозу Болдвина 154.8 млн. Разница в 1.2 млн. связана, очевидно, с тем, что американским исследователям не были известны результаты переписи 1979 г. Важно, однако, что расхождение не увеличивается во времени. Для 1985 г. наша оценка 157.7 млн. Болдвина 158.5 млн.; для 1990 г. оценки совпадают – 160.8 млн., к 2000 году, по нашим расчетам, мужчин 16–59 лет и женщин 16–54 лет будет 169.8 млн., по данным американского исследователя – 171 млн. Еще ближе оказались результаты по Средней Азии – в начале рассматриваемого периода они практически совпадают, в конце в 2000 году расходятся на 400 тыс. человек (22.4 млн. по нашим данным 22.8 млн.

по Болдвину. Такого же порядка расхождения отмечены в расчетах по Закавказью.²⁴ Эти совпадения увеличивают надежность и других оценок численности отдельных групп населения сделанных на основе расчета.

Таким образом представляется, что картина изменения численности населения СССР как в целом, так и по поколениям, полученная с помощью расчетов, близка к действительности. Ошибки для отдельных возрастных групп не превышают нескольких процентов, а в целом намного меньше одного процента. Численность населения за полвека возрастет на 78 млн. мужчин и 59 млн. женщин. Сравнительно невысокая убыль мужчин, обеспечившая высокий рост их численности, связана с повышенными мужскими потерями в предыдущие годы. Этот источник близок к исчерпанию. Разница в численности поколений мужчин и женщин составит в 2000 г. 13 млн., причем 8.7 млн. падает на поколения старше 70 лет. Очевидно, что еще через 10–15 лет, к 2010–2015 гг., дефекты половозрастной пирамиды советского населения окажутся совсем малозаметными. В настоящее время разница ощутима лишь в поколениях старше 55 лет, то есть не очень заметно отражается на трудовых ресурсах страны. Зато численность пенсионеров мужчин вырастет за период 1985–2000 гг. с 11 млн. до 19 млн., почти на 75%. Число женщин старше 60 лет возрастет на меньшую величину — 6.5 млн. с 25 млн. до 31.4 млн. В населении страны доля поколений старше 60 увеличится с 13% в 1985 г. до 17% в 2000. При этом доля населения в возрасте 16–59 лет изменится незначительно — с 60.4% в 1985 г. до 59.8% в 2000. Доля населения в возрасте 16–64 года меняется более существенно, с 64.3% в 1985 г. до 63.2% в 2000. Население в основном рабочем возрасте 20–59 сократится еще более заметно — с 51.1% до 49.3% за тот же период. Следует отметить, что в середине 60-х годов положение было более тяжелым, рабочие возраста составляли всего 53.7% от всего населения; численность 60–64-летних — максимального резерва рабочей силы была 60%, а эффективные трудовые

ресурсы (20–59 лет) составляли всего 46,9–47%.

Еще хуже обстояло дело с мужскими рабочими руками. В 1950 г. мужчины 16–59 лет составляли всего 25% населения, а 20–59 лет – 20,9%. Обе цифры постоянно росли и достигли в 1985 г. 29,5% и 26,5%. В будущем предполагается некоторое снижение этих данных, примерно, на один процент (табл. 5–9).

К 2000 году доля Средней Азии и Закавказья вместе в общей численности населения и в трудовых ресурсах возрастет до 20% и 19,5% соответственно. В середине века они были близки к 10% и затем постепенно возрастали, причем население росло быстрее, чем численность в возрастных группах занятых в хозяйстве (16–59, 16–64). В 1985 г. народы этих территорий составляли 16,5% от населения и 15% от трудовых ресурсов страны.

Иное положение наблюдается в районах с преобладанием славянского населения. Прирост численности с 1950 по 1985 гг. составлял здесь в среднем по 2 млн. человек в год. Постепенно этот рост замедляется и должен замедлиться еще больше. В 1985–90 гг. он составит 5,5 млн., в 1990–95 гг. 2,5 млн., в 1995–2000 гг. 1,5 млн. человек. Трудовые ресурсы стабилизируют численность намного быстрее. Численность женщин в возрасте 16–54 года практически перестала расти с конца 70-х годов и в конце века положение заметно не изменится. Число мужчин 16–59 лет будет мало меняться с начала 80-х годов (табл. 6–7). Наступила стабилизация и в других возрастных интервалах.

Одновременно происходит перестройка возрастной структуры населения, причем в различных регионах она носит разный характер.

В Средней Азии увеличивается численность во всех возрастных группах. Но темп этого роста меньше у старших возрастов. Если за 50 лет, 1950–2000, в возрастных группах до 50 лет наблюдается рост в 4–5 раз, то у более старших возрастов рост составляет 1,5–2,5 раза.

В Закавказье заметный рост отмечается также почти

во всех возрастных группах. Исключение составляют 20–29-летние, у которых в конце 80-х годов сказывается эхо войны (дети родившихся в 1941–45 гг. также принадлежат к более малочисленным поколениям). Численность младших возрастных групп увеличилась в Закавказье за 50 лет в 1.5–2 раза, средних возрастов в 2–3 раза, а старших также, примерно, в 3 раза (табл. 11–12).

У жителей РСФСР и прилегающего региона для поколений до 30 лет отмечается не рост, а некоторое снижение численности. Это обстоятельство, как отмечали многие исследователи, должно сказаться на национальном составе призывного контингента советской армии. Если в 1950 г. жители Средней Азии и Закавказья составляли 10% всех 18–19-летних, в 1980 г. — 18%, то к 2000 году их доля увеличится до 25%.

В средних возрастных группах по региону славянского населения отмечается рост, примерно, в полтора раза, причем у мужчин он выше, чем у женщин, из-за высоких военных потерь в некоторых поколениях родившихся в начале века. В возрастных группах старше 50 лет рост численности по РСФСР самый заметный, в 2–3 раза (табл. 8–10).

Таким образом, в этом регионе в перспективе до конца века прироста трудовых ресурсов не будет. Весь рост по стране будут обеспечивать районы Средней Азии и Закавказья.

ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ

До сих пор речь шла о резервах рабочей силы, однако не менее существенным является ее использование. Переписи населения содержат некоторые сведения о занятости населения по возрастам, распределении населения в основных возрастных группах по занятиям и источникам средств существования. В 1959 году среди мужчин трудоспособного возраста не работали около 14%. Они учились в школе и институте (около 2.8 млн.), были на пенсии (2.5 млн.), просто не работали 1.4 млн.,

около 3% численности. Среди женщин число неработающих превысило 20 млн., составив почти треть трудовых ресурсов. Большую часть неработавших составляли домашние хозяйки и занятые на приусадебных участках.

Среди лиц старше пенсионного возраста продолжали работать 42% мужчин и 16 % женщин. Главным их занятием было, очевидно, сельское хозяйство, в тот период пенсии по возрасту колхозникам не выдавались.

Наибольшая доля занятых падает у мужчин на поколение 30–39 лет 95%, а у женщин на возрастную группу 20–29 лет 75%. Женщины более старших возрастов больше заняты уходом за детьми и домашним хозяйством.

Для 1970 г. сведения о занятых, к сожалению, не распределены по полу. По сравнению с 1959 г. повысилась вовлеченность в производство средних возрастов. Так например, в 1959 г. в возрасте 40–49 лет работало 76.2% мужчин и женщин, а в 1970 г. – 91.8%. Зато в старших возрастах занятость в 70 г. оказалась меньше – 43.2% для 55–59-летних (в 1959 г. 46.7%); 15.1% для мужчин и женщин 60–69 лет (в 1959 г. 35.5%). Снижение занятости пожилых вызвано не столько изменением занятий, сколько самим фактом введения пенсий колхозникам. Размер этой пенсии был очень незначительным и колхозники в основной массе продолжали работать, если не в колхозе, то на приусадебном участке, но в официальной статистике они уже считались пенсионерами и отмечали этот факт в переписных листах.

В 1979 году перепись зафиксировала продолжение снижения занятости возрастных групп старше пенсионного возраста, что является следствием отмеченного выше факта расширения числа пенсионеров. Несколько сократилось число работающих мужчин в 16–24 года, что связано с большей долей учащихся в старших классах и институтах. Выросла занятость в возрастах 25–54 лет.

Отмеченные тенденции могут быть условно проэкстраполированы на ближайшие 15 лет. Среди молодежи будет постепенно увеличиваться доля учащихся, 25–

54-летние будут все более интенсивно привлекаться к труду, хотя, видимо, для 25–50-летних предел возможного роста уже близок. Мужчины 55–59 лет также будут более интенсивно вовлекаться в производство, а число занятых в более старших возрастах будет и для мужчин и для женщин примерно одинаковым. Эти предположения, конечно, гипотетические, но вероятная ошибка не может быть слишком велика. В результате мы получаем возможность по возрастному составу населения оценить численность пригодных для работы в народном хозяйстве при данной социальной структуре занятости (учащиеся, пенсионеры по возрасту и болезни и т. п.). (Таблица 14).

Занятость по возрастам в союзных республиках известна еще хуже, чем в целом по стране. В 70 г. данные опубликованы без дифференциации по полу, а для 1979 г. вообще отсутствуют. Однако имеющиеся сведения позволяют считать, что различие с общесоюзными материалами не так уж велико. В младших и средних возрастах занятость населения в Средней Азии и Закавказье несколько меньше, чем в районах с преобладанием славянского населения. У поколений за 60 лет занятость в южных регионах выше. Это объясняется в значительной степени характером занятий (сельское хозяйство), невысокой численностью старших возрастов, а также ошибками в учете возраста при переписях. В общем балансе трудовых ресурсов эти возраста не играют заметной роли и, вероятно, их занятость постепенно будет снижаться и в восточных районах страны.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО ЗАНЯТИЯМ

Существует большое расхождение между численностью населения по занятиям — полученного при переписях и данными текущей статистики — среднегодовой численностью, публикуемой в справочниках "Народное хозяйство". Главной причиной расхождения является, очевидно, разный подход: при переписях фиксируются занятые, независимо от продолжительности занятия, в текущей статистике сведения даются в среднегодовом исчислении. Естественно, что занятые на сезонных работах учтены при переписях наравне с другими, а при текущем учете пропорционально продолжительности занятия. Однако сезонность труда является не единственной помехой в сопоставлении материалов переписей с текущей статистикой. Армия, КГБ, закрытые объекты, видимо, по-разному фиксируются в этих сведениях. Кроме того, и те и другие материалы недостаточно детально расшифровываются при публикации.

Наиболее полные данные по переписям были опубликованы для 1959 года. (Табл. 17.) Общее расхождение в оценке числа занятых составляет 13.4 млн., 13.6% от данных переписи. В том числе 6.1 млн. рабочих и служащих и 7.8 млн. крестьян. В эти цифры не включены 2.8 млн. рабочих и служащих и 0.8 млн. колхозников, находившихся в рядах Советской армии. Причина расхождения заключается в различном характере учета. При переписи занятия указываются, независимо от продолжительности и учитывается число людей, работавших хотя бы небольшое время за последний год. В текущем среднегодовом учете предполагается полная занятость, то есть все проработанное время делится на полную нагрузку одного работающего. Таким образом, неполная занятость, прогулы, пропуски работы в результате увольнения — все это снижает число работающих.

Разница в численности занятых по отраслям экономики между переписью и текущей статистикой легко объяснима. В промышленности перепись учла на 2.4 млн.

(10%) больше. По официальным данным в промышленности из 307 рабочих дней, приходившихся на одного рабочего в 1960 г., было фактически отработано 267 дней и 17 дней занял отпуск. В эту статистику не входят потери времени уволившимися с работы и выгнанными за прогулы. Рост числа занятых также ведет к неполной занятости, так как вновь поступающие на работу приходят не в начале года, а скорее во второй половине (после окончания школы). Рост в 1958—59 году числа занятых в промышленности на 600 тыс. означает потерю приблизительно 300 тыс. человеко-лет, 1,5% от всего рабочего времени в промышленности в 1958 году. В строительстве разрыв существенно больше — 1.1 млн., почти 20% занятых. И действительно, в строительстве наблюдается огромная текучесть кадров и заметное изменение численности по временам года. На транспорте наблюдается обратное соотношение — текущий учет дает заметно более высокую численность, чем перепись. Дело в том, что зимой (то есть во время переписи) число транспортных рабочих (грузчики, рабочие по ремонту путей и т.д.) заметно меньше, чем летом и осенью во время уборки. Поэтому среднесписочный состав работников транспорта оказывается увеличенным за счет колхозников и других работников нанимаемых на сезон.

Кадры торговых работников, тоже очень текучи, но в отличие от транспортников, они числят себя при переписи за основным занятием в торговой сети, очевидно потому, что это преимущественно горожане, в отличие от колхозников, нанимающихся на временную работу на транспорт.

Огромный разрыв между числом занятых и среднесписочным составом наблюдается в сельском хозяйстве — 11.4 млн. человек. Это свидетельствует о том, что сельские жители были заняты не полный год, а лишь в горячий сезон. Следует иметь в виду, что среди них было большое число лиц пенсионного возраста, не получавших пенсии и поэтому вынужденных работать, хотя бы часть времени.

В материалах текущей статистики заметная часть работников транспорта (около 1.5 млн.) переброшена в непроизводственную сферу, в то время как переписью они, вероятно, все отнесены к области материального производства. Значительные расхождения отмечены в данных об аппарате государственного управления, насчитывающем по переписи на 800 тысяч больше, чем при текущем учете (включая в управлении и органы государственного страхования). Вероятно, в текущем учете отсутствуют сведения о милиции в данных переписи. Возможно также, что текущая статистика не включает служащих партийного аппарата и общественных организаций.

В остальных отраслях разница между сведениями переписи и текущего учета совсем невелика.

Однако расхождение данных переписи и текущей статистики связано не только с неполной занятостью и сезонностью. Обращает на себя внимание разница в среднегодовом исчислении рабочих и служащих по переписи (58.9 млн. чел.) и в справочнике "Народное хозяйство" 55.9 млн. в 1958 г. и 57.9 млн. в 1959 г.²⁶ Если составители сборника материалов переписи имели в виду календарный 1959 г., то значит в их распоряжении имелись сведения о миллионе работающих не учитываемых текущей статистикой, если предполагался год между 1 июля 1958 и 1 июля 1959 г., то разница составит 2 млн. человек. По-видимому, какие-то группы работающих не включены в обычный статистический учет. Это могут быть некоторые работники сферы управления (милиция, партийные кадры), а возможно, работающие в закрытых городах или в оборонной промышленности.

Таким образом, расхождения в отдельных отраслях народного хозяйства между данными переписи и среднегодовой статистикой объяснимы в первую очередь неполной занятостью населения и текучестью кадров. Они невелики там, где занятия населения требуют квалификации и довольно устойчивы (в промышленности, связи, образовании, науке и здравоохранении). Напротив, в

сельском хозяйстве разница превышает 10 млн. человек, не считая 4 млн. занятых в подсобном хозяйстве. Это также хорошо согласуется с сезонностью сельских работ.

Существенны однако не только расхождения между данными переписи и текущей статистикой, но и различия внутри самих сведений переписи. Так, в переписи приводится суммарная численность занятых физическим и умственным трудом и разбивка этой цифры по отдельным профессиям. При этом однако список профессий дан не полностью и сумма полученная сложением отдельных цифр оказывается меньше приведенного итога. Для занятых физическим трудом разница составляет 500 тыс. (78.6 млн. и 78.1 млн.), для работников умственного труда расхождение равно 1.9 млн. (20.5 млн. и 18.6 млн.). Перепись дает сведения отдельно для женщин.²⁷ При этом занятых умственным трудом с указанием профессий 10852 тыс. женщин, а в сумме 11054 тыс. женщин. Следовательно, неизвестны профессиональные занятия 200 тыс. женщин и 1.7 млн. мужчин.

От общей численности мужчин занятых умственным трудом это составляет 20%. Какими же могут быть чисто мужские занятия в таких размерах? Одно из них очевидно: милиция и КГБ. Указанные в графах по отраслям работники общественного порядка не выделены в профессиональном составе населения в таблице 47. Судя по другим таблицам, их численность 430 тыс. Вероятно, практически эта цифра выше. Второй категорией, охваченной цифрой 1.7 млн. мужчин является, очевидно, офицерский корпус армии. Дело в том, что разбивка по умственному и физическому труду дана для всех 99.1 млн. занятых, то есть с учетом военнослужащих. Так как рядовые не выделены в отдельную графу, они приписаны к своим допризывным занятиям; по профессиям могут быть распределены и технические армейские службы, но офицерский состав армии не подходит для включения ни в одну из упомянутых в списке граф. Таким образом, можно предположить следующее распределение мужчин умственного труда, не отмеченных

в таблице занятий: 200 тыс. пропущенные профессии (как и у женщин), 600 тыс. милиция и КГБ, 900 тыс. офицерский корпус.

Похожую картину демонстрируют данные переписи 1970 года. Численность занятых умственным трудом за 11 лет между переписями выросла с 19345 тыс. до 31445 тыс. (При этом из работников умственного труда были заведующие ларьками и некоторые другие профессиональные занятия.) Пополнение занятых умственным трудом произошло главным образом за счет женщин, они составили 59% всех работников умственного труда. Численность женщин выросла на 8.4 млн. за 11 лет, а мужчин только на 3.7 млн. При этом численность работников умственного труда неизвестных профессий выросла с 1.9 млн. в 1959 г. до 3063 млн. в 1970 г., в том числе женщин неочевидных занятий стало 962 тыс., вместо 200 тыс., а мужчин — 2.1 млн., вместо 1.7 млн.

Следует иметь в виду, что период 1959–70 гг. был с точки зрения трудовых ресурсов очень напряженным, так как в рабочие возраста вступали малочисленные поколения, родившиеся в годы войны. Поэтому рост занятости обеспечивался повсеместно вовлечением в производство женщин. При этом численность мужчин увеличилась почти во всех занятиях. Она заметно сократилась лишь среди работников торговли (на 90 тыс.) и работников планирования и учета (на 150 тыс.), бухгалтеры, учетчики, контролеры) и там и там, примерно, на 15%.²⁸ Прирост мужчин был выше роста численности женщин лишь среди руководящих занятий (357 тыс. мужчин и 111 тыс. женщин), а также среди инженеров (2.3 млн. мужчин и 1.1 млн. женщин), руководителей научных подразделений, работников культуры. Преобладание прироста женщин в группе неуказанных занятий свидетельствует о том, что речь идет либо о традиционных женских работах, либо о профессиях малоквалифицированных, где также преобладает женский труд. С другой стороны, соотношение прироста мужчин и женщин во всех занятиях умственного труда 1:2.3, а в

неуказанных профессиях 1:1.9, то есть среди неизвестных занятий некоторые, вероятно, преимущественно мужские.

Очевидно, что неуказанные занятия делятся на две группы: секретные (милиция, КГБ, армия) и новые (программисты, операторы, перфораторщицы). Во вторую группу входят, вероятно, некоторые старые, не слишком почетные профессии: корректоры, билетеры и т.п. В 60-е годы отмечено участие женщин в группе секретных профессий, их участие в штатах милиции, КГБ и армии. В частности, паспортистки и заведующие детскими комнатами милиции почти повсеместно женщины. Только эти два занятия должны привлекать несколько десятков тысяч женщин. В армии женщины использовались в административно-хозяйственном аппарате и в медицинском обслуживании. Условно будем считать, что около 100 тыс. занято в закрытой системе, милиции, армии и КГБ. Следовательно, 862 тыс. женщин по переписи 1970 г. относились к мирным, но неизвестным профессиям. Можно предположить, что к этим профессиям принадлежало также некоторое количество мужчин, вероятно, не больше, чем пропорция мужчин среди занятых умственным трудом (41%). Судя по отношению мужчин и женщин в приросте занятых, эта цифра должна быть еще меньше (около 35%). Принимая первую из этих двух цифр приходим к выводу, что около 590 тысяч мужчин были заняты в обычных, но не указанных в перечне профессиях, а всего мужчин и женщин в этих занятиях числилось 1452 тыс. мужчин и женщин. На долю милиции, КГБ и армии (офицерский корпус) остается 1611 тыс. работников умственного труда, то есть на сто тысяч больше, чем в 1959 году. Рост за 11 лет кажется слишком небольшим. Это, вероятно, связано с некоторым преувеличением численности мужчин занятых в мирных, неуказанных в перечне профессиях. Скорее всего состав занятых в этих профессиях более женский.

Расхождение между данными переписи и среднегодо-

вой численностью в 1970 году по сравнению с 1959 годом оказалось заметно меньше — 5.5 млн. (4.6%), но характер его остался таким же. Это уменьшение в действительности еще больше, чем следует из сопоставления цифр, так как в 1970 году военнослужащие включались в сведения переписи о занятых, в то время как в 1959 г. они выделялись в отдельную графу. В промышленности, транспорте, связи и строительстве по переписи 1970 г. было на 2.5 млн. (5%) больше, чем по сведениям текущей статистики. Эта разница очень мала. Так, только в 1969–70 гг. число занятых в этих отраслях возросло на 1.166 млн. То есть, только за счет неполной занятости этих людей в течение года возникает разница в 1.2%. Снижение расхождения в сельском хозяйстве в 1970 г., по сравнению с 1959 г. больше чем в два раза, связано в первую очередь с введением пенсий колхозникам, что позволило сельским старикам при переписи не относить себя к работающим.²⁹ Несомненно, что сезонность работ продолжала играть важную роль в деревне. По сравнению с 1959 г. снизилась в 1970 г. разница между переписью и текущей статистикой в торговле, сохранилась на прежнем уровне в административном управлении. Несколько увеличилось различие в коммунальном хозяйстве. Это связано с большим количеством строительно-ремонтных работ сезонного характера.

В 1979 году сведения о занятиях публиковались в очень сжатой форме. Всего было работающих 134860 тыс. (без занятых в личном подсобном хозяйстве). По сведениям об образовании занятых в производстве можно также рассчитать численность работающих в материальной сфере и в нематериальной.

Известно, что всего в народном хозяйстве имели образование от высшего до неполного среднего 805 человек из тысячи работавших. В отраслях материального производства 780 человек, а в нематериальной сфере 888 человек на тысячу. Составив два уравнения с двумя неизвестными, получаем численность занятых в материальном производстве 103 млн. человек, а в нематери-

альном — 31.86 млн. По сведениям текущей статистики среднегодовое число занятых в исчислении на 1.1. 1979 г. составляло 127.2 млн., из них в материальном производстве числились 90.6 млн. (не считая 3.8 млн. занятых в подсобных хозяйствах), а в нематериальной сфере — 32.8 млн.³⁰ Общая нехватка занятых 11.5 млн. объясняется как и в предыдущие годы текучестью кадров и неполной занятостью, особенно в сельском хозяйстве.

Сведения об образовании позволяют разделить общее число занятых в материальном производстве на работающих в сельском и лесном хозяйстве и на занятых в промышленности и других отраслях. В первой группе лиц с образованием, включая неполное среднее, 629 на тысячу работающих, во второй — 840. При расчете этих данных численность по отраслям (промышленность, строительство, транспорт, связь, торговля, снабжение, заготовки) принималась по данным текущей статистики и пропорционально этим сведениям для 1979 г. получен взвешенный коэффициент. При этом возможна небольшая ошибка за счет расхождений между сведениями текущего учета и данным переписи. Но эта ошибка должна быть очень невелика, так как уровень образования во взвешиваемых группах отличается мало (промышленность 839 на тысячу, транспорт — 832, строительство — 849, торговля — 845, снабжение — 834, заготовки — 723, но численность занятых на заготовках сравнительно невелика). Решая уравнения, получаем, что численность занятых в сельском и лесном хозяйстве по переписи 1979 г. равна 29.3 млн., а во всех остальных отраслях материального производства — 73.7 млн.

По сведениям текущего учета в сельском и лесном хозяйстве занято 23 млн. чел., в среднем за год (1978—79), а в других отраслях материального производства — 67.6 млн. Таким образом, в сельском хозяйстве расхождение между численностью занятых по переписи и среднегодовым учетом составляет 6.3 млн. Эта разница выросла по сравнению с 1970 г. на 1.6 млн. и можно предположить, что заметную роль при этом играют районы Средней Азии, где происходил рост сельского населения. Во всех остальных сферах деятельности, кроме сельско-

го хозяйства, разрыв переписи и текущего учета составил 5.2 млн. человек или 4.9% численности. В 1970 г. эта цифра была равна 4.6 млн., в 1959 г. — 4.6. Близость данных за 1970 и 1979 гг. указывает на то, что в существующих условиях потери рабочего времени в промышленности и других областях деятельности, кроме сельского хозяйства, стабилизировались. Это позволяет и для прогнозного периода 1985–2000 гг. предполагать постоянное соотношение между числом работающих и среднегодовой численностью занятых.

Существует мнение, что советское военное производство полностью исключено из статистического учета. В том числе не указываются и рабочие оборонной промышленности. Попытаемся рассмотреть эту идею с учетом приведенных выше сведений о занятиях населения.

Возможны два варианта такого сокрытия данных: 1. занятые в военной промышленности указаны в числе занятых по переписям, но пропускаются в текущей статистике; 2. занятые в военной промышленности в переписях, указываются как неработающие. Теоретически возможен и третий вариант полного изъятия из переписей связанных с военным производством. Однако вероятность в последнем случае очень невелика, так как такое изъятие сильно исказило бы многие данные: возрастной состав, сведения о браках, согласованность текущей статистики рождаемости с численностью отдельных поколений мужчин и женщин и т.д.

Первый вариант, расхождение между сведениями о занятых в переписях и текущей статистике был выше рассмотрен. В 1959 г. в промышленности, транспорте, строительстве и непроеизводственной сфере разница составила 7.5% от занятых, в 1970 г. — 5.3%, в 1979 г. — 4.9%. Здесь важно не только относительно небольшая величина самой цифры, легко объяснимая текучестью кадров, но и ее снижение между переписями, так как совершенно очевидно, что число занятых в оборонной промышленности должно возрастать. Ясно, что численность "спрятанных" таким способом рабочих и служащих не может быть велика (не больше 1–2 млн. человек), так как текучесть рабочей силы имеет место.

Рассмотрим второй вариант. Разница между численностью населения в трудоспособном возрасте и числом работающих в этом возрасте по данным переписей достаточно велика. В 1959 г. из 119.8 млн. мужчин и женщин трудоспособного возраста работали 92.7 млн., то есть 27.1 млн. не работали. В 1970 г. 130.5 млн. человек трудоспособного возраста, работало около 109.5 млн.

В 1979 г. численность населения в трудоспособном возрасте была 151884 тыс., из них работали 130109 тыс. и не работали 21.8 млн.

Хотя численность неработающих довольно велика, она во всех случаях легко объяснима. Дело в том, что границы трудоспособного возраста довольно широки и включают с одной стороны, учащихся школ и вузов, с другой стороны, пенсионеров, рано выходящих на пенсию профессий (военные, горняки и т.п.). Так, в 1959 г. среди неработающих в трудоспособном возрасте 5 млн. составляли школьники и студенты, 4.1 млн. пенсионеры, 5 млн. трудились на приусадебных участках (большинство из них женщины) и только 12.9 млн. собственно не имели занятий. В том числе 11.5 млн. составляли женщины — домашние хозяйки и кормящие матери, и только 1.4 млн. приходилось на долю мужчин. Неработающие мужчины трудоспособного возраста включали, вероятно, две основные группы: безработных, в момент переписи менявших место работы, и нетрудоспособных, но не получавших пособия по инвалидности (в тот период пенсионное обеспечение не охватывало еще сельское население). Таким образом, совершенно очевидно, что никаких разрывов для сокращения заметного числа трудоспособных мужчин в переписи 1959 г. не обнаруживается.

В 1970 году выросла доля занятых в возрастных группах 20—54 лет по сравнению с 1959 г. Так в 59 г. среди 20—29-летних работали 83%, в 1970 г. — 87%; среди 30—39-летних — 81.7 и 91.6% и т.д. (табл. 14). Снижение занятости в младших и старших поколениях связано с ростом численности учащихся в средней школе и институте и с упорядочением пенсионного обеспечения

в деревне.

В 1979 г. неработающих мужчин и женщин трудоспособного возраста было примерно одинаково: 11.9 млн. женщин и 9.9 млн. мужчин. Среди них 4.2 млн. составляли пенсионеры. Учащиеся двух старших классов, то есть 16–18-летние составляли около 7 млн. (так как дневную среднюю школу в 1980 г. окончили 2728 тыс., в 1981 г. — 2616 тыс.). Студенты дневного обучения составляли 5.9 млн. человек.

Численность учащихся совпадает с числом неработающих в самых младших возрастах. В 1979 г. численность 16-летних была равна 4881 тыс., из них не работало 4523 тыс. 17-летних — 4982 тыс. и 3295 тыс., 18-летних — 5167 тыс. и 2059 тыс., 19-летних — 5030 и 1323 тыс. Всего в возрасте 16–19 лет не работало 11.2 млн. детей. Конечно в число студентов входит и некоторое количество 20–24-летних (не работало 3442 тыс.) и людей более старших возрастов.³¹

От общей численности школьников и студентов мужчины составляли примерно 50%, а среди пенсионеров немного большую долю. Таким образом, среди неработающих мужчин учащиеся и пенсионеры составляли 8.5 млн. и только 1.4 млн. не имели занятия в момент переписи без очевидной причины. По-видимому, это в основном безработные. Среди женщин около 400 тысяч заняты в личном и подсобном хозяйстве, а всего, таким образом, в трудоспособном возрасте без известных занятий числится 2.9 млн. Это, очевидно, кормящие матери, домохозяйки и безработные в данный момент.

В работе Рубашкина и Даджаева приводятся данные об уровне занятости населения в общественном хозяйстве и на учебе с отрывом от производства % от численности трудовых ресурсов. В 1959 г. она составила 82%, в 1970 г. — 92.4%, а в 1979 г. — 94%.³² 6% незанятых в 1979 году составляют около 8 млн., то есть равно сумме пенсионеров и незанятых мужчин и женщин (4.3 млн.).

Таким образом разрыв в численности населения

в трудоспособном возрасте и числом занятых на производстве в этом же возрасте постепенно сокращается. Разница между численностью и занятыми приходится на учащихся и пенсионеров. На долю "скрытого" труда приходится не более 1.5 млн. мужчин, но и эта часть весьма вероятно объясняется другими причинами, в частности, временной безработицей.

ПРОГНОЗ ЧИСЛА ЗАНЯТЫХ

Зная на даты переписей возрастную структуру занятых и их общую численность, можно с помощью расчета по сведениям о возрастном составе населения получить оценку для промежуточных между переписями лет и на ближайшие годы. На перспективу такая оценка численности работающих предполагает, что социальный характер занятости не изменится (не будет безработицы), не изменится возраст выхода на пенсию и т.д. Предполагается также некоторое увеличение занятости в средних и старших возрастах и снижение ее у группы до 25 лет в связи с ростом численности учащихся.

Общее число работающих мужчин и женщин составляло в 1950 г. 83.1 млн. человек. К 1985 г. оно достигло 143 млн., а к 2000 году будет близко к 155 млн. По отдельным десятилетиям этот рост выглядит следующим образом:

годы	миллионов человек		
	мужчин	женщин	всего
1950–59	11.8	5.2	16.9
1960–69	5.6	9.4	15
1970–79	11.7	10.3	22
1980–89	7.1	2.3	9.4
1990–99	4.4	3.8	8.2

Мы видим, что прирост числа работающих постепенно сокращается. Правда, минимальный уровень конца 80-х начала 90-х годов в конце века снова несколько увели-

чивается, но все же до роста на 2 млн. в год, постоянно отмечавшегося в 70-е годы, он вновь подняться не сможет. Тенденции мужчин и женщин по приросту ресурсов заметно отличаются. У мужчин почти постоянно присутствует максимальная занятость и рост зависит от демографических особенностей: малочисленности поколений рожденных в годы войны и участвовавших в войне. Заметное влияние эти особенности перестанут оказывать в первом десятилетии нового века, когда на пенсию выйдут поколения 1941–46 гг. рождения.

У женщин, наряду с демографическими особенностями, важную роль играло повышение их занятости, которое, по-видимому, к 80-м годам достигло некоторого потолка, что привело к приостановке роста трудовых ресурсов. В конце века последние деформированные поколения выйдут за пределы женского пенсионного возраста и дальнейшая динамика трудовых сил будет определяться послевоенной рождаемостью.

В региональном разрезе прирост трудовых ресурсов был также весьма различен. В 50-е годы доля Средней Азии и Закавказья не превышала 10%, в 70-е годы она выросла до 25%, причем вклад Средней Азии был в два раза выше, чем Закавказья, в середине 80-х годов эти регионы дали уже половину прироста рабочих рук, причем доля Средней Азии еще более возросла. В конце века РСФСР и прилегающие территории дадут лишь треть трудовых ресурсов, Средняя Азия 60%, а Закавказье немного более 10% (табл. 13).

Проблема осложняется еще тем, что население Средней Азии слабо мигрирует не только в другие регионы, но даже из села в город. За пределами региона и Казахстана живет всего 159 тысяч узбеков, киргизов, таджиков и туркмен, меньше 1% их общей численности. На строительстве БАМа, привлекавшем население всех районов страны, доля коренных национальностей Средней Азии была в 12 раз меньше, чем в населении страны. В составе рабочей силы на предприятиях Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса на-

считывалось в 1978 г. только 20% таджиков.³³

Среди узбеков, туркмен, таджиков низок процент людей, проживающих в сельской местности менее двух лет (1.4% в 1970 г. и 3.8% в 1979 г.).³⁴

Обследование показало, что число потенциальных мигрантов (то есть лиц, которые осознали преимущества городской жизни и хотели бы переехать) составляло в сельской местности РСФСР 21%, а Узбекистана — 6%. Причем соотношение потенциальных и реальных мигрантов было у русских 4:1, а у узбеков 10:1.

61% выпускников сельских средних школ Узбекистана и Туркмении хотят по данным социологического обследования остаться в сельской местности.³⁵

Правда постепенно расширяется роль маятниковой миграции вокруг крупных среднеазиатских городов, позволяющей жителям совместить привычную обстановку родного дома с городской работой. Сопоставление сведений о естественном приросте населения с данными о его численности показывает, что в 1971–85 гг. Средняя Азия была местом миграции и за эти годы туда переехало около 550 тыс. человек. Закавказье за тот же период лишилось, примерно, 300 тыс.³⁶ жителей. Правда в советской литературе распространена и другая точка зрения, согласно которой в последние годы направление миграции среднеазиатского населения изменилось.³⁷ Возможно, общие показатели естественного движения населения действительно недостаточно тонкий инструмент для учета миграционного потока. Однако несомненно, что о массовой миграции с юга говорить пока не приходится.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ СО СРЕДНЕГОДОВЫМ ЧИСЛОМ РАБОТАЮЩИХ

Выше отмечалось, что численность занятых по данным переписей расходится со среднегодовым числом работающих, учтенным текущей статистикой. Соотно-

шение между этими показателями во времени не было постоянным.

Для прогноза использовались три ряда цифр. Официальные сведения о среднегодовой численности работающих без учета, занятых в частном подсобном хозяйстве (таблица 16, кол. 2), официальные сведения, включающие занятых на приусадебных участках (там же, кол. 3), оценки общего числа занятых, включая армию и широкий частный сектор (кол. 4). Следует отметить, что последняя цифра мало отличается от оценки занятых, начиная со второй половины 70-х годов. В начале 70-х она даже перекрывает на 4–5% число занятых по переписям. Эти колебания в значительной степени связаны с оценками числа работающих в частном секторе. Официальная цифра среднегодовой численности рабочих, служащих и колхозников по отношению к резерву рабочей силы (оцениваемому по переписям) ведет себя более плавно. Доля занятых растет, начиная с 50 г. вплоть до 1974, увеличившись при этом с 81.6% до 94.1%. Затем происходит снижение до 92% и на таком уровне соотношение сохраняется вплоть до наших дней. Следует отметить, что небольшой период с 1970 по 1975 гг., когда соотношение было выше 92%, вряд ли можно считать нормальным. Он был с демографической точки зрения наиболее неблагоприятным, так как перед этим к активной трудовой жизни приступили малочисленные поколения родившиеся в годы второй мировой войны и в трудовом возрасте оставались еще более малочисленные когорты 1914–21 гг. рождения. Начиная с 1974 г. поколения, родившиеся в первую мировую войну начинают уходить на пенсию.

Те же причины обеспечили более высокую долю использования трудовых ресурсов в среднегодовом исчислении и при их учете с занятыми на приусадебных участках.

В будущем трудно предполагать заметное улучшение положения с занятостью из-за неравномерного прироста численности рабочей силы по территории. Некоторое

влияние должно оказать увеличение числа учащихся в институтах и рост отпусков после рождения ребенка до полутора лет. Трудно ожидать и заметных изменений численности меняющих работу (потеря рабочего времени при переходах) и сезонно занятых. С другой стороны, сокращение размеров строительства и улучшение положения в деревне — организация постоянных производств — должны дать некоторое снижение потери рабочего времени на одного работающего. Вероятно, без большой ошибки можно предположить, что соотношение занятых на начало года (данные переписей) и занятых в среднегодовом исчислении будет оставаться примерно таким же, как в течение последних десяти лет. По этой пропорции сделан прогнозный расчет среднегодовой численности до 2000 года. По прогнозу число занятых в народном хозяйстве изменится за 1985—2000 гг. на 11 млн., по пятилетиям: на 3.3 млн., 3.5 млн. и 4.1 млн. человек. Это в 2—3 раза меньше, чем в предшествующие пятилетки.

Учет занятых в подсобном хозяйстве и служащих в армии мало меняет общую картину.

Полученные данные для конца века заметно расходятся с оценками некоторых американских исследователей, приводимыми М. Фешбахом, согласно которым рост трудовых ресурсов к 2000 году достигнет вновь чуть ли не 2 млн. человек в год.³⁸

По нашему расчету эта цифра не превысит 1 млн. При этом большая часть прироста трудовых ресурсов произойдет в Средней Азии.

Таким образом на протяжении всего периода 1985—2000 годов СССР будет стоять перед проблемой ограниченности трудовых ресурсов, невозможности расширять число работающих прежними темпами. Второй проблемой будет неравномерное распределение трудовых сил по территории страны, национальный состав молодых поколений вступающих на трудовой путь. Вопрос заключается в том, насколько удастся правительству организовать переброску рабочих рук из южных районов в вос-

точные и насколько молодые жители Средней Азии и Закавказья могут быть ассимилированы русскоязычной средой. Процессы ассимиляции и миграции происходят уже сегодня и их изучение может помочь ответить на вопрос: удастся ли советскому правительству преодолеть демографический взрыв в мусульманских районах страны и включить растущее население юга в экономическую жизнь государства. Практически ответ на этот вопрос означает — станет ли Советский Союз сильнее или слабее к концу века.

ТАБЛИЦА 1

**ФАКТИЧЕСКАЯ И ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ
ПЛОДОВИТОСТЬ ПО РЕСПУБЛИКАМ**
(Число рождений на 1000 женщин данного возраста)

Республика		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
РСФСР (село)	1980	32	166	108	53	37	5	1.5
	1990	40	186	118	58	25	5	1.5
	2000	28	168	115	55	25	5	1.5
РСФСР (город)	1980	29	136	103	53	32	5	1.4
	1990	36	143	100	50	16	5	1.4
	2000	34	153	107	57	15	5	1.4
Армения (село)	1980	36	262	210	120	81	31	6.0
	1990	40	229	177	90	40	18	3.0
	2000	35	225	163	80	38	15	2.0
Армения (город)	1980	36	199	146	71	43	10	1.0
	1990	35	190	130	60	18	6	1.7
	2000	32	190	126	56	18	4	1.4
Узбеки- стан (село)	1980	30	343	342	280	236	110	22.0
	1990	35	320	310	270	175	78	15.0
	2000	33	280	255	220	135	50	10.0
Узбеки- стан (город)	1980	36	201	185	135	88	36	7.0
	1990	30	190	170	117	45	15	3.0
	2000	30	180	155	100	40	15	3.0

ТАБЛИЦА 2

ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ В ГОД ПО РЕГИОНАМ

год	В тысячах					В процентах к СССР				
	СССР	Славян- ский	Прибал- тика	Закав- казье	Средняя Азия	Славян- ский	Прибал- тика	Закав- казье	Средняя Азия	
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	
1950	1805	4128	114	215	348	85,9	2,4	4,5	7,2	
1951	1855	4242	113	217	363	85,6	2,3	4,8	7,3	
1952	1848	4262	110	251	385	84,9	2,2	5,1	7,8	
1953	1754	4027	104	256	387	84,7	2,2	5,0	8,1	
1954	5135	4349	108	268	410	84,7	2,1	5,2	8,0	
1955	5047	4256	109	278	424	83,9	2,2	5,5	8,4	
1956	5023	4175	107	289	452	83,1	2,1	5,8	9,0	
1957	5194	4293	110	298	463	83,1	2,1	5,8	9,0	
1958	5240	4326	116	313	485	82,6	2,2	6,0	9,3	
1959	5265	4324	117	327	497	82,1	2,2	6,2	9,4	
1960	5341	4327	119	344	551	81,0	2,2	6,4	10,3	
1961	5192	4163	119	347	563	80,2	2,3	6,7	10,8	
1962	4959	3940	115	340	564	79,5	2,3	6,9	11,4	
1963	4758	3732	111	342	573	78,4	2,3	7,2	12,0	
1964	4457	3429	109	339	586	76,9	2,4	7,6	13,0	
1965	4253	3225	104	325	599	75,8	2,4	7,6	14,1	
1966	4242	3209	105	321	607	75,6	2,5	7,6	14,3	
1967	4093	3074	105	303	609	75,2	2,6	7,4	14,9	
1968	4088	3026	107	307	618	74,0	2,6	7,5	15,9	
1969	4087	3042	108	291	646	74,4	2,6	7,4	15,8	
1970	4226	3147	111	297	671	74,5	2,6	7,0	15,9	
1971	4372	3253	113	294	712	74,4	2,6	6,7	16,3	
1972	4404	3303	112	283	706	75,0	2,5	6,4	16,0	
1973	4386	3256	107	288	735	74,2	2,4	6,6	16,8	
1974	4546	3377	108	292	749	74,3	2,4	6,4	16,9	
1975	4612	3411	108	297	794	74,0	2,3	6,4	17,3	
1976	4720	3471	109	303	837	73,5	2,3	6,4	17,7	
1977	4693	3473	108	299	813	74,0	2,3	6,4	17,3	
1978	4763	3492	108	304	859	73,3	2,3	6,4	18,0	
1979	4807	3498	109	313	887	72,8	2,3	6,5	18,5	
1980	4851	3540	109	314	888	73,0	2,2	6,5	18,3	
1981	4961	3578	110	331	942	72,1	2,2	6,7	19,0	
1982	5108	3693	98	326	996	72,3	1,9	6,4	19,4	
1983	5400	3922	98	345	1035	72,6	1,8	6,4	19,2	
1984	5387	3864	97	353	1073	71,7	1,8	6,5	19,9	
1985	5217	3720	97	347	1053	71,3	1,9	6,7	20,2	
1986	5191	3664	98	354	1075	70,6	1,9	6,8	20,7	
1987	5150	3589	98	356	1107	69,7	1,9	6,9	21,5	
1988	5125	3528	98	359	1140	68,8	1,9	7,0	22,2	
1989	5115	3476	99	360	1179	68,0	1,9	7,0	23,1	
1990	5063	3420	99	339	1204	67,6	2,0	6,7	23,8	
1991	5038	3359	99	338	1242	66,7	2,0	6,7	24,7	
1992	5003	3306	99	337	1262	66,1	2,0	6,7	25,2	
1993	4976	3254	98	334	1290	65,4	2,0	6,7	25,9	
1994	4963	3216	98	332	1318	64,8	2,0	6,7	26,5	
1995	4861	3079	97	330	1355	63,3	2,0	6,8	27,9	
1996	4893	3070	97	328	1397	62,7	2,0	6,7	28,6	
1997	4948	3081	98	327	1442	62,3	2,0	6,6	29,7	
1998	5018	3167	98	327	1486	61,9	2,0	6,5	29,6	
1999	5099	3137	99	329	1535	61,5	1,9	6,4	30,1	
2000	5201	3182	99	331	1588	61,2	1,9	6,4	30,5	

ТАБЛИЦА 3

ВЕРОЯТНОСТЬ УМЕРЕТЬ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА
(из 100000 живущих в начале года)

Воз- раст	Мужчины				Женщины				Отношение убыли мужчин к убыли женщин			
	1896-97	1958-59	1968-71	1985	1896-97	1958-59	1968-71	1985	1896-97	1958-59	1968-71	1985
0	29800	4424	2786	2901	25900	3677	2180	2257	1.15	1.20	1.28	1.29
5	2040	143	94	80	2020	117	69	61	1.01	1.22	1.36	1.31
10	684	103	67	63	648	70	45	37	1.06	1.47	1.49	1.70
15	457	113	97	82	529	77	47	41	0.86	1.47	2.06	2.0
20	663	205	208	196	670	117	75	69	0.99	1.75	2.77	2.84
25	747	273	291	277	791	135	91	81	0.94	2.02	3.20	3.42
30	789	328	389	381	862	160	119	106	0.92	2.05	3.27	3.59
35	931	402	491	487	994	195	167	155	0.94	2.06	2.94	3.14
40	1120	519	636	708	1120	259	218	228	1.00	2.00	2.92	3.11
45	1480	668	842	997	1340	328	326	341	1.10	2.04	2.58	2.92
50	1880	1004	1132	1409	1650	474	476	506	1.14	2.12	2.38	2.78
55	2540	1502	1624	1997	2390	683	679	806	1.06	2.20	2.39	2.48
60	3260	2222	2322	2871	3310	1028	981	1094	0.98	2.16	2.37	2.62
65	4870	3074	3493	4027	5030	1651	2668*	1819	0.97	1.86	1.31	2.21
70	6770	4404	4864	5691	6660	2793	5041*	3073	1.02	1.58	0.96	1.85
75	8790	6363	7357	8129	8520	4594	8267*	5106	1.03	1.39	0.89	1.59
80	11208	9253	10707	11672	11200	7500	12427*	8368	1.00	1.23	0.86	1.39

* — Значения завышены, что очевидно, связано с погрешностями учета.

ТАБЛИЦА 4

ЧИСЛО УМЕРШИХ В ДАННОМ ВОЗРАСТНОМ ИНТЕРВАЛЕ
ИЗ 100.000 РОДИВШИХСЯ

	МУЖЧИНЫ			ЖЕНЩИНЫ			США м:ж	СССР м:ж
	США 1978	СССР 1985	СССР: США	США 1978	СССР 1985	СССР: США		
0-1	1527	2901	1.90	1224	2257	1.84	1.25	1.29
1-5	304	1084	3.57	234	969	4.14	1.30	1.12
5-10	191	347	1.82	137	231	1.69	1.39	1.50
10-15	214	295	1.38	121	172	1.42	1.77	1.72
15-20	713	599	0.84	272	255	0.94	2.62	2.35
20-25	982	1094	1.11	328	354	1.08	2.99	3.09
25-30	919	1464	1.59	355	425	1.20	2.59	3.44
30-35	916	1941	2.12	428	585	1.37	2.14	3.32
35-40	1189	2496	2.10	617	862	1.40	1.92	2.90
40-45	1762	3575	2.03	1022	1256	1.23	1.72	2.85
45-50	2740	4685	1.71	1615	1842	1.14	1.70	2.54
50-55	4254	6307	1.48	2413	2764	1.15	1.76	2.28
55-60	6076	8082	1.33	3475	3960	1.14	1.75	2.04
60-65	8936	10082	1.13	5187	5488	1.06	1.72	1.84
65-70	11018	11643	1.06	6710	8533	1.27	1.64	1.36
70-75	13539	12548	0.93	9741	12368	1.27	1.40	1.01
75-80	14999	12070	0.80	14051	16005	1.14	1.07	0.75
80-85	13259	9724	0.73	16546	17409	1.05	0.80	0.56
ст. 85	16460	9063	0.55	35524	24265	0.70	0.49	0.37

ТАБЛИЦА 5
НАСЕЛЕНИЕ СССР ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(млн. человек)

год	Всего (1)	Все население муж. жен. (2) (3)		Население в рабочем возрасте Всего муж. жен. 16-59 16-54 16-54 (4) (5) (6)		
1950	178.5	78.4	100.1	103.3	44.6	58.7
1955	194.3	86.5	107.8	113.8	50.8	63.0
1958	205.3	92.2	113.1	119.7	54.7	65.0
1959	208.8	94.0	114.8	119.8	55.1	64.7
1960	212.5	96.0	116.6	119.5	55.3	64.3
1961	216.3	97.9	118.4	119.3	55.4	63.9
1962	219.9	99.8	120.1	119.3	55.7	63.6
1963	223.2	101.5	121.7	120.6	56.7	64.0
1964	226.3	103.1	123.2	121.6	57.5	64.1
1965	228.9	104.4	124.5	123.2	58.5	64.7
1966	232.4	106.3	126.1	124.7	59.7	65.0
1967	234.8	107.6	127.2	126.5	60.8	65.7
1968	237.1	108.8	128.3	128.1	62.0	66.1
1969	239.6	110.3	129.3	129.2	63.0	66.3
1970	241.7	111.4	130.3	130.7	64.0	66.7
1971	244.1	112.3	131.8	132.8	64.9	67.9
1972	246.3	113.4	132.9	135.2	66.1	69.1
1973	248.7	114.7	134.0	137.6	67.2	70.4
1974	250.9	115.9	135.0	139.7	68.5	71.2
1975	253.2	117.1	136.1	142.3	69.8	72.5
1976	255.5	118.3	137.2	144.9	71.4	73.5
1977	257.8	119.6	138.2	147.7	73.1	74.6
1978	260.0	120.8	139.3	150.1	74.8	75.3
1979	262.1	121.9	140.2	151.9	76.1	75.9
1980	264.3	123.1	141.2	153.6	77.4	76.2
1981	266.6	124.3	142.2	155.0	78.6	76.4
1982	268.9	125.6	143.3	155.9	79.5	76.4
1983	271.2	126.9	144.3	156.8	80.4	76.4
1984	273.9	128.4	145.5	157.1	81.1	76.1
1985	276.5	129.8	146.6	157.7	81.6	76.1

Таблица 5 (продолжение)

	Всего	муж. 16-64	жен. 16-64	Всего	муж. 20-59	жен. 20-54
год	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
1950	112.4	46.5	66.0	88.5	37.3	51.2
1955	124.4	52.9	71.4	96.5	42.2	54.3
1958	131.7	56.9	74.8	102.7	46.2	56.5
1959	132.3	57.4	74.9	105.1	47.7	57.4
1960	132.4	57.6	74.8	107.4	49.2	58.2
1961	132.5	57.8	74.7	109.4	50.4	59.0
1962	132.8	58.1	74.7	110.9	51.4	59.4
1963	134.6	59.2	75.5	111.1	51.8	59.3
1964	135.9	60.1	75.8	110.3	51.8	58.6
1965	138.1	61.3	76.8	109.9	51.8	58.2
1966	139.7	62.5	77.3	109.4	51.9	57.5
1967	142.1	63.9	78.3	110.4	52.6	57.8
1968	144.1	65.1	79.0	111.2	53.4	57.8
1969	146.5	66.3	80.2	111.9	54.2	57.8
1970	148.3	67.5	80.9	113.3	55.2	58.1
1971	150.6	68.5	82.1	115.1	55.9	59.2
1972	152.7	69.8	82.9	117.0	56.9	60.1
1973	154.8	71.0	83.8	119.1	57.9	61.2
1974	156.8	72.3	84.5	120.7	58.9	61.8
1975	159.2	73.7	85.5	123.0	60.1	62.9
1976	161.2	75.1	86.1	125.3	61.4	63.9
1977	163.6	76.5	87.0	127.6	62.8	64.8
1978	165.5	77.8	87.6	129.8	64.3	65.5
1979	167.5	79.1	88.4	131.9	65.8	66.1
1980	169.2	80.2	88.9	133.9	67.4	66.6
1981	171.0	81.3	89.7	136.0	68.9	67.1
1982	172.7	82.4	90.5	137.8	70.3	67.5
1983	175.0	83.5	91.5	139.4	71.6	67.8
1984	176.2	84.3	91.9	140.3	72.6	67.8
1985	177.8	85.3	92.6	141.2	73.3	67.9

Таблица 5 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1986	278.2	131.2	147.7	158.0	82.0	76.0
1987	281.2	132.5	148.7	158.7	82.3	76.4
1988	283.5	133.8	149.7	159.2	82.5	76.7
1989	285.6	135.0	150.6	160.0	82.6	77.3
1990	287.6	136.1	151.4	160.8	82.9	77.9
1991	289.5	137.2	152.3	161.4	83.1	78.3
1992	291.3	138.3	153.1	162.1	83.6	78.5
1993	293.2	139.3	153.8	162.5	84.1	78.4
1994	294.9	140.3	154.6	163.0	84.7	78.3
1995	296.7	141.3	155.4	163.5	85.3	78.2
1996	298.4	142.3	156.1	164.3	85.8	78.5
1997	300.0	143.2	156.8	165.0	86.1	78.9
1998	301.7	144.2	157.5	166.2	86.3	79.9
1999	303.2	145.0	158.2	167.8	86.5	81.3
2000	304.8	145.9	158.9	169.8	87.0	82.8

Таблица 5 (продолжение)

год	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
1986	179.3	86.1	93.1	141.7	73.8	67.9
1987	180.8	87.0	93.7	142.4	74.1	68.3
1988	182.0	87.9	94.1	143.0	74.1	68.9
1989	183.1	88.7	94.4	143.1	74.1	69.0
1990	183.9	89.3	94.6	143.6	74.1	69.4
1991	184.7	89.9	94.8	144.0	74.3	69.7
1992	185.3	90.3	95.0	144.4	74.6	69.7
1993	185.8	90.6	95.2	144.7	75.1	69.6
1994	185.9	90.8	95.2	145.0	75.6	69.4
1995	186.4	91.0	95.3	145.6	76.2	69.4
1996	186.9	91.4	95.5	146.3	76.6	69.6
1997	188.0	91.9	96.1	146.9	76.9	70.0
1998	189.2	92.5	96.6	147.8	76.9	70.9
1999	190.8	93.4	97.5	149.1	77.0	72.1
2000	192.7	94.3	98.4	150.4	77.1	73.3

ТАБЛИЦА 6
МУЖЧИНЫ СОСР ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(млн. человек)

	16-17	18-19	20-24	25-29	30-49	50-54	55-59	60-69	> 70
год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1950	3.4	3.9	9.6	5.3	17.2	2.8	2.5	3.2	1.5
1955	4.7	3.9	8.7	9.5	18.2	3.4	2.6	3.7	2.0
1958	3.9	4.5	9.2	9.7	20.6	3.8	2.8	4.0	2.3
1959	3.1	4.3	10.1	8.9	21.8	4.0	2.9	4.1	2.5
1960	2.2	3.9	10.7	8.6	22.8	4.0	3.1	4.2	2.6
1961	1.9	3.1	10.9	8.3	23.8	4.3	3.2	4.4	2.7
1962	2.1	2.2	10.7	8.6	24.4	4.3	3.5	4.4	2.8
1963	2.9	1.9	9.6	9.1	25.1	4.5	3.6	4.5	2.8
1964	3.6	2.1	8.2	9.9	25.5	4.5	3.7	4.6	2.9
1965	3.8	2.9	7.0	10.5	25.9	4.6	3.7	4.7	3.0
1966	4.2	3.6	6.1	10.7	26.8	4.3	4.0	4.9	3.0
1967	4.3	3.8	6.1	10.5	28.0	4.1	4.9	5.0	3.1
1968	4.4	4.2	6.6	9.5	29.5	3.7	4.1	5.2	3.1
1969	4.5	4.3	7.6	8.1	30.6	3.7	4.2	5.8	3.4
1970	4.5	4.4	8.6	6.7	32.2	3.4	4.3	5.9	3.4
1971	4.6	4.4	9.7	5.9	32.7	3.4	4.2	6.2	3.7
1972	4.8	4.4	10.2	5.8	33.6	3.5	3.9	6.4	3.7
1973	4.8	4.5	10.6	6.3	33.7	3.8	3.5	6.6	3.7
1974	4.8	4.7	10.8	7.4	33.3	4.0	3.4	6.7	3.8
1975	5.0	4.7	11.0	8.5	32.9	4.5	3.2	6.8	3.9
1976	5.2	4.8	11.2	9.6	32.4	5.0	3.1	6.7	4.0
1977	5.3	5.0	11.4	10.0	32.3	5.7	3.3	6.5	4.1
1978	5.2	5.2	11.6	10.5	32.2	6.5	3.5	6.2	4.2
1979	5.0	5.3	12.0	10.7	32.0	7.4	3.7	6.2	4.3
1980	4.9	5.2	12.3	10.9	32.2	7.9	4.1	6.0	4.4
1981	4.6	5.0	12.6	11.1	32.3	8.3	4.6	5.8	4.5
1982	4.4	4.9	12.8	11.3	32.8	8.2	5.3	5.7	4.6
1983	4.3	4.6	12.8	11.5	33.2	8.0	6.0	5.7	4.8
1984	4.1	4.3	12.6	11.9	33.8	7.4	6.8	5.8	4.8
1985	4.1	4.2	12.2	12.1	34.6	7.1	7.2	6.0	4.9

Таблица 6 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
986	4.1	4.1	11.7	12.4	35.2	6.9	7.6	6.4	4.9
987	4.2	4.1	11.2	12.6	35.3	7.2	7.6	7.1	4.8
988	4.3	4.3	10.8	12.5	35.7	7.9	7.2	8.9	4.7
989	4.4	4.2	10.5	12.4	35.9	8.4	6.8	8.8	4.6
990	4.4	4.3	10.3	12.0	36.4	8.9	6.5	9.5	4.6
991	4.4	4.4	10.3	11.5	37.1	9.0	6.3	10.2	4.5
992	4.5	4.4	10.3	11.1	37.7	8.8	6.6	10.6	4.5
993	4.6	4.4	10.6	10.6	38.9	7.9	7.1	11.0	4.5
994	4.6	4.5	10.7	10.4	40.2	6.7	7.8	11.1	4.6
995	4.5	4.6	10.9	10.2	41.3	5.7	8.2	11.1	4.8
996	4.6	4.6	11.0	10.2	42.1	5.0	8.3	11.2	5.1
997	4.7	4.5	11.1	10.2	42.5	4.9	8.1	11.4	5.4
998	4.8	4.5	11.2	10.4	42.7	5.4	7.3	11.7	5.9
999	4.9	4.6	11.3	10.5	42.6	6.3	6.3	11.8	6.4
000	5.1	4.8	11.3	10.7	42.6	7.2	5.3	12.0	6.8

ТАБЛИЦА 7

ЖЕНЩИНЫ СССР ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(млн. человек)

	16-17	18-19	20-24	25-29	30-49	50-54	55-59	60-69	70
ГОД	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1950	3.5	4.0	10.7	8.0	27.6	4.8	1.0	5.7	3.1
1955	4.8	4.0	8.9	10.5	28.5	6.3	4.6	6.8	4.2
1958	4.0	4.6	9.4	10.2	30.5	6.3	5.7	7.5	4.8
1959	3.1	4.3	10.3	9.3	31.4	6.4	5.8	7.6	5.4
1960	2.1	3.9	10.8	8.9	32.0	6.5	6.1	7.9	5.5
1961	1.8	3.1	11.1	8.5	32.4	6.9	5.9	8.5	5.8
1962	2.0	2.1	10.8	8.9	32.7	7.0	5.2	8.7	6.1
1963	2.8	1.8	9.8	9.3	32.8	7.4	6.1	9.1	6.3
1964	3.5	2.0	8.2	10.2	32.8	7.4	6.2	9.5	5.6
1965	3.7	2.8	7.0	10.8	32.7	7.7	6.2	9.8	6.8
1966	4.0	3.5	6.0	11.1	33.2	7.2	6.7	10.1	7.0
1967	4.2	3.7	5.9	10.7	34.2	7.0	6.7	10.3	7.2
1968	4.3	4.0	6.4	9.7	35.5	6.2	7.1	10.7	7.3
1969	4.4	4.1	7.4	8.3	35.9	6.2	7.5	11.3	7.5
1970	4.3	4.3	8.4	6.8	37.1	5.7	7.7	11.7	7.8
1971	4.5	4.3	9.5	6.0	37.8	5.8	7.4	12.0	8.3
1972	4.7	4.3	10.0	5.8	38.3	6.0	7.0	12.4	8.5
1973	4.7	4.5	10.4	6.3	37.8	6.6	6.2	12.8	8.8
1974	4.7	4.6	10.7	7.3	36.9	7.0	6.1	13.0	9.2
1975	4.9	4.7	10.8	8.5	35.9	7.7	5.6	13.3	9.5
1976	4.9	4.7	11.1	9.5	35.0	8.3	5.6	13.2	9.9
1977	4.9	4.9	11.3	10.0	34.6	8.9	5.8	12.9	10.2
1978	4.9	4.9	11.5	10.4	34.3	9.3	6.4	12.5	10.5
1979	4.8	4.9	11.8	10.6	33.9	9.7	6.7	12.4	11.0
1980	4.7	4.9	11.9	10.8	34.0	9.8	7.4	12.1	11.3
1981	4.5	4.8	12.1	11.0	34.1	9.9	8.0	11.7	11.7
1982	4.2	4.7	12.2	11.2	34.5	9.5	8.6	11.5	12.1
1983	4.1	4.5	12.2	11.4	34.9	9.2	9.0	11.5	12.5
1984	4.0	4.2	12.0	11.8	35.5	9.5	9.4	11.7	12.8
1985	4.0	4.1	11.8	11.9	36.3	8.0	9.5	11.9	13.1

Таблица 7 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1986	4.0	4.0	11.3	12.1	36.8	7.7	9.6	12.4	13.2
1987	4.1	4.0	11.0	12.1	37.1	8.1	9.2	13.2	13.0
1988	4.2	4.0	10.7	12.1	37.2	8.9	8.9	14.0	13.0
1989	4.3	4.1	10.3	12.0	37.3	9.5	8.2	14.8	12.9
1990	4.3	4.2	10.1	11.7	37.5	10.1	7.7	15.4	12.7
1991	4.3	4.3	10.1	11.3	38.0	10.3	7.5	16.0	12.7
1992	4.4	4.3	10.1	10.9	38.6	10.1	7.8	16.2	12.6
1993	4.5	4.3	10.3	10.5	39.7	9.1	8.3	16.3	12.8
1994	4.5	4.4	10.4	10.2	41.0	7.7	9.2	15.9	13.1
1995	4.4	4.5	10.7	10.0	42.1	6.5	9.8	15.5	13.5
1996	4.4	4.5	10.8	10.1	43.1	5.7	10.0	15.4	13.8
1997	4.5	4.4	10.9	10.1	43.5	5.5	9.8	15.4	14.3
1998	4.6	4.4	11.0	10.3	43.7	6.0	8.8	15.6	14.6
1999	4.7	4.5	11.0	10.4	43.7	7.0	7.4	15.8	15.0
2000	5.0	4.6	11.1	10.6	43.6	8.0	6.3	15.9	15.5

ТАБЛИЦА 8

НАСЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО РЕГИОНА ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

год	Все население			Население в рабочем возрасте		
	Всего	муж.	жен.	Всего	муж. 16-59	жен. 16-54
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1950	159.9	69.6	90.3	93.4	40.0	53.4
1955	173.6	76.7	96.7	102.7	45.5	57.2
1958	182.8	81.5	101.3	107.9	49.1	58.9
1959	185.7	83.0	102.6	108.0	49.4	58.6
1960	189.4	84.7	104.7	107.6	49.5	58.1
1961	191.4	86.2	105.3	107.3	49.6	57.7
1962	194.2	87.6	106.6	107.2	49.9	57.3
1963	196.8	88.9	107.9	108.4	50.7	57.7
1964	199.0	90.1	108.9	109.1	51.4	57.7
1965	200.9	91.1	109.8	110.6	52.4	58.2
1966	203.5	92.5	111.0	111.8	53.3	58.4
1967	205.2	93.4	111.8	113.3	54.3	59.0
1968	206.7	94.2	112.5	114.6	55.3	59.3
1969	208.4	95.3	113.1	115.3	56.1	59.2
1970	209.8	95.9	113.8	116.5	57.0	59.5
1971	211.4	96.4	115.0	118.1	57.6	60.5
1972	212.9	97.2	115.6	119.9	58.5	61.4
1973	214.5	98.1	116.4	121.8	59.4	62.5
1974	215.9	98.9	117.1	123.4	60.3	63.1
1975	217.4	99.7	117.7	125.3	61.3	64.0
1976	218.9	100.5	118.4	127.3	62.6	64.7
1977	220.3	101.3	119.1	129.4	63.9	65.5
1978	221.8	102.1	119.7	131.1	65.2	65.9
1979	222.6	102.5	120.1	132.0	65.9	66.2
1980	224.0	103.3	120.6	132.9	66.8	66.0
1981	225.4	104.1	121.2	133.6	67.6	66.0
1982	226.7	104.9	121.8	134.0	68.3	65.7
1983	228.2	105.8	122.4	134.4	68.9	65.5
1984	229.8	106.7	123.1	134.2	69.3	64.9
1985	231.3	107.6	123.7	134.2	69.5	64.7

Таблица 8 (продолжение)

год	Всего (7)	муж. 16-64 (8)	жен. 16-64 (9)	Всего (10)	муж. 20-59 (11)	жен. 20-54 (12)
1950	101.5	41.5	60.0	80.2	33.5	46.8
1955	112.1	47.4	64.7	87.1	37.8	49.4
1958	118.7	51.0	67.7	92.7	41.5	51.2
1959	119.2	51.4	67.7	94.9	42.9	52.0
1960	119.1	51.5	67.6	97.0	44.2	52.7
1961	119.2	51.7	67.5	98.7	45.3	53.4
1962	119.4	52.0	67.4	100.0	46.2	53.7
1963	121.1	52.9	68.2	100.1	46.5	53.6
1964	122.1	53.7	68.4	99.2	46.4	52.8
1965	124.1	54.8	69.3	98.8	46.4	52.4
1966	125.4	55.8	69.6	98.2	46.5	51.7
1967	127.5	57.0	70.5	99.1	47.1	52.0
1968	129.2	58.1	71.1	99.7	47.8	51.9
1969	131.1	59.1	72.1	100.2	48.4	51.8
1970	132.5	60.0	72.5	101.3	49.3	52.0
1971	134.4	60.8	73.6	102.8	49.8	53.0
1972	136.0	61.8	74.2	104.4	50.7	53.7
1973	137.5	62.8	74.8	106.1	51.4	54.7
1974	139.0	63.8	75.2	107.3	52.2	55.1
1975	140.8	64.9	75.9	109.1	53.2	56.0
1976	142.2	65.9	76.2	110.9	54.2	56.7
1977	143.8	67.0	76.8	112.8	55.4	57.4
1978	145.1	67.9	77.1	114.4	56.6	57.8
1979	146.0	68.5	77.5	115.8	57.5	58.3
1980	146.8	69.3	77.5	117.0	58.7	58.3
1981	148.0	70.0	77.9	118.5	59.9	58.6
1982	149.3	70.8	78.5	119.7	61.0	58.6
1983	150.8	71.6	79.1	120.6	61.9	58.7
1984	151.4	72.1	79.2	121.1	62.6	58.4
1985	152.4	72.8	79.6	121.4	63.0	58.3

Таблица 8 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1986	232.7	108.4	124.3	134.0	69.7	64.3
1987	233.9	109.2	124.7	134.1	69.7	64.5
1988	235.0	109.9	125.1	134.1	69.6	64.5
1989	236.0	110.5	125.5	134.3	69.4	64.9
1990	236.8	111.1	125.7	134.6	69.4	65.2
1991	237.5	111.5	126.0	134.7	69.4	65.3
1992	238.2	112.0	126.2	134.8	69.6	65.2
1993	238.8	112.4	126.4	134.7	69.8	64.9
1994	239.3	112.8	126.5	134.6	70.2	64.5
1995	239.8	113.1	126.7	134.5	70.4	64.2
1996	240.2	113.4	126.8	134.6	70.5	64.1
1997	240.5	113.7	126.9	134.5	70.4	64.1
1998	240.9	114.0	126.9	134.9	70.2	64.7
1999	241.0	114.1	126.9	135.7	70.1	65.6
2000	241.2	114.3	126.9	137.0	70.3	66.7

Таблица 8 (продолжение)

год	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
1986	153.2	73.3	79.9	121.4	63.3	58.1
1987	154.1	73.9	80.2	121.6	63.3	58.3
1988	154.6	74.4	80.3	121.7	63.1	58.6
1989	155.0	74.8	80.2	121.3	62.8	58.4
1990	155.3	75.1	80.1	121.2	62.6	58.6
1991	155.5	75.5	80.1	121.1	62.5	58.6
1992	155.5	75.6	79.9	121.0	62.6	58.4
1993	155.4	75.6	79.8	120.8	62.8	58.0
1994	154.9	75.5	79.5	120.6	63.1	57.6
1995	154.6	75.3	79.3	120.8	63.4	57.4
1996	154.4	75.3	79.1	120.9	63.5	57.3
1997	154.9	75.5	79.3	120.9	63.5	57.4
1998	155.2	75.8	79.5	121.2	63.3	57.9
1999	156.1	76.2	79.9	121.7	63.0	58.7
2000	157.3	76.8	80.5	122.4	62.9	59.5

ТАБЛИЦА 9
МУЖЧИНЫ СЛАВЯНСКОГО РЕГИОНА ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(млн. человек)

	16-17	18-19	20-24	25-29	30-49	50-54	55-59	60-69	70
год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1950	3.0	3.5	8.6	4.8	15.5	2.4	2.1	2.7	1.2
1955	4.2	3.5	7.7	8.4	16.5	3.0	2.2	3.2	1.7
1958	3.5	4.1	8.2	8.7	18.6	3.4	2.5	3.5	2.0
1959	2.7	3.8	9.0	8.0	19.7	3.6	2.6	3.5	2.2
1960	1.9	3.5	9.6	7.6	20.6	3.7	2.8	3.6	2.2
1961	1.6	2.7	9.8	7.3	21.5	3.9	2.8	3.8	2.3
1962	1.8	1.8	9.6	7.6	22.1	3.9	3.1	3.8	2.3
1963	2.6	1.6	8.6	8.1	22.6	4.1	3.2	3.9	2.4
1964	3.2	1.8	7.2	8.9	22.9	4.1	3.4	4.0	2.5
1965	3.4	2.6	6.1	9.5	23.2	4.2	3.4	4.1	2.5
1966	3.7	3.2	5.3	9.7	23.9	4.0	3.6	4.3	2.6
1967	3.8	3.4	5.3	9.5	25.0	3.8	3.6	4.4	2.6
1968	3.9	3.7	5.8	8.5	26.4	3.4	3.7	4.6	2.6
1969	3.9	3.7	6.7	7.2	27.4	3.4	3.8	5.2	2.8
1970	3.8	3.8	7.6	5.9	28.8	3.1	3.9	5.3	2.9
1971	3.9	3.8	8.6	5.1	29.2	3.1	3.8	5.6	3.2
1972	4.1	3.8	9.0	5.0	30.0	3.2	3.5	5.8	3.1
1973	4.0	3.9	9.3	5.3	30.0	3.4	3.2	6.0	3.1
1974	4.0	4.0	9.4	6.3	29.7	3.6	3.1	6.1	3.2
1975	4.2	4.0	9.5	7.6	29.2	4.0	2.9	6.2	3.3
1976	4.3	4.0	9.7	8.3	28.8	4.3	2.8	6.1	3.4
1977	4.4	4.2	9.7	8.9	28.7	5.1	2.9	5.9	3.6
1978	4.3	4.3	9.9	9.2	28.6	5.8	3.2	5.7	3.7
1979	4.1	4.3	10.1	9.2	28.3	6.6	3.2	5.5	3.7
1980	3.9	4.2	10.2	9.4	28.5	7.0	3.6	5.4	3.8
1981	3.6	4.0	10.4	9.5	28.6	7.4	4.1	5.2	3.9
1982	3.4	3.9	10.5	9.6	28.9	7.3	4.7	5.1	4.0
1983	3.4	3.6	10.4	9.7	29.3	7.1	5.3	5.1	4.2
1984	3.2	3.4	10.2	10.0	29.8	6.6	6.1	5.1	4.3
1985	3.2	3.3	9.8	10.1	30.5	6.2	6.5	5.3	4.3

Таблица 9 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1986	3.1	3.2	9.3	10.3	30.8	6.1	6.9	5.7	4.3
1987	3.2	3.1	8.9	10.3	31.0	6.4	6.8	6.3	4.3
1988	3.3	3.3	8.5	10.2	31.0	7.1	6.4	7.1	4.1
1989	3.4	3.2	8.2	10.1	31.0	7.3	6.0	7.8	4.1
1990	3.5	3.3	8.0	9.6	31.3	8.0	5.7	8.4	4.0
1991	3.5	3.4	8.0	9.1	31.7	8.1	5.6	9.1	3.9
1992	3.6	3.5	8.0	8.8	32.1	7.9	5.9	9.4	3.9
1993	3.6	3.5	8.2	8.3	32.9	7.1	6.3	9.7	3.9
1994	3.5	3.5	8.3	8.1	33.9	6.0	6.9	9.8	4.0
1995	3.4	3.5	8.5	7.9	34.6	5.1	7.4	9.8	4.2
1996	3.4	3.5	8.6	7.8	35.2	4.4	7.5	10.0	4.4
1997	3.5	3.4	8.7	7.8	35.4	4.3	7.3	10.2	4.7
1998	3.6	3.4	8.7	8.1	35.3	4.7	6.5	10.4	5.1
1999	3.7	3.4	8.7	8.1	35.0	5.5	5.6	10.5	5.6
2000	3.8	3.6	8.6	8.4	34.8	6.4	4.7	10.7	5.9

ТАБЛИЦА 10

**НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ВОЗРАСТНЫМ
ГРУППАМ
(млн. человек)**

год	Все население			Население в рабочем возрасте		
	Всего	муж.	жен.	Всего	муж. 16-59	жен. 16-54
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1950	10.7	5.1	5.6	5.8	2.7	3.0
1955	12.0	5.8	6.3	6.3	3.0	3.3
1958	13.2	6.3	6.9	6.7	3.2	3.5
1959	13.7	6.6	7.1	6.8	3.3	3.5
1960	13.2	6.7	6.4	6.9	3.3	3.5
1961	14.7	7.1	7.6	6.9	3.3	3.5
1962	15.2	7.3	7.9	6.9	3.4	3.6
1963	15.7	7.6	8.1	7.0	3.4	3.6
1964	16.2	7.9	8.4	7.1	3.5	3.6
1965	16.8	8.1	8.7	7.2	3.5	3.7
1966	17.3	8.4	8.9	7.4	3.6	3.8
1967	17.9	8.7	9.2	7.6	3.8	3.9
1968	18.5	9.0	9.5	7.8	3.9	4.0
1969	19.1	9.3	9.8	8.1	4.0	4.1
1970	19.6	9.6	10.1	8.3	4.1	4.2
1971	20.2	9.9	10.4	8.6	4.3	4.3
1972	20.8	10.1	10.6	8.9	4.5	4.5
1973	21.3	10.4	10.9	9.2	4.6	4.6
1974	21.9	10.7	11.2	9.6	4.8	4.8
1975	22.5	11.0	11.5	10.1	5.1	5.0
1976	23.2	11.4	11.8	10.5	5.3	5.2
1977	23.8	11.7	12.1	10.9	5.5	5.4
1978	24.5	12.0	12.5	11.4	5.8	5.6
1979	25.5	12.6	12.9	12.1	6.3	5.8
1980	26.2	12.9	13.3	12.7	6.5	6.2
1981	26.8	13.2	13.6	13.1	6.8	6.4
1982	27.6	13.6	14.0	13.5	7.0	6.5
1983	28.3	14.0	14.3	14.0	7.2	6.7
1984	29.1	14.4	14.7	14.3	7.4	6.9
1985	30.0	14.8	15.1	14.7	7.6	7.1

Таблица 10 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1986	30.8	15.3	15.6	15.2	7.8	7.3
1987	31.7	15.7	16.0	15.6	8.1	7.5
1988	32.6	16.2	16.4	16.0	8.3	7.8
1989	33.5	16.6	16.9	16.5	8.5	8.0
1990	34.4	17.1	17.3	16.9	8.7	8.2
1991	35.4	17.6	17.8	17.3	8.9	8.4
1992	36.5	18.1	18.3	17.7	9.1	8.6
1993	37.5	18.7	18.8	18.2	9.4	8.8
1994	38.5	19.2	19.3	18.7	9.6	9.1
1995	39.6	19.7	19.8	19.2	9.9	9.4
1996	40.7	20.3	20.4	19.8	10.2	9.7
1997	41.8	20.9	20.9	20.4	10.5	10.0
1998	43.0	21.5	21.5	21.1	10.8	10.3
1999	44.2	22.1	22.1	21.8	11.1	10.7
2000	45.3	22.7	22.7	22.4	11.4	11.1

ТАБЛИЦА 11

**НАСЕЛЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ ПО ВОЗРАСТНЫМ
ГРУППАМ
(млн. человек)**

год	Все население			Население в рабочем возрасте		
	Всего	муж.	жен.	Всего	муж. 16-59 (5)	жен. 16-54 (6)
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	
1950	7.9	3.6	4.2	4.2	1.9	2.2
1955	8.6	4.0	4.6	4.8	2.2	2.5
1958	9.2	4.3	4.9	5.0	2.4	2.7
1959	9.5	4.5	5.0	5.1	2.4	2.7
1960	10.0	4.6	5.4	5.1	2.4	2.7
1961	10.2	4.7	5.5	5.1	2.4	2.7
1962	10.5	4.9	5.6	5.1	2.5	2.7
1963	10.7	5.0	5.7	5.2	2.5	2.7
1964	11.0	5.1	5.9	5.3	2.6	2.8
1965	11.2	5.3	6.0	5.4	2.6	2.8
1966	11.5	5.4	6.1	5.5	2.7	2.8
1967	11.7	5.5	6.2	5.6	2.7	2.9
1968	11.9	5.6	6.3	5.7	2.8	2.9
1969	12.1	5.7	6.4	5.9	2.9	3.0
1970	12.3	5.9	6.4	5.9	2.9	3.0
1971	12.5	6.0	6.5	6.1	3.0	3.1
1972	12.7	6.1	6.6	6.3	3.1	3.2
1973	12.9	6.2	6.7	6.5	3.2	3.3
1974	13.0	6.3	6.8	6.7	3.3	3.4
1975	13.2	6.4	6.9	6.9	3.4	3.5
1976	13.4	6.5	6.9	7.1	3.6	3.6
1977	13.6	6.6	7.0	7.4	3.7	3.7
1978	13.8	6.7	7.1	7.6	3.8	3.8
1979	14.0	6.8	7.2	7.8	3.9	3.9
1980	14.2	6.9	7.3	8.0	4.1	4.0
1981	14.4	7.0	7.4	8.2	4.2	4.1
1982	14.6	7.1	7.5	8.4	4.2	4.1
1983	14.7	7.2	7.6	8.5	4.3	4.2
1984	14.9	7.3	7.7	8.6	4.4	4.2
1985	15.1	7.4	7.8	8.7	4.5	4.3

Таблица 11 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1986	15.4	7.5	7.9	8.9	4.6	4.3
1987	15.6	7.6	8.0	9.0	4.6	4.3
1988	15.8	7.7	8.1	9.1	4.7	4.4
1989	16.1	7.8	8.2	9.2	4.7	4.5
1990	16.3	8.0	8.4	9.3	4.8	4.5
1991	16.5	8.1	8.5	9.4	4.8	4.6
1992	16.7	8.2	8.6	9.5	4.8	4.6
1993	16.9	8.3	8.7	9.6	4.9	4.7
1994	17.1	8.4	8.7	9.7	5.0	4.7
1995	17.3	8.5	8.8	9.7	5.1	4.7
1996	17.5	8.6	8.9	9.9	5.1	4.8
1997	17.7	8.7	9.0	10.0	5.2	4.9
1998	17.9	8.8	9.1	10.2	5.2	4.9
1999	18.0	8.8	9.2	10.3	5.3	5.0
2000	18.2	8.9	9.3	10.4	5.3	5.1

ТАБЛИЦА 12
НАСЕЛЕНИЕ СССР ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(в процентах ко всему населению)

год	(1)	16-64 (2)	20-59 (3)	16-59 (4)	16-64 (5)	20-59 (6)
1950	57.9	63.0	49.6	25.0	26.0	20.9
1955	58.6	64.0	49.6	26.1	27.2	21.7
1958	58.3	64.2	50.0	26.6	27.7	22.5
1959	57.4	63.4	50.4	26.4	27.5	22.9
1960	56.2	62.3	50.5	26.0	27.1	23.1
1961	55.1	61.2	50.6	25.6	26.7	23.3
1962	54.3	60.4	50.4	25.3	26.4	23.4
1963	54.0	60.3	49.8	25.4	26.5	23.2
1964	53.7	60.1	48.8	25.4	26.5	22.9
1965	53.8	60.3	48.0	25.6	26.8	22.6
1966	53.7	60.1	47.1	25.7	26.9	22.3
1967	53.9	60.5	47.0	25.9	27.2	22.4
1968	54.0	60.8	46.9	26.1	27.5	22.5
1969	53.9	61.1	46.7	26.3	27.7	22.6
1970	54.1	61.4	46.9	26.5	27.9	22.8
1971	54.4	61.7	47.2	26.6	28.1	22.9
1972	54.9	62.0	47.5	26.8	28.3	23.1
1973	55.3	62.2	47.9	27.0	28.6	23.3
1974	55.7	62.5	48.1	27.3	28.8	23.5
1975	56.2	62.9	48.6	27.6	29.1	23.7
1976	56.7	63.1	49.0	28.0	29.4	24.0
1977	57.3	63.4	49.5	28.4	29.7	24.4
1978	57.7	63.6	49.9	28.7	29.9	24.7
1979	58.0	63.9	50.3	29.0	30.2	25.1
1980	58.1	64.0	50.7	29.3	30.3	25.5
1981	58.1	64.2	51.0	29.5	30.5	25.9
1982	58.0	64.3	51.2	29.6	30.7	26.2
1983	57.8	64.5	51.4	29.6	30.8	26.4
1984	57.4	64.3	51.2	29.6	30.8	26.5
1985	57.0	64.3	51.1	29.5	30.8	26.5

(1) – мужчины в возрасте 16–59 и женщины в возрасте 16–54 лет.

Таблица 12 (продолжение)

год	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1986	56.7	64.3	50.8	29.4	30.9	26.5
1987	56.4	64.3	50.6	29.3	30.9	26.3
1988	56.7	64.2	50.4	29.1	31.0	26.1
1989	56.0	64.1	50.1	28.9	31.0	25.9
1990	55.9	63.9	49.9	28.8	31.0	25.8
1991	55.8	63.8	49.7	28.7	31.0	25.7
1992	55.6	63.6	49.6	28.7	31.0	25.6
1993	55.4	63.4	49.4	28.7	30.9	25.6
1994	55.3	63.0	49.2	28.7	30.8	25.6
1995	55.1	62.8	49.1	28.7	30.7	25.7
1996	55.1	62.6	49.0	28.7	30.6	25.7
1997	55.0	62.7	49.0	28.7	30.6	25.6
1998	55.1	62.7	49.0	28.6	30.7	25.5
1999	55.3	62.9	49.2	28.5	30.8	25.4
2000	55.7	63.2	49.3	28.5	30.9	25.3

ТАБЛИЦА 13

**ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТАЮЩИХ
ПО РЕГИОНАМ В 1950 – 2000 гг.**

год	В миллионах				Проценты		
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
50–59	16.9	15.1	1.0	0.8	89.3	5.9	4.7
60–69	15.0	12.9	1.2	0.8	86.0	8.0	5.3
70–79	22.0	16.5	3.7	1.9	75.0	16.8	8.6
80–89	9.4	4.3	3.8	1.4	45.7	40.4	14.9
90–99	8.2	3.0	4.8	1.1	36.6	58.5	13.4

(1) – СССР

(2), (5) – территории с преобладанием славянских народов.

(3), (6) – Средняя Азия

(4), (7) – Закавказье

ТАБЛИЦА 14

ПРОЦЕНТ ЗАНЯТЫХ ПО ВОЗРАСТУ И ПОЛУ
ПО ГОДАМ

год пол	16–17	18–19	29–24	25–49	50–54	55–59	60–69
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
1959							
муж.		66	91	94	84	84	42
жен.		61	75	70	53	24	24
1970							
муж.	25	70	90	96	89	80	30
жен.	25	64	85	85	75	40	15
1979							
муж.	21	70	87	97	90	78	27
жен.	21	64	87	95	81	29	10
1985							
муж.	20	70	85	98	92	79	27
жен.	20	65	85	96	82	30	10
2000							
муж.	15	70	80	98	95	85	30
жен.	15	60	80	96	85	30	10

ТАБЛИЦА 15

ЗАНЯТОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПО РЕГИОНАМ НА НАЧАЛО ГОДА

год	В миллионах				В процентах к СССР		
	СССР (1)	Славян- ский (2)	Средняя Азия (3)	Закавказье (4)	Славян- ский (5)	Средняя Азия (6)	Закавказье (7)
1950	83.1	75.0	4.8	3.3	90.3	5.8	3.9
1955	91.7	83.0	5.0	3.7	90.5	5.5	4.1
1958	97.3	88.0	5.3	4.0	90.4	5.4	4.1
1959	99.3	89.7	5.5	4.1	90.4	5.5	4.1
1960	100.0	90.1	5.8	4.1	90.0	5.8	4.1
1961	102.7	92.6	5.9	4.2	90.2	5.8	4.1
1962	103.9	93.7	6.0	4.2	90.2	5.8	4.0
1963	106.1	95.8	6.1	4.2	90.3	5.7	4.0
1964	107.1	96.7	6.1	4.3	90.3	5.7	4.0
1965	108.5	97.9	6.2	4.4	90.2	5.7	4.0
1966	109.8	99.0	6.3	4.4	90.2	5.8	4.0
1967	110.6	99.6	6.5	4.5	90.1	5.9	4.1
1968	112.2	100.9	6.6	4.6	90.0	5.9	4.1
1969	113.4	101.9	6.8	4.7	89.8	6.0	4.2
1970	115.0	103.0	7.0	4.9	89.6	6.1	4.3
1971	116.7	104.4	7.3	5.0	89.5	6.2	4.3
1972	118.5	105.9	7.5	5.1	89.4	6.3	4.3
1973	120.3	107.4	7.7	5.2	89.2	6.4	4.3
1974	123.6	109.9	8.0	5.8	88.9	6.5	4.7
1975	126.1	111.8	8.4	5.9	88.6	6.7	4.7
1976	129.3	114.5	8.7	6.1	88.5	6.8	4.7
1977	131.4	116.0	9.1	6.3	88.3	6.9	4.8
1978	133.4	117.5	9.4	6.4	88.1	7.1	4.8
1979	135.2	118.4	10.1	6.6	87.6	7.5	4.9
1980	137.0	119.5	10.7	6.8	87.2	7.8	5.0
1981	138.6	120.6	11.1	7.0	87.0	8.0	5.0
1982	140.1	121.5	11.4	7.2	86.7	8.2	5.1
1983	141.2	122.1	11.8	7.3	86.5	8.4	5.2
1984	142.0	122.4	12.2	7.4	86.2	8.6	5.2
1985	142.8	122.8	12.5	7.6	86.0	8.8	5.3

Таблица 15 (продолжение)

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
1986	143.4	122.9	12.9	7.7	85.7	9.0	5.3
1987	144.2	123.1	13.3	7.8	85.4	9.2	5.4
1988	145.3	123.7	13.7	7.9	85.1	9.4	5.4
1989	145.6	123.5	14.1	8.0	84.8	9.7	5.5
1990	146.4	123.8	14.5	8.2	84.5	9.9	5.6
1991	147.2	124.0	14.9	8.3	84.3	10.1	5.6
1992	147.9	124.3	15.3	8.4	84.0	10.3	5.7
1993	148.6	124.4	15.7	8.5	83.7	10.6	5.7
1994	149.4	124.7	16.1	8.6	83.5	10.8	5.7
1995	150.2	124.8	16.7	8.7	83.1	11.1	5.8
1996	151.0	125.0	17.2	8.8	82.8	11.4	5.8
1997	151.6	125.0	17.6	8.9	82.5	11.6	5.9
1998	152.4	125.2	18.2	9.0	82.1	11.9	5.9
1999	153.4	125.5	18.7	9.3	81.8	12.2	6.1
2000	154.4	125.8	19.3	9.3	81.5	12.5	6.0

ТАБЛИЦА 16

**ЗАНЯТОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА НАЧАЛО ГОДА
И В СРЕДНЕМ ЗА ГОД
(млн. человек)**

	На начало года	В среднем за год		% к началу года		
ГОД	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(7)
1950	83.1	67.8	76.1	84.8	81.6	91.6
1955	91.7	74.6	81.6	91.5	81.3	89.0
1958	97.3	80.4	87.4	95.4	82.6	89.8
1959	99.3	81.7	88.7	96.8	82.3	89.3
1960	100.0	83.8	89.7	97.5	83.8	89.7
1961	102.3	86.2	91.8	99.1	83.9	89.4
1962	103.9	87.9	93.8	101.8	84.6	90.2
1963	106.1	89.5	95.7	103.5	84.3	90.2
1964	107.1	92.2	98.1	105.7	86.1	91.6
1965	108.5	95.4	102.0	109.8	87.9	94.0
1966	109.8	97.9	103.6	111.0	89.2	94.4
1967	110.6	100.3	106.7	114.5	90.7	96.4
1968	112.2	102.8	108.3	115.7	91.6	96.6
1969	113.4	104.9	109.8	117.1	92.5	96.8
1970	115.0	106.8	112.0	119.4	92.9	97.4
1971	116.7	108.9	114.5	122.3	93.3	98.1
1972	118.5	111.1	116.6	124.4	93.8	98.4
1973	120.3	113.2	117.8	125.1	94.1	97.9
1974	123.6	115.2	119.6	127.0	93.2	96.7
1975	126.1	117.2	121.7	129.3	92.9	96.5
1976	129.3	118.9	122.6	129.9	91.9	94.8
1977	131.4	120.6	124.3	131.7	91.8	94.6
1978	133.4	122.5	126.2	133.6	91.8	94.6
1979	135.2	124.2	128.1	135.7	91.9	94.8
1980	137.0	125.6	129.7	137.4	91.7	94.7
1981	138.6	126.9	131.2	139.1	91.5	94.6
1982	140.1	127.9	132.0	139.8	91.3	94.3
1983	141.2	128.8	132.9	142.2	91.2	94.1
1984	142.0	129.5	133.6	143.0	91.2	94.1
1985	142.8	131.0	135.3	143.7	91.7	94.7
1986	143.4	131.4	135.6	144.0	91.6	94.5
1987	144.2	132.1	136.3	144.7	91.6	94.5
1988	145.3	133.1	137.3	145.9	91.6	94.5
1989	145.6	133.3	137.5	146.2	91.5	94.5
1990	146.4	134.0	138.2	147.0	91.5	94.5
1991	147.2	134.6	139.0	147.8	91.5	94.4
1992	147.9	135.3	139.6	148.5	91.5	94.4
1993	148.6	135.9	140.3	149.3	91.5	94.4
1994	149.4	136.7	141.1	150.0	91.5	94.5
1995	150.2	137.5	141.9	150.8	91.6	94.5
1996	151.0	138.2	142.6	151.6	91.5	94.5
1997	151.6	138.7	143.2	152.2	91.5	94.5
1998	152.4	139.5	143.9	153.0	91.5	94.5
1999	153.4	140.4	144.9	154.0	91.5	94.5
2000	154.4	141.3	145.9	155.0	91.5	94.5

ТАБЛИЦА 17

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ЗАНЯТИЯМ
ПЕРЕПИСЬ ЗА 1959 год**

	Перепись	Среднее за год	Разница
Всего:	99.1	85.7	13.4
Рабочие	78.4		
Служащие	20.5		
Материальное производство	80.9	67.1	13.8
Нематериальное производство	14.5	14.2	0.3
Армия	3.6	4.4	-0.8
Рабочие и служащие	63.0	56.9	6.1
Колхозники	32.3	24.5	7.8
Приусадебные участки	10.1	6.0	4.1
Промышленность	23.8	21.4	2.4
Транспорт	5.0	5.8	-0.8
Строительство	6.8	5.7	1.1
Связь	0.7	0.7	—
Сельское хозяйство	38.4	27.0	11.4
Лесоводство	0.4	0.4	—
Торговля	5.2	4.3	0.9
Здравоохранение	3.3	3.2	0.1
Образование и наука	6.1	5.9	0.2
Коммунальное хозяйство	1.6	1.7	-0.1
Управления и банки	2.4	1.6	0.8

ЛИТЕРАТУРА

1. Christopher Davis and Murray Feshbach. Rising Infant Mortality in the USSR in the 1970s. (Washington, D.C. US Department of Commerce, Bureau of the Census, September 1980.)

Nick Eberstadt. Ultimate Verdict on the Soviet Health System: Shorter Lives, "New York Times", October 1981, Sect. 4, 11, col. 1.

М. Геллер. Демографическая катастрофа в СССР: Дети, смерть и зрелый социализм. "Русская мысль", 1/X-81, Д. Поспеловский. Демографическая катастрофа в России. "Посев", № 3, 1983, и многие др.

2. Отчасти эти вопросы рассматриваются в моих работах "Некоторые причины роста смертности в СССР". "СССР: Внутренние противоречия" № 3, 1982; "Вызов со стороны демографии". "СССР: Внутренние противоречия" № 14, 1985; "Перспективы национального развития СССР", "СССР: Внутренние противоречия" № 18.

3. Население СССР в 1973. М. 1975, с. 70.

4. В.А. Белова. Дифференциация мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье. "Вестник статистики", 1973, № 7. В.А. Белова. Планирование семьи вчера, сегодня и завтра. Поиск ведут демографы. М. 1985, с. 55–73. В.В. Коротева. Этносоциальные аспекты рождаемости населения многонационального города. "Советская этнография", № 6, 1986, сс. 13–24. Л. Дарский. Семья сегодня. М. 1979. И. Мулляджанов. Национально-этнические особенности населения республик Средней Азии. "Население Средней Азии", М. 1985, сс. 13–34.

5. Население СССР 1973. М., сс. 104–135. "Вестник статистики", № 11, 1984, с. 76.

6. Г.А. Бондарская. "Рождаемость у народов СССР". М., 1977.

7. Сто наций и народностей. М. 1985, с. 29.

8. А.Я. Кваша. Что такое демография. М. 1985., с. 97.

9. И. Катанов, И. Каштаненкова. Семейно-брачные отношения. Население Средней Азии. М. 1985, сс. 21–34.
10. С. Хакимов. Внутрисемейное регулирование рождаемости в Таджикской ССР. "Население Средней Азии". М. 1985, сс. 36–38.
11. Дэвис и Фешбах цит. соч., Mark G. Field. Soviet infant Mortality: a mystery story. Oxford, 1986, p. 52.
12. Об этом я писал еще 6 лет назад (Russia N 4, 1981, p. 10). В недавно появившейся в газете "Неделя" статье (№38, 1987, с. 12) Лариса Ременник рассказывает, что на тысячу женщин детородного возраста приходится 102,4 аборта при 106 рождениях, то есть практически по одному аборту на рождение. Это намного выше, чем в США (27.5 на 1000) или других развитых странах, но намного меньше, чем раньше отмечалось в СССР и чем думали западные советологи и эмигрантские пророки демографической катастрофы в СССР.
13. Maksudov. Some Case of Rising Mortality in the USSR, "Russia", N 4, 1981, pp. 3–18. Ellen Jones and Fred Grupp. Infant Mortality in the Soviet Union: Regional differences and measurement issues, "Population and Development Review", N 12, 1987, pp. 705–738.
14. Рассчитано по "Московским новостям" № 28, 1987 и "Народному хозяйству СССР 1985", М. 1986, сс. 32–33. В среднем детская смертность составляла в 80-е годы около 26 на тысячу новорожденных ("Коммунист" № 1, 1987, с. 126). Это намного меньше, чем оценки Мюрея Фешбаха, сделанные во время кампании разоблачения им демографического неблагополучия в СССР – 35–36 %%. (Population Bulletin, v. 37, N 3, 1982, p. 32).
15. James C. Cramer. Social factors and Infant Mortality: identifying high-risk groups and proximate causes. "Demography" V. 24, N 3, Aug. 1987, pp. 303–305.
16. Murray Feshbach. The Age Structure of Soviet Population: Preliminary Analysis of Unpublished Data. Soviet Economy. Vol. 1, No 2 (April–June, 1985) pp. 177–191.
17. Там же; итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М. 1962, сс. 58–59.

18. "Statistical abstract of the United States. 1981, US Department of Commerce Bureau of the Census. 1981, pp. 26, 89.
19. Maksudov. Some Census... pp. 3–18.
20. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962, сс. 49–59. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972, т. 2, сс. 12–75.
21. Murray Feshbach. The Age Structure of Soviet Population: Preliminary Analysis of Unpublished Data. "Soviet Economy", N 1, N 2, pp. 177–193.
22. J.N. Biraben. Naissances et repartition par age dans empire russe et en Union Sovietique. "Population", N 2, 1976. Maksudov. How many millions perished from 1930–1938? Russia, 1983, NN 7–8, pp. 21–22.
23. "Литературная газета" № 2, 8 января 1986.
24. Baldwin, Godfrey, Population Projections by Age and Sex: For the Republics and Major Economic Regions of the USSR, 1970 to 2000. International Population Reports, Series P–91, No. 26. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, 1979.
25. Численность и состав населения СССР 1979, сс. 23, 173.
26. Итоги Всесоюзной переписи 1959, с. 96; Нархоз 1959. с. 585.
27. Итоги Всесоюзной переписи 1959, сс. 167–170.
28. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М. 1973, т. 6, сс. 22–23, 167–169.
29. Итоги Всесоюзной переписи 1970, т. 5, сс. 194–195, т. 6, сс. 6–7.
30. Численность и состав населения СССР 1979, сс. 183, 23.
31. Данные переписи 1979 г. не опубликованы, находятся у автора.
32. Т.В. Рубашкин, А.З. Даджаева. Трудовые ресурсы и эффективность производства. М. 1981, с. 128.
33. Современные проблемы миграции. М. 1985, с. 59. Региональные проблемы социально-демографического развития. М. 1982, с. 31.

34. Население СССР. М. 1983, с. 39. 2. Сто наций и народностей. М. 1985, с. 97.
35. Современные проблемы миграции. М. 1985, сс. 60–61.
36. Расчет по НХ 1975, 77, 82, 84 гг., сс. 8–9, 19–11, 26–33. НХ 1976, сс. 42–43, 72–73.
37. Поиск ведут демографы. М. 1985, с. 93.
38. Feshbach, Murray, The Soviet Population Trends and Dilemmas, Population Bulletin, Vol. 37, No. 3. Population Reference Bureau, Inc. Washington, DC, Aug. 1982, 34–35.

ИСТОЧНИКИ К ТАБЛИЦАМ

- № 1. Результаты опроса 1978 г.
Л.Е. Дарский. Семья сегодня. М. 1979,
В.А. Белова. Планирование семьи вчера, сегодня, завтра. Сб. Поиск ведут демографы. М. 1985, сс. 55–73. Материалы авторов.
- № 2. 1950–73 гг. – “Население СССР 1973”, М. 1975, сс. 69–83. Для 1974–84 гг. рассчитано по коэффициентам рождаемости и среднегодовой численности населения в республиках, взятых из справочников “Народное хозяйство” за соответствующие годы: НХ74, с. 10–11, 46–47; НХ75, с. 10–11, 42–43; НХ76, сс. 42–43, 72–73; НХ77, сс. 10–11, 24–25; НХ78, сс. 10–11, 26–27; НХ79, сс. 10–11, 38–39; НХ80, сс. 10–11, 32–33; НХ81, сс. 12–13, 28–29; НХ82, сс. 8–9, 32–33; НХ83, сс. 8–9, 32–33; НХ84, сс. 8–9, 34–35.
Для 1985–2000 гг. – расчет по данным таблиц 5–11.
- № 3. “Вестник статистики” № 3, 1987, сс. 79–80.
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М. 1962, сс. 270–273.
Р.М. Дмитриева, Е.М. Андреев. Снижение смертности в СССР за годы советской власти. В сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М. 1977, сс. 28–61.
- № 4. “Вестник статистики” № 3, 1987, сс. 79–80.
Vital Statistics of the United States, Vol. II, Section 5, 1978, pp. 5–13.

№№ 5–13. Данные получены расчетом численности каждого поколения мужчин и женщин известного по переписям, с помощью коэффициентов дожития по таблицам смертности (табл. 2).

Таблицы смертности 1958–59 гг. Итоги Всесоюзной переписи 1959, сс. 270–273; таблицы смертности по полу и возрасту в одногодичных интервалах для 1970 и 1979 гг. – неопубликованные данные. 1985 г. – "Вестник статистики" № 3, 1987, сс. 79–80.

Численность по возрастам для расчета разгруппировывалась из пятилетних интервалов в однолетние пропорционально данным о рождаемости в соответствующие годы и другим публикациям по возрастной численности.

1959 г. – Итоги Всесоюзной переписи 1959, М. 1962, сс. 54–59; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. М. 1973, т. 2, сс. 12–75;

Данные переписи 1979 г. – М. Feshbach. The Age Structure, pp. 177–193.

№ 14. Сведения по республикам и СССР – Итоги Всесоюзной переписи 1970, т. 2, сс. 36–37, 28–29, 40–41, 56–57, 60–61, 68–69, 64–65; т. 6, сс. 8–13, 492, 514, 524, 582, 564, 573, 591; 1979 г. – данные автора.

№ 15. – Расчет по данным предыдущих таблиц.

№ 16. Таблица 15 и справочники "Народное хозяйство СССР" за 1959–85 гг.

№ 17. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959, сс. 96–97, 104–105, 146–147.

ПЕРЕСТРОЙКА? ПОКАЯНИЕ? ПЕРЕСМОТР?

ПЕРЕСТРОЙКА. Так как я дальше буду говорить о литературе, то и начну со значения слова, — оно встречается уже без перевода в немецких, французских, американских газетах.

В словаре Даля существительного "перестройка" еще нет. Есть глагол "перестраивать", основное значение которого "построить иначе".

Семьдесят лет назад большевики хотели разрушить старый мир "до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим..."

Полвека назад происходящее называлось "реконструкция", — тогда еще можно было пользоваться иностранными словами, — период советской истории 1929—1941 называется "реконструктивным"; он следовал за "восстановительным". Похоже, что сегодня в СССР предпринимается попытка и восстанавливать, — ленинское наследие и перестраивать одновременно.

Еще один корень содержится в этом слове: "строй" — военный, но может быть и гражданский — в строю, в ногу, со всеми.

Приведу суждение критика-публициста В. Тувровского: "Перестройка индивидуальна. В перестройку нельзя бежать стройными колоннами, показывая результаты на время". ("Московские новости", 15.3.87).

Язык богат, — еще один корень, соответственно и иной смысл, едва ли не противоположный по значению — "устройство", "устраиваться", "строительный". Соразмерность. Стремление к ладу. Переделывать, но так, чтобы расположиться прочно. Надолго.

Перечислю меры, уже предпринятые в области литературы, которые можно отнести к перестройке в первом значении: построить иначе.

Назначение новых главных редакторов в журналы "Новый мир" — С. Залыгин, в "Знамя" — Г. Бакланов, в еженедельники "Огонек" — В. Коротич, в "Московские новости" — Е. Яковлев. (У "Московских новостей" впервые появился тираж и по-русски, 250 тысяч, и в 8 часов утра газеты уже не достать. Раскупается сразу и "Огонек", причем не только в Москве, но, по авторитетному свидетельству Адама Михника, и в Варшаве.)

Частичные реабилитации литераторов: в Союз писателей приняты Е. Попов и Вик. Ерофеев (их кандидатуры были отклонены в 1979 г. из-за участия в бесцензурном альманахе "Метрополь"). Восстановлен в СП и С. Липкин, в том же году

вышедший из Союза в знак протеста. Стихи Владимира Корнилова, исключенного из СП в 1977 году и не печатавшегося все эти годы, опубликованы в журналах "Знамя" (11, 1986), "Новый мир" (4, 1987), "Дружба народов". Готовится его книга в издательстве "Огонек". Исключение Бориса Пастернака из СП (1958) отменено.

Организуется первое кооперативное издательство "Весть": один из членов правления В. Каверин был членом правления кооперативных издательств в двадцатые годы.

С трибун и со страниц печати требуют устранения предварительной цензуры.

Оставляю в стороне дела не литературные: участие писателей в борьбе против гибели природы, против поворота рек, против загрязнения Байкала, Севана, в результате чего эти озера оказались на краю гибели.

* * *

То, что происходит сегодня, естественно сопоставляется с оттепелью, последовавшей за смертью Сталина. Тогда я жила дома, была захвачена изменениями, испытала горечь крушения иллюзий.

Теперь я могу лишь наблюдать издалека. У меня нет возможности ощущать ежедневно, ежедневно, кожей, ЧТО и КАК творится. Мне остается читать. Вспоминать. Сравнивать. Обдумывать. Спрашивать.

В 1956 г. на партийном собрании после XX съезда я говорила о необходимости выборы

сделать **ВЫБОРАМИ**, то есть, чтобы во всех списках было по несколько кандидатов (короткое время в руководство СП выбирали, но с концом оттепели этот островок демократии был уничтожен).

Сегодня в советских газетах помещают предложения о нескольких кандидатах, рассказывает о том, как выбирали директора РАФ в Елагве, директора пионерлагеря "Артек". На выборах в местные советы в июне 87 г. выставлено в порядке эксперимента по несколько кандидатов. Читаю и о больших трудностях, — люди выбирать не приучены.

В 1964 г. Александр Бек закончил роман "Новое назначение", и началось хождение рукописи по мукам. В "Новом мире" тогда была верстка. Вместе со многими и я принимала участие в ее судьбе, просила об ее издании. Тогда же называла и "Реквием" А. Ахматовой, "Софью Петровну" Л. Чуковской, "Крутой маршрут" Евг. Гинзбург. Ни одна из этих рукописей в СССР опубликована не была, они распространялись в самиздате, а затем были изданы за границей.

Теперь "Новое назначение" напечатано в журнале "Знамя" (10.11.86), "Реквием" в журнале "Октябрь" (3, 1987) и "Нева" (6, 1987). Этот ахматовский цикл закончен в 1940 году, то есть прошло сорок семь лет! Ни Ахматова, ни Бек до своих публикаций на родине не дожили. Повесть "Софья Петровна" объявлена в "Неве" на 1988 г. В журнале "Октябрь" объявлен роман В. Гроссмана "Жизнь и судьба".

Вечер девятнадцатого декабря, когда мы узнали о возвращении Сахаровых в Москву из горьковской ссылки, был одним из счастливейших в нашей жизни. И каждое последующее сообщение о том, что человек вернулся из лагеря, из ссылки, из психушки вызывает прежде всего радость. Да, я тоже вместе со многими людьми и дома и за границей хотела бы большего: не милости, а справедливости, не избирательной амнистии, а полной реабилитации, не частичной, а для всех, не постепенной, а сразу. Именно так было во время прошлой оттепели. И, все же, прежде всего — радуюсь.

Однако постараюсь не выходить за рамки литературы, хотя, когда это было возможным — отделить русскую литературу от жизни?

Оттепель 1956 года (дата эта, конечно, условна, — началось раньше, кончилось позже) наступила после жестоких морозов, беспримерных даже в жестокой русской истории. И морозы эти были сопряжены с массовой верой, не менее беспримерной, в необходимость или, по меньшей мере, в неизбежность такого развития: и коллективизации, и репрессий, и процессов, и роста тяжелой промышленности в ущерб легкой; все, — во имя лучшего будущего.

В ледяном массиве сталинщины были заморожены миллионы трупов. А также книги, стихи, идеи, теории, чувства. Размораживание, реабилитации и крушение веры шли одновременно.

Просыпающаяся в конце пятидесятых годов литература стремилась прежде всего назвать вещи

своими именами, словно в начале творения.

"Заказ" общества в ту пору был именно таким. Этот заказ отнюдь не был спущен сверху. Сверху шли формулировки, сначала ошеломляющие "культ личности Сталина", "восстановление социалистической законности", но очень быстро мертвевшие.

А люди хотели знать ЧТО было, КАК было. Требовался, причем немедленно, ответ на два классических вопроса русской литературы: Кто виноват? Что делать?

Ответы были более или менее определенными: виноваты сталинцы. Надо назвать виновных, разоблачить их, но не мстить. Надо перестроить общество. Бек так и пишет о лете 1956 года: "была обещана полная перестройка". Да, на ее пути много ухабов (название рассказа В. Тендрякова), да, людей превращали в рычаги (название рассказа А. Яшина), но, вот, теперь ухабы сровняют, а люди вновь станут людьми...

На каждом шагу мы тогда слышали: "не надо ворошить прошлое". Ворошить запрещали. И с этим мирились, Но прошлое не исчезло, постоянно давая о себе знать.

Печать и литература тогда едва только начали касаться болевых точек. Понятие "преступление" прав гражданства не получило.

Если и проскакивали статьи, книги с изображением отрицательных явлений, то все списывалось, должно было списываться на тот же культ, на Сталина. Все попытки копнуть несколько глубже, исследовать, исходя из основ марксист-

ской методологии, основы системы немедленно и резко пресекались. Характерна судьба генерала Петра Григоренко. Он заговорил о чертах системы, о новом культе в 1961 году на партийной конференции перед XXII съездом КПСС. За это он был лишен депутатского мандата, а впоследствии исключен из партии, изгнан из армии, арестован, посажен в психиатрическую тюрьму, а затем вытолкнут в изгнание, лишен советского гражданства...

Подобные репрессии не способствовали развертыванию дискуссии, но и не устранили вопросы.

В фильме "Чистое небо" потоки грязной воды победно смывали грязь, сугробы. В этой расхожей метафоре оттепели воплощалось радостное ожидание. Будущее представлялось близким и сравнительно легко достижимым, — вот-вот, за углом...

"Возвращение к сталинщине невозможно", — тогда я это слышала со всех сторон и сама повторяла. Была в этом утверждении и частица правды, ведь последующий застойный период, при всех тех бедах, которые выпали на долю людей и страны, — все же был несравненно менее жестоким, чем сталинский. Застой сопровождался массовым неверием, небывалым ростом цинизма.

Сначала бросается в глаза сходство оттепели и сегодняшней перестройки. Многие мысли, высказываемые сегодня, впервые прозвучали тогда. Вот, например, драматург В. Арро: "...должно притти ослабление директивного начала. Не надо

и нам диктовать, что и когда сеять. Мы и сами знаем: разумное, доброе, вечное. А какими художественными средствами..." (ЛГ 7.1.87). Драматург и прозаик А. Крон писал о том же самом в альманахе "Литературная Москва" 2, в 1956 году. За публикацию этой статьи (и рассказа А. Яшина и прозы Цветаевой) альманах изругали в прессе и запретили.

Однако различий, пожалуй, больше, чем сходства, и они существеннее. Из болота выбираются иначе, чем из морозов.

Все нарастающая, — пока! — гласность открывает картину тяжело больного, усталого общества. Портрет этого общества создавался все эти годы литераторами-диссидентами в самиздате. Но сегодня эта картина возникает в советской печати.

Возникает в таком объеме, с такими подробностями, с такой точностью, с такой глубиной едва ли не впервые в советской истории.

Это еще не лечение болезней. Но уже серьезный диагноз, серьезный о них разговор.

Читая множество статей о горбачевских реформах, потоянно наталкиваюсь на один и тот же закономерный вопрос: все это слова, пусть и новые, и многообещающие. Но где же ДЕЛА за этими словами?

Дело писателя, дело журналиста — слово.

Два распространенных суждения. Одно: никакой оттепели нет, культурной — тоже нет. Просто власть ради пропаганды вынуждена сделать для Запада некоторые либеральные жесты, например, опубликовать Гумилева и Набокова. При этом

реабилитируются только мертвые. Другое: прежде советским писателям было приказано молчать, и они молчали. Сегодня им приказано критиковать, и они вовсю пустились в критику.

Оба утверждения сомнительны. Марина Цветаева неизменно называла Марселя Пруста среди лучших современных писателей, и столь же неизменным было удивление слушателей — он же умер?! "По какому же принципу устанавливается живость или умершествование писателей, — возмущалась Цветаева. — Неужели Х жив и современен и действителен потому, что он может притти на это собрание, а Марсель Пруст, потому что никуда ногами не придет — мертв. Так можно судить только о скороходах..."

Публикация умерших весьма сказывается на судьбах сегодняшней литературы. Элем Климов на пресс-конференции в Берлине (ноябрь 1986), говоря о впервые напечатанных произведениях Ахматовой, Цветаевой, Булгакова, добавил: "Вот, приносит объемистую рукопись в журнал писатель Y Герой социалистического труда. А ему рукопись возвращают со словами: "Мы печатаем Набокова..." Он и пишет жалобы, а чаще угрозы "наверх". Не случайно один из противников реформ (разумеется, в маске их сторонника) со страниц "Правды" назвал публикации умерших "некрофилией".

Хорошая книга, пусть и давно написанная, если не вытесняет плохую, — это процесс длительный, — то, по крайней мере, ее оттесняет. Тем самым воспитывается вкус, вырабатываются

истинные критерии оценок. Роман "Мастер и Маргарита" превратил в несуществующие тысячи серых страниц.

Однако на самом деле публикуют не только мертвых. Многие писатели увидели, — наконец! — свои книги в журналах, кинорежиссеры — свои фильмы на экранах, драматурги — пьесы на сцене, художники — картины на выставках.

Снимаются, смываются долголетние запреты со многих областей советской жизни. Публикуются статьи и книги об истинном положении в сельском хозяйстве, об алкоголизме, о наркомании, о проституции, о "сладкой" жизни номенклатуры, о подлинных настроениях среди молодежи. Впервые оглашаются данные социологических и статистических исследований.

Начинается, медленно, но начинается действительное исследование прошлого. О пагубности коллективизации, о раскулачивании и "окулачивании" начали писать сравнительно давно. Это продолжается. Поэма А. Твардовского "По праву памяти", запрещенная в 1969 году, появилась в 1987 сразу в двух журналах.

Все чаще обращаются литераторы к эпохе массового террора. На полосе "Литературной газеты", посвященной жизни Главного Конструктора космических ракет Королева, впервые описан и день его ареста. "28 июня 1938 г. ... Утренний ветер поднимал на Конюшковской пыль, гонял по мостовой бумажки — дворники почти не работали в то лето: ночами их водили как понятых, а днем они отсыпались... Вошли трое с дворни-

ком, предъявили ордер, посадили на стулья посередине комнаты. Королев сидел молча. Не говорил об ошибке, которая, конечно же, очень скоро будет исправлена... Утром в приемной на Кузнецком мосту пояснили: "Передавал чертежи фирме "Мессершмидт"..." (ЛГ, 7.1.87).

Такое запоминается. Не пропустишь.

Впервые имена Троцкого, Бухарина, Зиновьева начинают упоминаться вне привычного набора ругательств: предпринимаются первые попытки представить этих деятелей в контексте истории. Попытки эти еще очень робкие, но и это нечто небывалое.

Советские читатели впервые могут прочитать книги о незаконной высылке народов по сталинским указам: А. Приставкин — "Ночевала тучка золотая..." — трагическая судьба чеченов, показанная глазами мальчиков-детдомовцев ("Знамя", 4, 5, 1987). Высылка из Молдавии лиц, якобы сотрудничавших с нацистами (Е. Герасимов "Стук в дверь", "Октябрь", 4, 1987).

Напечатаны книги о том, как уничтожались целые отрасли науки: Д. Гранин "Зубр" ("Новый мир", 1, 2, 1987), В. Дудинцев "Белые одежды" ("Нева", 4, 5, 6, 1987).

Действие романа А. Рыбакова "Дети Арбата" ("Дружба народов", 5, 6, 7, 1987) происходит в 1934 году. Установление абсолютной власти Сталина прослеживается шаг за шагом, во множестве конкретных подробностей. В неразрывном сплетении представлены две главные опоры этой власти — нарастающий террор и фанатическая вера.

Называю те книги, в которых не просто излагаются факты о преступлениях прошлого. Различны индивидуальные особенности авторов, различные меры их таланта. Но все это — художественные исследования социальных обстоятельств и человеческих характеров, сформированных этими обстоятельствами.

Все эти книги неизбежно проникают в суть системы

Рецензент "Литературной газеты" (13.5.87) пишет, что повествование В. Дудинцева "...раскрывает перед нами многие тайные пружины и механизм бюрократической машины. Той самой машины, которая правила всем государством и приводные ремни от которой крутили маховики всех отраслей народного хозяйства, экономики, науки, культуры".

Разумеется, и теперь полно приспособленцев. Повесть В. Тендрякова (умер в 1984 г.) "Чистые воды Китежа" ("Дружба народов", 8, 1986) о начавшейся и кончившейся борьбе за очищение реки. Критик И. Золотусский анализирует повесть так: "Оживление в городе Китеже, прекращаемое по воле самого народа — никто ничего не запрещал, не отменял, появилась всего лишь статья Сидорова, — печальный симптом, который видит Вл. Тендряков в нашей общественной жизни. Достаточно ложного знака о прекращении кампании, как кампания свертывается по мановению волшебной палочки. Как всегда у Тендрякова его повесть — социальный снаряд, который бьет не только по отдельным целям,

по всему фронту, не боясь, что называется, делать широкие обобщения, ведущие к далеко идущим последствиям". ("Знамя", 1, 1987) Эти последние слова критика можно отнести не только к повести Тендрякова, а и ко многим другим книгам.

Я говорю не о приспособленцах, а о настоящих литераторах, которые оставались верны себе и во время оттепели, и во время застоя. Они писали правду. А теперь достают рукописи из ящиков письменных столов и публикуют их.

Роман В. Распутина "Пожар" опубликован в июле 1985 года, то есть и по времени не мог иметь отношения к пленумам и съездам. Для опровержения тезиса о том, что писатели просто исполняют правительственные приказы, достаточно привести даты написания: Е. Герасимов "Стук в дверь" — 1960 г., А. Приставкин "Ночевала тучка золотая..." — 1981 г., А. Рыбаков "Дети Арбата" — роман впервые объявлен в "Новом мире" на 1966 год... Библиография произведений В. Дудинцева выглядит так: "Не хлебом единым", 1957; "Новогодняя сказка", 1961; "Белые одежды", 1987. Что делал он четверть века? Поскольку нельзя было отстраниться и от забот о хлебе насущном, он много переводил. Но как было продержаться все эти долгие годы духовно?

* * *

Фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние" — одна из вершин советского кинематографа — задумы-

вался двадцать лет назад. Закончен в 1984 г., тогда же запрещен. Сегодня он идет во всех кино, билетов на него не достать. Во время сеансов почти всегда кое-кто уходит. Потому ли, что тяжело смотреть, потому ли, что негодует — как можно такое показывать? Ответить нелегко, даже и живя в Москве. Покаяние — одно из важнейших понятий времени.

”Негоже нам, историкам, судить об обществе как бы со стороны, то в белом фраке, то в белом халате. Уж, кто прежде должен исцелиться, а, пожалуй, и покаяние совершить, так это прежде всего мы сами. А в нашем собственном цехе перестройка, будем надеяться, еще впереди”. Ю. Афанасьев, ректор Историко-архивного института (МН, 26.3.87).

В. Солоухин, узнав о заседании комиссии по литературному наследию Б. Пастернака, сказал: ”Жаль, что меня не было на этом обсуждении — душа просит покаяния. На нас всех вина!” (ЛГ, 6.5.87). (Он выступал против Пастернака на том собрании, которое исключало Б. Пастернака.)

В романе Д. Гранина ”Зубр” человек, писавший многочисленные доносы на героя, замечательного ученого Тимофеева-Ресовского, спрашивает автора, видел ли он когда-либо ”...после всех нарушений, чтобы кто-то пусть не на площади, пусть на собрании, вышел бы, встал перед людьми и сказал: ”Товарищи-граждане, судите меня без пощады, я приговорил человека безвинного, да не одного”. Ни разу такого не слышал. А вы слышали?

...Нет, не слыхал.

— Так чего же вы от меня хотите? Кругом нас полно нераскаявшихся”.

”Без покаяния не наступит очищение. Нам дан шанс. Если не сейчас прозреем, то когда же?” — заканчивает статью Лидия Графова (ЛГ, 22.4.87).

”Самое важное сейчас в литературе — покаяние” — академик Д. Лихачев (ЛГ, 6.5.87).

Покаяние — разумеется, если оно не очередная спекуляция, — взрыв эмоциональный, знак того, что процесс изменения начался, залог его чистоты и глубины. И, пожалуй, ничего подобного не было в годы оттепели. Изменения в сфере интеллектуальной выражаются в подступах к пересмотру понятий, догматов, закаменевших за несколько десятилетий.

Приведу несколько примеров.

”Если враг не сдается — его уничтожают” — эту горьковскую фразу повторяли, вбивали в головы в буквальном (сотни тысяч заключенных слышали ее от следователей) и в переносном смысле слова. А. Адамович пишет: ”Существовали два лозунга: ”Если враг не сдается — его уничтожают” и ”Не делай другому того, чего не хочешь себе”. Какой соответствует новому мышлению? Разумеется, только второй” (ЛГ, 1.1.87).

В стихотворении Бориса Слуцкого (опубликованном посмертно) есть строки:

Не убий, даже немца
...если есть малейшая возможность.
Даже немца, даже фашиста.
Если враг не сдается,
его не уничтожают.
Его пленяют,
его сажают
в большой и чистый лагерь...
... врага обучают на друга.

(“Знамя”, 1, 1987)

И в сталинскую и в послесталинскую эпохи, и сегодня неизменно воспевался героизм, как одна из высших добродетелей. Светлана Алексеевич, автор документальной книги “У войны не женское лицо” спорит: “Идея “героического” (это слово в кавычки никогда прежде не ставилось! — Р. О.) произросла и расцвела пышным цветом на фоне неуважения к отдельному человеку, который почему-то, и в нашей литературе в том числе, казался маленьким рядом с нашими великими делами и великими планами”. И писательница утверждает, что прожить обычную жизнь порядочно ничуть не легче, чем вытащить ребенка из огня... (ЛГ, 11.3.87)

Совсем недавно понятие “абстрактный гуманизм” принадлежало только к числу негативных, даже ругательных. Ю. Азаров, учитель, профессор педагогики приводит разговор с оппонентом:

— Не забываете ли вы о принципе классовости в воспитании?

— Для меня этот принцип состоит в том, чтобы защищать, а не уничтожать истинные человеческие ценности, те ценности, которые сформировались в борьбе с темными силами реакции, где бы такие силы ни произрастали, у нас или за рубежом (о "темных силах реакции" в СССР никогда не писали — Р. О.).

— Общечеловеческих ценностей вообще не существует. Вы занимаете позицию абстрактного гуманизма.

Стоило ли отвечать на подобные глупости? ("Новый мир", 4, 1987).

Журналист Ю. Щекочихин, рассказывая об очередных своих разговорах с "панками", "металлистами", замечает: "Одно время мы всей мощью ополчились на абстрактный гуманизм, приписывая именно ему все наши огрехи, считая, что уж с его-то помощью человека никак не закалишь, только, так сказать, разболтаешь. Но, оказываясь, что именно этого "абстрактного" не хватает сейчас в реальной жизни наших ребят... Они хотели, чтобы услышали-то мы как раз их страстное желание расти в мире добра и справедливости". (ЛГ, 8.4.87)

В понятие гуманизм входит и милосердие. Начинается и его реабилитация.

Белла Ахмадулина: "Господи, думаю я, если б нам немного жалости, милосердия, сострадания друг к другу, и очень много мы бы все выиграли. Это и на хозяйстве сказалось бы, и на речи нашей и, главное, на той драгоценности, которую нам никак нельзя терять. Я имею в виду умы и таланты людей, которые приходится

нам современниками, соотечественниками". (ЛГ, 1.1.87)

Д. Гранин озаглавливает большую статью "О милосердии": "...Милосердие убывало не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий людям не позволяли оказывать помощь близким, соседям, семьям пострадавших. Не давали приютить детей арестованных, сосланных. Людей заставляли высказывать одобрение суровым приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные милосердию, расценивались как подозрительные, а то и преступные... Мы воспевали героике преодолевающих трудности бесстрашных борцов. Но где были произведения о людях, не могущих одолеть несправедливости и тяготы жизни, о тех, кто упал духом и отчаялся? А сколько их было вокруг нас — и литература не протянула им руку, она лишь клеймила, осуждала и отчуждала павших". (ЛГ, 18.3.87)

Среди аксиом советского литературоведения и критики — абсолютный примат содержания над формой. А. Межиров в статье о поэзии И. Северянина (тоже одно из недавно возвращенных имен) противоречит и этой аксиоме: "Все-таки поэзия — форма. И не даром Вл. Соловьев считал, что древние греки всех победили в искусстве потому, что их "совершенно не интересовало содержание". Форма — судьба. А содержание — первая реальность, которая для художественного произведения не годится. Наверно, форма и есть преображенное содержание". (ЛГ, 13.5.87)

Близкие по духу суждения публиковались, — хотя далеко не столь определенно, резко выраженные, — и во время оттепели. И это не осталось втуне. В. Распутин, выступая по немецкому телевидению в марте 87-го года сказал об этом: "...мы еще успели хлебнуть глоток свежего воздуха и продолжали дышать им вопреки всему, что произошло позже..."

Все новые требования сторонников реформ перекрестываются вчерашние. То, что удастся опубликовать, — а удастся пока все больше и больше, происходит — это явно, — в результате острой борьбы. Публикации ранее запрещенных авторов сопровождаются (а иногда им предшествуют) знакомые до оскомины оговорки "не преувеличивать значения" Набокова, Гумилева. Впрочем, и тридцать лет тому назад не успели опубликовать однотомник убитого в заключении Бабе-ля, как раздались охранительные голоса: "не переоценивайте!"

Джин из бутылки, однако, выпущен. Думающим учителям — в огромной армии немало и таких — опубликованная набоковская книга о Гоголе несомненно поможет в их неустанном сопротивлении мертвым схемам, подавляющим живую историю русской литературы и отбивающим у детей вкус к чтению.

Надежда Мандельштам показала в своих книгах, как, начиная с двадцатых годов, происходило разрушение общечеловеческих ценностей. Что предшествовало уничтожению искусства, уничтожению людей.

Сейчас начинается, — робко, медленно, но начинается восстановление, возрождение этих ценностей. Они никогда не умирали в сердцах людей, в творчестве истинных писателей. Но сегодня утверждение общечеловеческой нравственности проникает на страницы массовой печати, оттесняя, а то и заменяя вчерашние лозунги.

* * *

Думаю, что литература не может быть ни построена, ни перестроена. Культура, литература не строится, а растет. Растет почти независимо от общественных поворотов, катаклизмов, приказов, указов. Растет в естественном ритме. Можно запретить книги, можно убить писателей, но ничего нельзя создать по приказу.

Одно из ключевых слов в СССР сегодня "ускорение" — в области культуры оно может принести только вред. Еще раз подчеркну: я имею в виду творчество, а не административные меры. Чем *скорее*, чем больше будут публиковать все, ранее запрещенное, тем лучше. Читаю, например, в газетах, что еще 30 фильмов сняты с полки и пущены в прокат, и благословляю Бога и Элема Климова. И, конечно же, прежде всего надо спешить с освобождением людей.

Но именно тут в слове "спешить", — одна из самых серьезных, самых больных проблем всего движения за реформы: надо торопиться. И потому, что существует реальная опасность — о ней написано во многих статьях — опасность, что все

кончится, опасность "отката", "возвращения на круги своя". Постоянно повторяется вопрос: как сделать происходящее необратимым?

Не торопиться нельзя и потому, что у большинства в крови недоверие, объясняемое опытом советской истории: а вдруг завтра уже нельзя будет опубликовать ничего подобного тому, что публикуется сегодня?

Но и слишком торопиться тоже нельзя, когда речь идет о создании. Слово, полноценное слово должно прорасти, как колос. Да и многие общественные перемены требуют времени. Писатель-историк Н. Эдельман: "Когда я слышу, ...с как мои друзья говорят о том, что не изменилось за год-два-три — это смешно... Лет 15—20 — минимум для исторического витка... Волшебной палочки в истории не бывает". ("Даугава", 2, 1987) Историк Н. Павлова-Сильвановская озаглавила статью "Нетерпение". "...перестройка оказалась намного сложнее, чем представлялось поначалу... Любая политика... нуждается в более или менее осязаемом "демонстрационном эффекте". А, если проблемы оказались столь сложными, что сенсационных успехов добиться не удастся?.. Поставить под сомнение перестройку или снова начать "подправлять" упрямую реальность?" Автор называет такой выход самоубийственным. "Боюсь, что мы еще не до конца осознали всю сложность стоящих перед нашим обществом проблем". (ЛГ, 29.4. 87)

Тревогу вызывает и то обстоятельство, что большинство сторонников реформы в области

литературы — люди, как видно по приведенным библиографическим данным, среднего и пожилого возраста. Уже критик В. Лакшин в "Известиях" высказал эту тревогу. Где молодые? С кем они? Кто идет следом?

Возникшие надежды сопровождаются сомнениями. Но, в отличие от прошлого сомнения, звучат не только в частных разговорах, в спорах, а высказываются открыто в печати, по радио, по телевидению.

Вылетевших слов, — романов, рассказов, пьес, фильмов, — уже не поймаешь, не вернешь в ящики, на полки.

Хотя можно, — в который уж раз — сделать вид, что ничего не было. Наша история учит и тому, что ничего необратимого не бывает...

Режиссер Алексей Герман (два его фильма были запрещены, а сейчас вышли на всесоюзные и международные экраны) отвечает на вопрос журналиста:

— А фильмы о нашем времени вы не хотели бы снять?

— Ну, для этого мне надо сначала убедиться, что о современных проблемах можно говорить в полный голос... ("Новый мир", 2, 1987)

Обычные слова, каждый из нас слышал подобные сотни раз. Необычно лишь то, что они опубликованы.

Сатирик Л. Лиходеев: "Что скажут наши идеологические супостаты, которым мы подрядились постоянно сдавать экзамен на аттестат социальной зрелости? Что запоем на своих гитарах

наша замечательная молодежь, когда вдруг узнает, что дважды два четыре и все дела?.." (МН, 11.1.87)

Драматург А. Гельман: "Неужели это мы? да, это мы. Это мы вчера мирились с тем, с чем сегодня не миримся. Это мы вчера робели о том, о чем сегодня не молчим... Значит, мы завтра снова сможем мириться с тем, с чем не миримся сегодня, и снова бояться писать в газетах. ...Люди таковы, каковы обстоятельства, и если есть возможность очеловечить обстоятельства, надо это делать не лентяй, капитально, надолго, потому, что это самое большее, что мы можем сделать для себя, для детей и детей наших детей". (ЛГ, 10.10.86)

В большинстве статей, выступлений звучит: Жить не на коротком дыхании. Делать сегодня все, что возможно, так, словно сегодня — последний день и твой и мира. Стремиться к необратимости.

Статья А. Горловского, посвященная литературной критике, названа "Перед новым этапом?" Это можно отнести и к другим областям жизни. Писатель Олег Волков защищал природу тридцать лет назад, когда никакого экологического движения в помине не было. Напротив, во всю трубили о необходимости преобразований.

Сегодня О. Волкова настораживает заголовок письма академиков "Байкал будет чистым!" "Вы в этом уверены, уважаемые авторы?" — спрашивает он.

Слово Волкова — не однодневка в угоду моде.

Его слово растет из трезвого понимания давних и растущих препятствий. Это слово выстрадано узником сталинских лагерей. И когда он заканчивает: "...возвращение к застойным, душным годам означало бы гибель державы!" (ЛГ, 20. 5. 87), то разделяешь его вопросы, его надежды и его опасения.

Гласность выявляет и рождает новые и новые проблемы, все труднее разрешимые. На поверхность всплывает все больше грязного, мелкого, а то и страшного.

Что такое возникающие повсюду "не формальные" объединения молодежи? Что такое отряды самообороны типа "люберов", — юноши, решившие по-своему "оздоровить" страну, кулачными расправами с инакоодетыми, инаковедущими себя? Эти молодые люди хотят силой установить порядок, но не признают ни закона, ни милосердия, уверены в своем праве вершить суд, вплоть до суда Линча... Как с ними поступать? Является ли проституция преступлением? Когда проституции в СССР "не было", то не было и проблемы.

В цитатах, мною приведенных, содержатся высказывания, публикация которых была невозможна еще год назад. Но это не означает, что вся советская пресса такова сейчас. Часто высказываются и суждения, прямо противоположные, часто выражается возмущение теми, кто требует глубокого исследования прошлого. (Таковы, например, споры вокруг опубликованного резко-го письма Ф. Раскольникову И. Сталину.)

Предвещают ли "ласточки" новой гласности

действительно весну? Не знаю.

Перестройка? Покаяние? Пересмотр? повторяю вопросы, поставленные в заголовке. Плодотворным для литературы и для общества, для сегодняшнего дня и для завтрашнего мне представляется такая перестройка, в основе которой будет покаяние и пересмотр.

Высказанные вслух сомнения дают небольшую надежду на то, что "единственный" шанс хоть в какой-то мере будет использован, что "необратимость" останется не просто заклинанием.

Закончить я хочу не сомнениями, а надеждой, — так озаглавлен цикл стихотворений Владимира Корнилова.

Безутешно
Прошу, как грош:
Мне надежду
Вынь да положь!

Дай, как воздух,
Как воду, дай.
Дай не в досталь,
Дай не на даль —

Хоть немного
Уже брести.
Безнадегу
Мне не снести.

*Раиса Орлова
Кельн. Май 1987*

ВСТРЕЧА НА ЛУБЯНКЕ

М.Г. Менделеев рассказал:

8 мая 1938 года меня привезли этапом из города Воркуты, из лагеря особого режима, в Москву, во внутреннюю тюрьму УГБ НКВД СССР — на Лубянку 2 — и поместили в камеру № 5.

В конце июня или в начале июля 1938 года, после допроса у следователя по фамилии Шарок меня привели не в мою камеру. Оглядевшись в затемненной камере, я увидел ее обитателя и сказал: "Здравствуйте" идущему мне навстречу, подавая ему руку, и услышал: "Не торопитесь подавать мне руки, выслушайте меня и тогда решите, стоит ли подать мне руку".

— Я приговорен к смертной казни и ожидаю приведения приговора в исполнение. Вас скоро спохватятся, через 2—2,5 часа. Не перебивайте меня и внимательно слушайте. Может быть, вы живым останетесь и тогда вы все расскажете. Моя фамилия Мельников Борис Николаевич, работал Генеральным консулом в Токио и членом коллегии Наркоминдела. Два месяца тому назад меня вызвали и сообщили, что я приговорен к расстрелу, и сказали: "Мельников, вы сейчас — труп. Мы вызвали вашу жену и 13-летнюю дочь и сообщили им, что вы расстреляны, и сказали им, чтобы передач вам больше не носили. Вы теперь — труп, и мы вольны сейчас делать с вами все, что нам заблагорассудится. И если вы не хотите много раз умирать, а один раз, то вы дадите нам

то, что нам нужно. Выхода у вас нет. При всех условиях вы будете расстреляны”.

От меня требовали подтверждения, что Пятницкий является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран. Зная лично, что О.А. Пятницкий — активный член Коминтерна, и глубоко его уважая за идейность и честность, я всячески доказывал, что это — ложь, наветы и что он уважаем в Коминтерне... И начались допросы, где ожидание допросов и сами допросы приводили меня в содрогание. Я всячески пытался доказывать им, что Пятницкий ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах не мог бы стать шпионом. Следователей это особенно бесило, и с новой яростью они набрасывались на меня и напоминали своими действиями, что я — труп. И однажды, после длительных избиений и истязаний, я не выдержал и согласился дать показания против Пятницкого. Дней пять меня не вызывали и, вызвав, без обиняков заявили, что долго со мной возились и больше возиться не намерены, и что трупом я не сразу стану... Меня отвели в камеру. Через несколько часов меня повели на допрос к следователю, а там их было несколько человек. Старший из них сказал:

— Вот мы вам даем текст ответов на вопросы, на которые вам без запинки и сомнения нужно будет отвечать. Прочтите сейчас вслух ваши ответы и потом выучите их наизусть, хорошо выучите и запомните, — с угрозой сказали мне, — никаких сомнений не должно чувствоваться ни в ваших словах, ни в вашем голосе.

Меня отправили в камеру. Мне увеличили порцию папирос, а на третий день я почувствовал, что время прогулки мне продлено. Через несколько дней меня вызвал к себе следователь, но в том моем состоянии я не мог ничего запомнить. Чуждость содержания ответов, их неправдоподобность не способствовали запоминанию "ответов", их текста. Мне пригрозили, подносили кулаки к лицу и гнусным образом обзывали, но физически меня и пальцем не тронули и потребовали, чтобы через неделю я все выучил. Мне увеличили очень время прогулки и начали издевательски спрашивать о моем здоровье. На восьмой день меня повели к следователю и начали проверять точность моих ответов и особенно интересоваться, как я себя чувствую. Через пять дней мне устроили экзамен и сказали, что я должен быть готов к очень серьезному вызову и сейчас, иронически добавили они, я должен отдыхать.

Через несколько дней мне принесли в камеру мой костюм отглаженный, галстук и начищенные ботинки и повели к следователю. Там меня тщательно оглядели и сказали: "Подойдет". На завтра ко мне в камеру привели парикмахера, побрившего и подстригшего меня. От парикмахера привели к следователю и там строго сказали: "Последний раз предупреждаем вас, держите себя согласно нашей инструкции. В ином случае очень пожалеете".

Через минут 20—30 меня повели во двор и велели сесть в автомашину между двумя людьми,

один из которых был из числа моих следователей. Меня повезли в Кремль и ввели в помещение и, усадив у одной из дверей, велели подождать.

Минут через 15—20 меня ввели в обширную комнату. Я огляделся. За большим столом сидел Сталин и недалеко от стола — человек 10—12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и — поодаль — Н.К. Крупскую.

Я услышал голос Сталина... — Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас. Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядев сидящих в комнате, обратился ко мне. — Гражданин Мельников! — И начал задавать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н.К. Крупской:

— Он лжет! Он фашист, он негодяй! — И бросила в комнату: — Вячеслав Михайлович! Клемент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин.

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Ответом ей было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина:

— Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще.

Меня увели из комнаты заседаний и привезли на Лубянку. Здесь у меня взяли галстук и увели в камеру. Прошла уже вторая неделя. Меня никуда не вызывают. Только очень часто заглядывают

в глазок двери. Повышенную ежедневную порцию папирос мне оставили...

Б.Н. Мельников выглядел предельно усталым, опустошенным и отрешенным от жизни. Очнувшись, он сказал мне:

— Вас могут сейчас хватить и увести в свою камеру. — И торопливо. — Мое желание при первой возможности окончить жизнь самоубийством. Здесь начала открываться дверь, и меня увели в свою камеру.

Это написал сам М.Г. Менделеев 5.06.87 г. в г. Ленинграде, где он живет в настоящее время. Он старый и больной человек. Ему за 80 лет. Он долго сидел в тюрьмах и лагерях. Впрочем, он был в заключении только 5 лет, а с 1941 года его отправили на фронт и он воевал, кажется, всю войну. За свою жизнь он много пережил. Но он говорил своим родным, что самым ярким событием его жизни было то, что он услышал от несчастного Бориса Николаевича Мельникова на Лубянке...

Очень хотелось Сталину сломить моего отца и заставить его дать на себя показания. Для чего это было ему нужно? Ведь не для того же, чтобы убедить Крупскую в виновности Пятницкого (недавно я узнал, что Н.К. Крупская закончила свою трудовую жизнь научным сотрудником... Института физкультуры). Может быть, он хотел организовать еще один показательный процесс — над работниками Коминтерна (Серафима Ильинична Гоннер мне рассказала, что 8-го июля

1937 года, на следующий день после ареста О.А. Пятницкого, утром в Кунцево, на дачах работников Коминтерна, находившиеся там сотрудники Коминтерна "высыпали на улицу и передавали друг другу эту новость, которая нас всех потрясла и заставила задуматься о своей собственной судьбе; о том, что ждет нас самих?", — так говорила она мне). А, может быть, его самого в царское время сделали провокатором, вынудили к этому избиениями и угрозами, и он хотел видеть других людей, даже самых стойких, поверженными и растоптанными? Сталин родился с задатками уголовника и прожил свою жизнь как уголовник!..

Кто-то должен был попытаться остановить волну репрессий. Это сделал мой отец. 25 июня 1937 года он выступил на пленуме ЦК ВКП(б) и призвал пленум к восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Он знал, что его ждет. Но он совершил этот поступок ради интересов партии, которой он отдал всю свою жизнь.

И. Пятницкий

Рассказ М.Г. Менделеева предназначался для книги Юлии Пятницкой "Дневник жены большевика" (Chalidze Publications, 1987), но, к сожалению, он появился на Западе уже после публикации "Дневника". Кроме этого рассказа мы получили несколько замечаний Игоря Пятницкого, дополняющих книгу.

Запись 18 июля. "В 1937 году семья Осипа Пятницкого жила в "Доме на набережной" в квартире № 400. 4-го июля отец позвал меня для разговора. Он сказал,

что на очных ставках Кнорин и Бэла Кун указали на него как на руководителя троцкистской организации в Коминтерне; он уверен в том, что рано или поздно его невиновность будет установлена; он завещал мне жить достойно. Это был мой единственный разговор за эти дни и последний в нашей жизни... 7 июля в 23 часа за отцом приехали и увезли его, когда меня не было дома".

К рассказу Л. Кагановича дано следующее примечание:

"По записи Володи Губермана, которого принял у себя дома Лазарь Каганович, а Игоря Пятницкого он отказался принять и разговаривал с ним через дверь квартиры".

Комментируя рассказ А.С. Темкина, Игорь Пятницкий пишет:

"Арон Семенович Темкин считал, что следователь Лангфранг не имел оснований для того, чтобы в июне-июле 1938 года избивать моего отца на допросах, так как "дело" его уже было закончено и его ждала Военная Коллегия. Но оказалось, что основания были: Сталин требовал от Ежова, чтобы отец признал себя виновным".

Мельников Борис Николаевич, упоминаемый в рассказе Менделеева (1896—1937), был членом военного совета временного Приамурского правительства в 1920, членом Амурского обкома РКП (б). После гражданской войны он на дипломатической работе, связанной с Дальним Востоком: заведует отделом Дальнего Востока в Комиссариате иностранных дел, служит генеральным консулом в Харбине, временным поверенным в делах в Японии и т. д. Очень маловероятно, чтобы он был членом коллегии Наркоминдела, как указывает Менделеев. Интересно расхождение официальной даты смерти (1937) с сообщением М.Г. Менделеева о встрече с Мельниковым в мае 1938. Возможно, официальное сообщение указывает дату вынесения смертного приговора.

Следователь Шарок Григорий Федорович, майор, был награжден в апреле 1940 г. орденом "Знак почета". Следователь с такой фамилией выведен в романе А. Рыбакова "Дети Арбата".

Следователь Лангфанг (не Ланфанг) Александр Иванович до лета 1938 г. был ответственным работником отдела печати ЦК КПСС (см. журнал "Большевистская печать"). Поэтому маловероятно, что он вел допросы коминтерновцев и Пятницкого в 1937 году. В апреле 1940 г. Лангфанг капитан НКВД награжден орденом "Красной звезды".

Несколько уточнений следует сделать к именному указателю книги Ю. Пятницкой "Дневник жены большевика".

Секретарь Ягоды – П.П. Буланов, а не Буланин, как называет его Пятницкая.

А.Г. Зеленская была арестована, прошла лагерь и жила в конце жизни в Москве в той же квартире, что и журналист В. Козловский (см. НРС от 18.12. 1987).

Леплевский (не Лепяевский) заместитель Вышинского, брат крупного работника НКВД И.М. Леплевского.

Д.Т. Флоринский – работник НКВД.

Е.Г. Ширвинд – начальник ГУМЗ (Главного управления мест заключения), сидел, в 50-е годы автор трудов по пенитенциарному праву.

С. Максудов

